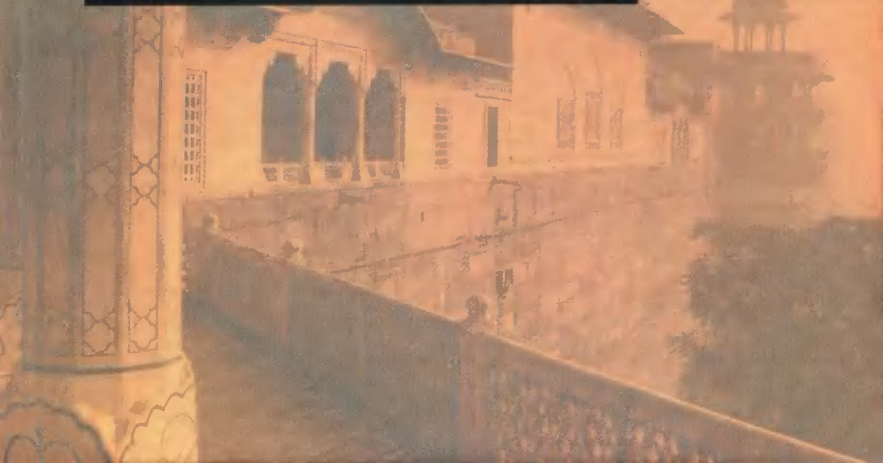

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Курт ВОННЕГУТ

Табакерка
из Багомбо

Курт
ВОННЕГУТ

Курт ВОННЕГУТ

Табакерка из Багомбо

ast
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)-44
В73

Серия «Книга на все времена»

Kurt Vonnegut
BAGOMBO SNUFF BOX

*Перевод с английского А. Аракелова, Е. Барзовой, С. Бавина,
М. Гальпериной, А. Комаринца, Т. Кухта, Г. Мурадян, Т. Покидаевой,
Н. Рейн, К. Сошинской, Д. Шкаева, Н. Эристави*

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения издательства G.P. Putnam's Sons,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 19.10.10. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Заказ № 2439

Воннегут, К.

В73 Табакерка из Багомбо : [рассказы; пер. с англ.] / Курт Воннегут. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 351, [1] с. — (Книга на все времена).

ISBN 978-5-17-065513-7 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-32055-2 (ООО «Изд-во Астрель»)

Ранние рассказы великого Воннегута.

Рассказы, в которых он — тогда молодой, начинающий литератор — еще только нащупывает свой уникальный стиль.

Уже подлинно «воннегутовский» юмор — летящий, саркастичный, почти сюрреалистичный.

Однако сюжеты и стиль этих рассказов все еще относятся к классической «нью-йоркской школе», столь любимой интеллектуальными читателями середины прошлого века — и сохранившей свое непосредственное и тонкое обаяние до сих пор.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Kurt Vonnegut, 1999
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

*Как и в моих других книгах:
Все персонажи — живые и мертвые — чистый вымысел, и истолковывать тут нечего. Никакие имена не были изменены, дабы защитить невинность. Собственно говоря, защита невинности — это для ангелов, их Небесная рутина, только и всего.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как и все двадцать три истории из моего предыдущего сборника «Добро пожаловать в обезьянник», изданного в твердой обложке, эти рассказы были написаны в самом конце золотого века журнальной беллетристики. На протяжении примерно полувека, вплоть до 1953 года, подобное чтение служило пусть и не самым захватывающим, но все-таки популярным способом развлечения для миллионов семей в этой стране — и моя собственная семья не была исключением.

И вот теперь престарелый писатель надеется, что хотя бы какие-то из его ранних рассказов при всей их наивности, непритязательной мягкости и неуклюжести все же сумеют развлечь читателей и в наши жесткие времена.

Эти давние рассказы никогда не были бы переизданы сейчас, если бы мои романы, написанные примерно в то же время, не привлекли благосклонное внимание критиков. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда! К тому времени мои дети уже стали взрослыми, а сам я был человеком, что называется, средних лет. По идее, эти истории, печатавшиеся в журналах, переполненных беллетристикой и рекламой — в журналах, большинство из которых давно почитет в бозе, — тоже должны были тихо скончаться, как бабочки-однодневки.

Тем, что какие-то мои вещи выходят в свет и сейчас, я обязан усилиям исключительно одного человека, издателя Сеймора Лоуренса, для друзей — просто Сэма (1927—1994). В 1965 году, когда меня уже наглухо не издавали, и я сидел без гроша в кармане и преподавал основы писательского мастерства в университете Айовы, пытаюсь хоть как-то прокормить семью, оставшуюся на Кейп-Коде, Сэм практически за бесценок выкупил права на издание моих книг — как в твердой, так и в мягкой обложке — у издателей, которые давно поставили на мне крест. Сэм «подтолкнул» мои вещи буквально под нос близорукой публике.

Искусственное дыхание, непрямой массаж сердца — реанимация автора, который благополучно скончался!

И ободренный автор, этот восставший из мертвых Лазарь написал для Сэма «Бойню номер пять». Эта книга сделала мне имя. Я — гуманист, и потому мне не положено верить в загробную жизнь. Но пять лет назад, на панихиде по Сеймору Лоуренсу в нью-йоркском Гарвардском клубе, я сказал — и сказал от души: «Сэм теперь на Небесах». 7 октября 1998 года я вновь оказался в Дрездене, в том же самом подвале, где проходит часть действия «Бойни номер пять», и где я и еще около сотни американских военнопленных пережили бомбежку Дрездена, эту огненную бурю, унесшую жизни 135 000 человек и превратившую «Флоренцию на Эльбе» в мертвый лунный ландшафт.

Когда я спустился в тот самый подвал, мне вдруг подумалось: «Я прожил так долго и остался одним из немногих людей на Земле, которые видели Атлантиду до того, как ее навсегда поглотила морская пучина».

Рассказы, при всей их краткости, могут нести в себе мощь и величие. Еще в старшей школе я прочитал несколько рассказов, которые сразили меня наповал. Вот первое, что приходит на ум: «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» Эрнеста Хемингуэя, «Открытое окно» Саки, «Дары волхвов» О'Генри и «Случай на мосту через Совиный ручей»

Амброза Бирса. Но в этом сборнике, как и в другой моей книге рассказов, нет ни величия, ни мощи. Собственно, они там и не предполагались.

Тем не менее мои рассказы все равно могут быть интересны — хотя бы как реликты «дотелевизионной» эпохи, когда писатель мог содержать семью, сочиняя неприятные истории, удовлетворявшие вкусам неприхотливых читателей журналов, и у него, таким образом, оставалось достаточно времени на работу над большими серьезными романами. В 1950 году, когда я ушел с работы и стал свободным художником, мне казалось, что это уже навсегда.

Причем, я питал эти радужные надежды в очень даже хорошей компании. Хемингуэй писал для «Esquire», Фрэнсис Скотт Фицджеральд — для «The Saturday Evening Post», Уильям Фолкнер — для «Collier's», Джон Стейнбек — для «The Woman's Home Companion».

Думайте обо мне что хотите, но я никогда не писал для журнала под названием типа «The Woman's Home Companion», хотя было время, когда я бы с радостью согласился на подобное предложение. И еще я хочу добавить: если женщина-домохозяйка целыми днями сидит одна дома, пока муж на работе, а дети в школе, это еще не значит, что она слабоумная дура.

В связи с выходом в свет этого сборника мне бы хотелось поговорить о необычном и благотворном воздействии, которое рассказ может оказывать на читателя — о воздействии, отличающем рассказ от романа, кинофильма, спектакля или телепередачи. Но прежде чем я перейду к самой сути, давайте мы с вами представим себе комнату в доме, где прошло мое детство и юность — в Индианаполисе, в самом разгаре предыдущей Великой Депрессии. Предыдущая Великая Депрессия началась биржевым крахом 24 октября 1929 года и закончилась 7 декабря 1941 года, когда японцы оказали нам услугу, то есть, за здорово живешь разбомбили наш коматозный военный флот в Перл-Харборе. Узкогла-

зым желтожопым ублюдкам, как мы их тогда называли, осточертела Великая Депрессия. И нам самим — тоже.

Представьте, что сейчас снова 1938 год. Очередной препаршивый денек в Шортриджской средней школе. Но вот уроки закончились, я возвращаюсь домой. Мама, которая не работает и сидит дома, говорит, что пришел свежий номер «Saturday Evening Post» — лежит на журнальном столике. На улице дождь, в школе меня не любят. Но журнал не включишь, как телевизор. Его надо взять в руки, иначе он так и будет лежать на столе, не подавая признаков жизни. Журналы не проявляют активность без посторонней помощи.

И вот я беру журнал. Теперь надо расположить с максимальным комфортом все сто шестьдесят фунтов моей подростковой тушки в большом мягком кресле. Потом — пролистать свежий номер в поисках рассказа с привлекательным названием или иллюстрацией, за которую зацепится взгляд.

Пока не закончился золотой век американской журнальной беллетристики, иллюстраторам платили не меньше, чем авторам, чьи работы они иллюстрировали. Иллюстраторы были нередко не менее — в иной раз и более — знамениты, чем авторы. Норман Роквелл был их Микеланджело.

Пока я читаю рассказ, взгляд натывается на «окошки» с рекламой автомобилей, сигарет, кремов для рук и т.д. Именно рекламодатели, а не читатели по-настоящему оплачивают все эти роскошные публикации. И большое им за это спасибо. Дай бог им здоровья! Но чтение — это не просто забава. Тут надо как следует поработать мозгами! И я включаю мозги.

И это еще далеко не все. Мозги работают как заведенные, и я делаю практически невозможное — то, что вы, дорогие читатели, делаете сейчас. Я извлекаю смысл из специфических конструкций, расположенных горизонтальными линиями на отбеленной и раскатанной древесной пульпе и составленных только из двадцати шести фонетических знаков, десяти арабских цифр и приблизительно восьми знаков препинания!

И вот что я вам скажу: когда я читаю, мой пульс и дыхание замедляются. Все школьные печали и горести отступают на второй план. Я пребываю в блаженном парении где-то между сном и безмятежностью.

Понятно?

А потом, минут через десять — или сколько там нужно, чтобы до конца прочитать рассказ, — я выбираюсь из кресла и возвращаю журнал на столик, чтобы его прочитали другие.

Понятно?

А потом мой отец-архитектор приходит с работы или, вернее, с «безработы», поскольку узкоглазые желтожопые ублюдки еще не разбомбили Перл-Харбор. Я говорю папе, что прочитал рассказ, который может ему понравиться. Я говорю, чтобы он сел в большое удобное кресло, еще не остывшее после моей подростковой задницы.

Папа садится. Я вручаю ему журнал, открытый на том самом рассказе. Папа устал. Он в подавленном настроении. Он начинает читать. Его пульс и дыхание замедляются. Все его печали и горести отступают на второй план, и т.д.

Да! И о чем же, с твоей точки зрения, любезный читатель, говорит наш короткий домашний спектакль, правдивый и точно воспроизводивший реальную жизнь в 1930-х годах? Он говорит о том, что из всех развлекательных повествовательных жанров рассказ больше всего сходен с буддистскими техниками медитации — по своему физиологическому и психологическому воздействию на человека.

То есть, истории, собранные в этом сборнике — как и в любом другом сборнике рассказов, — это как будто буддистские медитации, хоть и короткие, но зато освежающие периоды здорового сна.

Чтение большого романа, к примеру «Войны и мира», это совсем не похоже на сон. Читать длинный роман — все равно что всю жизнь прожить в браке с кем-то, кто никому, кроме тебя, неинтересен. Как-то оно явно не освежает!

Да, разумеется, до телевизора у нас было радио. Но радио не захватывает целиком, не удерживает внимание, не управляет нашими чувствами и переживаниями — разве только во время войны. Радио не заставляет сидеть на месте. В отличие от печатного текста, спектаклей, кинофильмов и телетрансляций, радио не дает пищи нашим неугомонным глазам.

Слушайте: когда я, двадцатидвухлетний капрал, вернулся домой со Второй мировой войны, я не хотел быть писателем. Я женился на Джейн Мэри Кокс, в которую был влюблен с детства — теперь она на Небесах, — и поступил в аспирантуру на кафедру антропологии Чикагского университета. Хотя, опять же, я не хотел быть антропологом. Мне просто хотелось побольше узнать о человеческих существах. Я собирался стать журналистом!

С этой целью я устроился репортером в отдел криминальной хроники Чикагской городской службы новостей, которая в то время обеспечивала материалами все четыре чикагских ежедневных газеты. Это был как бы датчик последних событий — поскольку работники новостной службы денно и нощно рыскали по городу в поисках «свежачка», — и тренировочный полигон для начинающих журналистов. Получить работу в одной из крупных городских газет (не считая сакраментального «по знакомству») можно было лишь после того, как ты пройдешь испытание в городской службе новостей. Только так и никак иначе.

Но уже очень скоро стало понятно, что в ближайшие несколько лет в газетах Чикаго — и любого другого города — не предвидится никаких вакансий. Журналисты, вернувшись с войны, вполне обоснованно претендовали на свои прежние места, а женщины, которые их замещали, уходить не собирались. Они прекрасно работали. Зачем им было уходить?

А потом на кафедре антропологии зарубили мою магистерскую диссертацию, в которой я приводил доказательства, что существует очевидное сходство между художниками-ку-

бистами, творившими в Париже в 1907 году, и вождями индейцев — и это сходство нельзя игнорировать. На кафедре мне заявили, что это непрофессиональный подход.

Судьба, сохранившая мне жизнь в Дрездене, медленно, но верно принялась лепить из меня беллетриста и неудачника, и так продолжалось, пока мне, черт возьми, не исполнилось сорок семь! Но сперва мне пришлось поработать в рекламном отделе компании «General Electric» в Скенектади, штат Нью-Йорк.

Моего непосредственно начальника в рекламном отделе GE звали Джордж. На двери своего кабинета Джордж наклеивал вырезанные из газет карикатуры, которые, по его мнению, были так или иначе связаны с компанией или со спецификой нашей работы. На одной из этих карикатур были изображены два человека в кабинете директора фабрики патефонных иголок. Судя по графику на стене, производительность фабрики опустилась практически до нуля. Один из парней говорил другому: «Дело не в качестве нашей продукции. Мы производим лучшие в мире патефонные иголки». Джордж повесил на дверь эту карикатуру, чтобышний раз подчеркнуть превосходство GE, которая выпускает замечательную продукцию, из-за которой многие другие компании чувствуют себя так, как будто они пытаются продавать патефонные иголки.

Бывший киноактер Рональд Рейган работал на «General Electric». В качестве разъездного пропагандиста компании он колесил по стране и живописал восхищенным слушателям ужасы социализма. Мы с ним так и не встретились, и я остался социалистом.

В 1950 году, когда мой будущий президент толкал речи на бесчисленных обедах в рамках предвыборных агитационных мероприятий, я начал писать рассказы — по ночам и на выходных. К тому времени у нас с Джейн было уже двое детей. Мы нуждались в деньгах, причем явно больших, чем моя зарплата в GE. А еще мне хотелось —

ну, по возможности — поддержать свое чувство собственного достоинства.

В 1950 году спрос на рассказы был просто безумный. Так что они хорошо продавались. В то время у нас выходило четыре еженедельных журнала, и в каждом публиковалось, как минимум, по три рассказа на номер. И шесть ежемесячных журналов, в которых также публиковалось не меньше трех рассказов.

Я нашел себе литагента. Если я присылал ему рассказ, который, с его точки зрения, не пойдет у читателя, он мне подсказывал, что надо исправить. В те времена издатели и агенты могли посоветовать писателю, как отладить рассказ, как будто рассказ — это гоночная машина, а они сами — опытные автомеханики. С помощью моего литагента мне удалось продать один рассказ, второй, третий — и получить больше денег, чем мне платили в GE за год.

Я ушел из GE и засел за свой первый роман, «Механическое пианино». Это злая сатира на GE. Я укусил руку, меня кормившую. В книге было предсказано то, что и вправду случилось: машины — из-за своей эффективности, неутомимости и надежности, и к тому же дешевеющие день ото дня — отобрали у людей практически всю более-менее приличную работу.

Я перевез семью на Кейп-Код, сперва — в Провинстаун. Там я познакомился с Норманом Мейлером, моим ровесником. Норман, как и я, закончил университет, и воевал, и служил в пехоте — и уже прославился на весь мир своим потрясающим романом о Второй мировой войне «Нагие и мертвые». Я восхищался этим человеком. И восхищаюсь до сих пор. Он — выдающийся человек. Небожитель. Как и Жаклин Онассис. И Джо ДиМаджио. И Мухаммед Али. И Артур Миллер.

Из Провинстауна мы перебрались в Остервиль, тоже на Кейп-Коде. Но буквально через три года после того, как я уехал из Скенектади, начался массовый исход рекламодателей из журналов. Буддистские сны-медитации, выходя-

шие из-под клавиш моей пишущей машинки, устарели и вышли из употребления, как патефонные иголки.

Один ежемесячный журнал, а именно «Cosmopolitan», который когда-то купил несколько моих рассказов, теперь превратился в откровенное руководство по сексу.

В том же 1953 году вышел роман Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». Название книги — это температура, при которой воспламеняется и горит бумага. То есть для того, чтобы журнал или книга воспламенились, их нужно нагреть до 451° по Фаренгейту. Главный герой романа работает в пожарном депо, где сжигают печатные материалы. Больше никто не читает книг. Во многих самых обыкновенных домах — даже в старых развалюхах типа моего дома или дома Рэя — есть комнаты с огромными с телеэкранами во все стену, причем на всех четырех стенах, и единственным стулом посередине.

Телепрограммы строились таким образом, что по ходу действия актеры и актрисы на всех четырех стенах обращались к человеку, сидящему на стуле в центре комнаты — даже если на стуле никто не сидит, — как к родственнику или другу. Жена человека, который жжет книги, очень несчастна. Ее муж зарабатывает не так много, и они могут позволить себе всего три экрана. И жена мучается от того, что не знает, что происходит на недостающем четвертом экране. Потому что, кроме актрис и актеров в этих больших телевизорах, ей никто больше не нужен. Это единственные существа, которых она любит. Которые ей безразличны.

Роман «451° по Фаренгейту» вышел в свет еще до того, как у нас дома — и у большинства наших соседей в Остервиле — появился первый телевизор. Не исключено, что и у самого Рэя Брэдбери тогда тоже не было телевизора. Может быть, у него до сих пор нет телевизора. И по сей день Рэй так и не научился водить машину и ненавидит летать самолетами.

Но как бы там ни было, Рэй оказался пророком. Точно так же, как люди с дисфункцией почек сейчас получают жиз-

ненно необходимую медицинскую помощь, американцы с дисфункцией общения — как та женщина в книге Рэя — получают недостающих друзей и родственников из телевизора. Причем круглосуточно!

Рэй ошибся с количеством телеэкранов, необходимых для успешной трансплантации близких людей. Достаточно одного маленького телевизора. Самое главное, чтобы актеры и актрисы, читающие новости, рекламирующие товары, играющие в мыльных операх и т.д., обращались к тому, кто сидит перед экраном — даже если перед экраном никто не сидит, — как к члену семьи.

«Ад — это другие люди», — сказал Жан-Поль Сартр. А надо было сказать чуть-чуть иначе: «Ад — это другие реальные люди».

Бороться с прогрессом бессмысленно, его все равно не поборешь. Самое лучшее, что можно сделать: просто не обращать на него внимания, пока он в конечном итоге не отберет у тебя средства к существованию, а заодно и самоуважение. В какой-то момент той же «General Electric» пришлось почувствовать себя заводом патефонных иголок, когда «Bell Labs» и некоторые другие компании скупили патентованные права на использование транзисторов, а сама GE продолжала гнать электроны в допотопных электронных лампах.

Однако, в отличие от меня, GE быстро оправилась от удара — такие могучие монстры выживают в любых обстоятельствах, — уволила несколько тысяч сотрудников и отравила реку Гудзон полихлорированными дифенилами.

К началу 1953 года у нас с Джейн было уже трое детей. Я устроился учителем английского в среднюю школу на Кейп-Коде. Потом сочинял тексты рекламных листовок в одном бостонском агентстве промышленной рекламы. И написал два романа, которые были изданы в мягких обложках. «Сирены титана» и «Мать Тьма». Критики их не заметили. Денег за каждый роман я получил ровно столько, сколько мне в свое время платили за один рассказ.

Я пытался продавать автомобили. Первые «саабы», поставлявшиеся в эту страну. Дверцы у них открывались «задом наперед», то есть, навстречу воздушному потоку. За решеткой радиатора располагалась металлическая шторка, которая закрывалась и открывалась с помощью цепочки под приборной доской. Это было такое специальное приспособление, чтобы зимой двигатель не остывал. А чтобы его не заклинило, в бензин надо было всегда добавлять масло. В противном случае мотор превращался в бесполезный кусок руды. Один двигатель, который я лично вырубил из моторного отсека зубилом и кувалдой, был похож на метеорит!

Если машиной не пользовались больше суток, масло оседало на дне топливного бака, как кленовый сироп. Когда заводили мотор, всю округу окутывал черный дым. Однажды я сам задымил весь Вудс-холл. Я кашлял, как черт, и не мог понять, откуда там столько дыма.

Потом я устроился вести семинары по писательскому мастерству. Сначала — в университете Айовы, потом — в Гарварде, потом в Нью-йоркском городском колледже. Джозеф Хеллер, автор «Уловки-22» тоже преподавал в Нью-йоркском городском колледже. Как-то он мне сказал, что, если бы не война, он бы сейчас был приемщиком в какой-нибудь химчистке. На что я ответил, что если бы не война, я бы сейчас был редактором рубрики «Сад и огород» в газете «The Indianapolis Star».

А теперь слушайте очень внимательно. Вот вам краткий начальный курс писательского мастерства:

1. Вас будут читать незнакомые люди, и ваша задача — сделать так, чтобы они не жалели о времени, потраченном на ваш рассказ.

2. Дайте читателю как минимум одного героя, за которого можно «болеть».

3. Каждый персонаж вашей истории должен к чему-то стремиться или чего-то хотеть, пусть даже всего лишь стакан воды.

4. Каждое предложение должно «работать»: либо раскрыть характер персонажа, либо продвигать действие.

5. Начинать надо как можно ближе к концу.

6. Не бойтесь проявить себя садистом. Какими бы невинными и славными ни были ваши главные герои, пусть с ними случаются всякие ужасы — чтобы читатель увидел, чего они стоят.

7. Пишите для удовольствия лишь одного человека. Если вы, образно выражаясь, распахнете окно и займетесь любовью со всем миром сразу, ваш рассказ рискует подхватить пневмонию.

8. Дайте читателям максимум информации — и по возможности сразу. Не надо держать их в неведении. Читатель не должен теряться в догадках. Он должен сразу понять, что происходит, где, когда и почему — чтобы он смог самостоятельно закончить рассказ, если тараканы сожрут последние страницы.

Величайший американский писатель, или вернее, писательница, моего поколения, подлинный мастер рассказа — это Фланнери О'Коннор (1925—1964). Она нарушила практически все эти правила, кроме самого первого. Великие писатели вообще имеют привычку нарушать правила.

Я точно не знаю, нарушала ли Фланнери О'Коннор мое правило номер семь: «Пишите для удовольствия лишь одного человека». Этого мы никогда не узнаем — разве что Рай действительно существует, и госпожа О'Коннор сейчас на Небесах, и мы тоже туда попадем после смерти, и сможем спросить ее лично.

Хотя я почти уверен, что она не нарушала седьмое правило. Покойный американский психиатр, доктор Эдмунд Берглер, утверждавший, что среди его пациентов было столько профессиональных писателей, сколько не было ни у кого из других «мозгоправов», писал в своей книге «Писатель и психоанализ», что большинство авторов, с которыми он имел дело, сочиняли свои произведения исключительно для удо-

вольствия какого-то одного, как правило, близкого им человека — хотя они сами, может быть, этого не сознавали. И это вовсе не «профессиональная хитрость» писательского ремесла. Это естественное человеческое стремление, и даже если оно не влияет на качество литературного произведения, оно все равно будет присутствовать.

Доктор Берглер писал, что для того чтобы его пациенты смогли понять, для кого именно они пишут, в большинстве случаев необходим тщательный психоанализ. Но как только я завершил эту книгу, а потом пару минут поразмыслил, я сразу понял, для кого я ее написал. Для моей сестры Элли. Я точно знаю, что ей могло бы понравиться, а что — нет. Я безжалостно вычеркнул все, что могло не понравиться Элли. А то, что могло бы ее порадовать, я оставил.

Элли теперь на небесах, вместе с моей первой женой Джейн, и Сэмом Лоуренсом, и Фланнери О'Коннор, и доктором Берглером, но я по-прежнему пишу для ее удовольствия. Элли любила смеяться. Она вообще была смешной. И поэтому я тоже хочу быть смешным. Мы с Элли были очень близки.

С моей точки зрения, история, написанная для какого-то конкретного человека, доставляет удовольствие читателям, потому что она создает ощущение сопричастности к действию. Даже если читатель этого не осознает, у него все равно появляется ощущение, что он невольно подслушивает увлекательный разговор двух незнакомых людей, скажем, за соседним столиком в ресторане.

Это не просто моя догадка. Так оно и происходит на самом деле.

И вот еще: читателям нравятся истории, написанные для какого-то одного человека, потому что читатели чувствуют, что у истории есть границы, как у спортивной площадки. Повествование не может идти куда вздумается. У него всегда есть четко заданное направление. Хороший рассказ — это всегда приглашение выйти на поле и включиться в игру вместе с автором. Куда заведет очередной поворот сюжета?

Чем все закончится? Игра не по правилам! Безвыходное положение! Гол!

Помните мое правило номер восемь? «Дайте читателям максимум информации — и по возможности сразу»? Это нужно как раз для того, чтобы читатель как можно быстрее включился в игру. Кому, кроме профессиональных литературоведов, может понравиться повествование, в котором автор утаивает информацию, не давая читателю поиграть самому?

Границы спортивной площадки моих рассказов, а также романов — это границы души моей ныне покойной сестры. Так она продолжает жить.

Аминь.

ТАНАСФЕРА

В полдень, в среду, 26 июля, оконные стекла в горных городках округа Севьер, штат Теннесси, задребезжали от грохота далекого взрыва, что прокатился по северо-западным склонам Аппалачей. Взрыв прозвучал в районе тщательно охраняемого полигона ВВС, затерянного в лесу в десяти милях к северо-западу от Элкмонта.

Офицер ВВС по связям с общественностью высказался: «Без комментариев». Вечером того же дня двое астрономов-любителей — в Омахе, штат Небраска, и Гленвуде, штат Айова — независимо друг от друга наблюдали движущуюся точку, пересекающую диск луны в 21:57. Газеты пестрели громкими заголовками.

Астрономы ведущих обсерваторий Северной Америки заявили, что не видели ничего.

Они соврали.

Утром следующего дня расторопный корреспондент разыскал доктора Бернарда Грошингера, молодого ученого-ракетчика, работавшего на ВВС.

— Возможно ли такое, что эта точка была космическим кораблем? — спросил корреспондент.

Вопрос рассмешил доктора Грошингера.

— Я думаю, мы стали свидетелями нового приступа НЛО-мании. Только на этот раз всем мерещатся не летающие та-

релки, а космические корабли между Землей и Луной. Можете заверить своих читателей: ни один корабль не сможет покинуть земные пределы еще как минимум двадцать лет.

Он тоже соврал.

Грошингер знал намного больше, чем сказал корреспонденту, но все-таки меньше, чем казалось ему самому. Например, он не верил в духов, и ему еще предстояло узнать о танасфере.

Доктор Грошингер взгромоздил длинные ноги на стол и проследил за тем, как его секретарша проводила разочарованного репортера к двери, у которой стояла вооруженная охрана. Он зажег сигарету и попытался расслабиться перед тем, как окунуться в душную и напряженную атмосферу командного пункта. «А ТЫ ЗАПЕР СЕЙФ?» — строго вопрошал плакат на стене, приколотый бдительным офицером безопасности. Плакат раздражал ученого. Офицеры безопасности, режим безопасности — все это лишь тормозило его работу, вынуждая думать о посторонних вещах, на которые у него попросту не было времени.

Секретные бумаги в сейфе не содержали никаких секретов. В них говорилось о том, что люди знали веками: по законам физики, тело, запущенное в направлении X со скоростью Y миль в час, опишет дугу Z. Грошингер подправил уравнение: по законам физики и при наличии миллиарда долларов.

Надвигающаяся война предоставила ему возможность провести эксперимент. Сама война была для него неприятным побочным фактором, военное начальство — раздражающей особенностью работы. Эксперимент — вот что самое главное, а все остальное — лишь частности.

«Главное, тут нет никаких неизвестных», — размышлял молодой ученый, находя утешение в непоколебимой надежности материального мира. Грошингер улыбнулся, представляя Христофора Колумба и его спутников, которые не знали, что их ждет впереди, и до смерти страшились морских чудовищ, ими же и придуманных. Примерно так его современники относились к космическим исследованиям.

Так что эпоха предрассудков затянется еще как минимум на несколько лет.

Но человек в космическом корабле в двух тысячах миль от Земли не знал страха. Майор Аллен Райс, мрачный военный, вряд ли сможет сообщить что-то новое и интересное в своих донесениях. Разве что подтвердить то, что ученые и так уже знали о космосе.

Крупнейшие американские обсерватории, занятые в проекте, сообщили, что корабль движется вокруг Земли по заранее рассчитанной орбите с предсказанной скоростью. Скоро, может быть, уже в следующую секунду, радиоаппаратура командного пункта примет первое в истории сообщение из космического пространства. Оно будет передано на сверхвысокой частоте, на которой никто еще не принимал и не передавал сообщений.

Первое сообщение запаздывало, но это было предсказуемо. Неожиданностей быть не может, успокаивал себя доктор Грошингер. Машины — не люди — управляли полетом. Человек был просто наблюдателем, которого к намеченной цели вели непогрешимые электронные мозги, более мощные, чем его разум. Он мог управлять кораблем, но только после входа в атмосферу, когда и если они вернут его обратно. Корабль мог годами поддерживать жизнь пилота.

Даже человек на борту подобен машине, не без удовольствия подумал доктор Грошингер. Майор Аллен Райс: уравновешенный, быстрый, сильный, лишенный эмоций.

Психиатры, выбравшие Райса из сотни добровольцев, утверждали, что он будет функционировать так же безупречно, как ракетный двигатель, металлический корпус и электроника управления. Его особенности: крепкое телосложение, двадцать девять лет от роду, пятьдесят боевых вылетов за Вторую мировую — без каких-либо признаков усталости. Бездетный вдовец, интроверт, любитель одиночества, карьерный служака, целиком отдающийся работе.

Задание майора? Очень простое: докладывать о погодных условиях на вражеской территории и, в случае войны, сообщать о точности попадания управляемых ядерных ракет.

Сейчас майор Райс находился в двух тысячах миль над поверхностью Земли — это расстояние между Нью-Йорком и Солт-Лейк-сити. Недостаточно высоко, чтобы можно было увидеть полярные шапки. Глядя в телескоп, Райс различал небольшие города и кильватерные следы кораблей. Видел, как надвигается ночь, как лик Земли омрачают облака и шторма.

Доктор Грошингер потушил сигарету, почти сразу же закурил снова и направился в небольшую лабораторию, забитую радиоаппаратурой.

Генерал-лейтенант Франклин Дейн, глава проекта «Циклоп», сидел рядом с радистом. На Дейне был мятый китель, ворот рубашки небрежно расстегнут. Генерал сверлил взглядом стоявший перед ним динамик. На полу валялись обертки от сэндвичей и окурки. На столе, перед Дейном и перед радистом, и у плетеного стула, на котором Грошингер провел в ожидании всю ночь, стояли бумажные стаканчики с кофе.

Генерал Дейн кивнул Грошингеру и жестом велел ему молчать.

— «Альфа Браво Фокстрот», вас вызывает «Дельта Эхо Чарли», — устало повторял позывные радист. — Как слышите? Прием. «Альфа Браво Фокстрот», ответьте. Как слы...

Динамик крикнул и загрохотал на полную мощность:

— Слышу вас. Я на связи. Прием.

Генерал Дейн вскочил на ноги и обнял Грошингера. Они хохотали, как идиоты, прыгали и хлопали друг друга по спине. Генерал выхватил микрофон у радиста:

— Слышим вас! Все идет по плану. Как ты там, сынок? Как самочувствие? Прием.

Грошингер, все еще обнимавший генерала за плечо, наклонился к динамику, почти прижимаясь к нему ухом. Радист уменьшил громкость.

Голос зазвучал вновь, тихий, осторожный. Этот тон обеспокоил Грошингера — он ожидал чеканной четкости, ясности, уверенности.

— Эта сторона Земли сейчас темная, очень темная. И у меня ощущение, как будто я падаю, как вы и предупреждали. Прием.

— Что-то еще? — обеспокоенно спросил генерал. — Ты как будто...

Майор оборвал его на полуслове:

— Вот! Вы слышали?

— «Альфа Bravo Фокстрот», мы ничего не слышим, — сказал генерал, озадаченно оглянувшись на Грошингера. — А что там такое? Помехи? Прием.

— Ребенок, — ответил майор. — Я слышу, как плачет ребенок. Неужели вы ничего не слышите? А сейчас... слышите?... старик. Он пытается успокоить ребенка. — Голос майора теперь звучал глуше, словно тот отвернулся от микрофона.

— Чушь какая, это невозможно! — сказал Грошингер. — Проверьте оборудование, «Альфа Bravo Фокстрот», проверьте настройки. Прием.

— Они становятся громче. Голоса становятся громче. Мне трудно расслышать вас в общем шуме. Я как будто стою посреди толпы, и все пытаются привлечь мое внимание. Как будто... — Связь оборвалась. В динамике слышалось только какое-то шипение.

Передатчик майора был по-прежнему включен.

— Как слышите, «Альфа Bravo Фокстрот»? Прием! Как меня слышите? — кричал генерал Дейн.

Шипение прекратилось. Генерал и Грошингер таращились в черноту динамика.

— «Альфа Bravo Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли», — повторял радист. — «Альфа Bravo Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли»...

Грошингер лежал прямо в одежде на раскладушке, принесенной специально для него. Он прикрыл лицо газетой от слепящего света потолочных ламп. Каждые несколько минут он ерошил длинными, тонкими пальцами свою спутанную шевелюру и тихо матерился. Его машина сработала

безупречно — и продолжала работать. Подвел единственный элемент, сконструированный не им — гребаный человек внутри машины. Разрушил весь эксперимент.

Целых шесть часов они пытались восстановить связь с ненормальным, который взирал на Землю со своей стальной луны и слышал голоса.

— Сэр, он вышел на связь, — сообщил радист. — «Альфа Браво Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли», прием. «Альфа Браво Фокстрот», ответьте «Дельте Эхо Чарли». Прием.

— Это «Альфа Браво Фокстрот». Над зонами Семь, Одиннадцать, Девятнадцать и Двадцать Три безоблачно. Облачность в зонах Один, Три, Четыре, Пять и Шесть. Над зонами Восемь и Девять, кажется, формируется шторм. Двигается к юго-западу со скоростью восемнадцать миль в час. Прием.

— Он пришел в себя, — с облегчением выдохнул генерал.

Грошингер не шевельнулся. Его лицо по-прежнему было закрыто газетой.

— Спросите его про голоса, — сказал ученый.

— «Альфа Браво Фокстрот», ты больше не слышишь голосов?

— Как же не слышу? Слышу лучше, чем вас. Прием.

— Он свихнулся, — сказал Грошингер, принимая вертикальное положение.

— Я все слышал, — сказал майор Райс. — Может, и так. Это легко проверить. Вам всего-навсего нужно выяснить, правда ли, что Эндрю Тобин умер в Эвансвилле, штат Индиана, 17 февраля 1927 года. Прием.

— Не понял вас, «Альфа Браво Фокстрот», — сказал генерал. — Кто такой Эндрю Тобин? Прием.

— Это один из голосов. — Повисла неприятная пауза. Майор Райс кашлянул. — Утверждает, что его убил собственный брат.

Радист медленно поднялся со своего кресла, белый как мел. Грошингер силой усадил его обратно и взял микрофон у обмякшего генерала.

— Либо вы сошли с ума, либо это самый идиотский розыгрыш в истории, «Альфа Браво Фокстрот». С вами говорит Грошингер, и вы еще тупее, чем я думал, если пытаетесь меня надуть. Прием.

— Я плохо вас слышу, «Дельта Эхо Чарли». Голоса становятся громче.

— Райс! Возьмите себя в руки! — рассвирепел Грошингер.

— А, вот. Я услышал: миссис Памела Риттер просит своего мужа снова жениться. Ради детей. Он живет...

— Прекратить!

— ...живет в доме 1577 по Деймон-Плейс, в городе Скотия, штат Нью-Йорк. Конец связи.

Генерал Дейн мягко сжал плечо Грошингера.

— Ты проспал пять часов. Уже полночь. — Генерал вручил молодому ученому бумажный стаканчик с кофе. — Были еще сообщения. Будешь слушать?

Грошингер отхлебнул кофе.

— Он все еще бредит?

— Он все еще слышит голоса, если ты об этом. — Генерал бросил Грошингеру две нераспечатанные телеграммы. — Я подумал, тебе захочется вскрыть их самому.

Грошингер рассмеялся.

— Вы что, решили проверить Скотию и Эвансвилль? Спаси Господи эту армию, если в ней все генералы такие же мнительные, как вы, друг мой.

— Ладно, ладно, ты у нас ученый, вот ты и думай. Потому я телеграммы для тебя и оставил. Прочти и объясни, что за хрень у нас тут творится.

Грошингер распечатал первую телеграмму.

ХАРВИ РИТТЕР ЖИВЕТ 1577 ДЕЙМОН ПЛЕЙС ЗПТ СКОТИЯ ТЧК
ИНЖЕНЕР ТЧК ВДОВЕЦ ТЧК ДВОЕ ДЕТЕЙ ТЧК УМЕРШУЮ ЖЕНУ ЗВА-
ЛИ ПАМЕЛА ТЧК НУЖНА ДОПОЛНИТ ИНФОРМАЦИЯ?

Р Б ФЕЙЛИ ЗПТ ШЕРИФ ПОЛИЦИЯ СКОТИИ ТЧК

Грошингер пожал плечами, отдал бумагу генералу Дей-ну и вскрыл второй пакет:

СОГЛАСНО АРХИВАМ ЭНДРЮ ТОБИН ПОГИБ НЕСЧАСТНОМ
СЛУЧАЕ ОХОТЕ 17 ФЕВРАЛЯ 1927 ГОДА ТЧК

БРАТ ПОЛ КРУПНЫЙ БИЗНЕСМЕН ЗПТ ВЛАДЕЕТ УГОЛЬНОЙ ШАХ-
ТОЙ ЗПТ ОСНОВАННОЙ ЭНДРЮ ТЧК

СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ГОТОВ ПРЕДОСТАВИТЬ ДОПОЛНИТ
ИНФОРМАЦИЮ ТЧК

Ф Б ДЖОНСОН ШЕРИФ ПОЛИЦИИ ЭВАНСВИЛЯ

— Я не удивлен, — сказал Грошингер. — Я ждал чего-то подобного. Вы, полагаю, твердо уверены, что наш друг, май-ор Райс, обнаружил, будто околосемное пространство на-селено призраками?

— Ну, я думаю, что он-то точно уверен, что кто-то там обитает, — осторожно ответил генерал.

Грошингер смял вторую телеграмму и швырнул ее в угол, промазав мимо корзины для бумаг на целый фут. Он сложил руки, как терпеливый проповедник — этот жест он использовал на лекциях у студентов-первокурсников.

— Друг мой, вначале у нас было два возможных объяснения: майор Райс либо сошел с ума, либо устроил грандиозную мистификацию. — Он размял пальцы, пока генерал переваривал вступление. — Теперь, когда мы знаем, что его сообщения касаются реальных людей, мы вынуждены признать, что это какая-то мистификация. Их имена и адреса майор выяснил до вылета. Бог знает, чего он хочет добиться. Бог знает, что мы можем сделать, чтобы его остановить. Думаю, это ваша проблема.

— Так он что, пытается сорвать проект? — нахмурился генерал. — Ну посмотрим, богом клянусь, еще посмотрим.

— Не спать, сержант, — генерал хлопнул по спине задремавшего радиста. — Вызывай Райса, пока он не откликнется, понял?

Радисту пришлось назвать свой позывной только раз.

— Это «Альфа Браво Фокстрот». Слышу вас, «Дельта Эхо Чарли». — Голос у майора был усталый.

— Это «Дельта Эхо Чарли», — сказал генерал Дейн. — Нас достали эти твои голоса. Как понял, «Альфа Браво Фокстрот»? Мы не хотим больше о них слышать. Мы раскусили твою маленькую игру. Я не знаю, что ты там задумал, но обещаю, что спущу тебя на Землю и упрячу в санаторий строгого режима с такой скоростью, что у тебя дух захватит. Мы поняли друг друга? — Генерал со злостью откусил кончик новой сигары. — Прием.

— Вы проверили те имена и адреса? Прием.

Генерал посмотрел на Грошингера, который нахмурился и покачал головой.

— Конечно. Только это ничего не доказывает. Ну, есть у тебя с собой список с именами и адресами. Что это доказывает? Прием.

— Так проверили, говорите? Прием.

— Я говорю, чтобы ты кончал с этой херней. Сейчас же. Забудь про голоса, ты понял? Давай переходи к погоде. Прием.

— Просветы над зонами Одиннадцать, Пятнадцать и Шестнадцать. Плотная облачность над зонами Один, Два и Три. Над остальными зонами небо чистое. Прием.

— Так-то лучше, «Альфа Браво Фокстрот», — сказал генерал. — Без этих голосов значительно лучше, правда? Прием.

— Тут какая-то старуха, говорит с немецким акцентом. Доктор Грошингер там? Мне кажется, она называет его имя. Просит не волноваться так из-за работы, не...

Грошингер перегнулся через радиста и вырубил приемник.

— Это самая подлейшая выдумка, какую я только слышал.

— Давай все-таки послушаем, — сказал генерал. — Ученный вы или нет?

Грошингер с вызовом глянул на генерала, включил приемник и отошел назад, скрестив руки на груди.

— ...говорит что-то по-немецки, — продолжал голос майора Райса. — Я не понимаю ее, могу только повторять, что слышу: *Аллес гебен ди гойтер, ди унендлихен, ирен либлинген, ганц. Алле...*

Грошингер выключил звук.

— Алле фрейден, ди унендлихен, алле шмерцен, ди унендлихен, ганц, — прошептал он. — Так оно оканчивается.

Он сел на раскладушку.

— Это любимое стихотворение моей матери. Что-то из Гете.

— Я могу еще раз его встряхнуть, — предложил генерал.

— Зачем? — Грошингер улыбнулся и пожал плечами. — Космос полон потусторонних голосов. — Он нервно хохотнул. — Придется править учебники по физике.

— Это знамение, сэр, знамение, — выпалил радист.

— С чего вдруг «знамение»? — спросил генерал. — Подумаешь, космос полон духов. Меня это не удивляет.

— Тогда вас уже ничто не удивит, — ответил Грошингер.

— Так точно. Хреновый был бы я генерал, если бы всему удивлялся. По мне, так Луна сделана из сыра. Подумаешь. Мне нужен человек, способный сообщить, попадают ли в цель мои снаряды. И плевать я хотел на то, что творится там в космосе.

— Сэр, как же вы не понимаете?! — не унимался радист. — Это знамение! Когда люди узнают об этих душах, они забудут о войне. Они вообще обо всем забудут, кроме духов.

— Расслабься, сержант, — сказал генерал. — Никто о них не узнает, ты понял?

— Такое открытие невозможно удержать в тайне, — возразил Грошингер.

— С чего это ты так уверен? Как ты собираешься рассказывать миру о голосах, не сообщая о полете в космос?

— У них есть право знать, — сказал радист.

— Если люди узнают, что мы запустили эту ракету, начнется Третья Мировая. Скажи мне, ты этого хочешь? У врага не будет иного выхода, кроме как попытаться стереть нас

в порошок прежде, чем мы сможем использовать майора Райса. И у нас тоже не будет иного выхода, кроме как попытаться стереть их в порошок. Ты этого хочешь?

— Нет, сэр, — сказал радист. — Не этого.

— Зато мы сможем провести серию экспериментов, — предложил Грошингер. — Узнать побольше об этих духах. Отправить Райса на более высокую орбиту, выяснить, слышны ли и там голоса, и какое...

— Только не на деньги ВВС, — оборвал его генерал Дейн. — Его туда не за этим отправили, мы не в игрушки играем. Он нужен нам на своем месте.

— Ладно, ладно, — согласился Грошингер.

— Давай послушаем, что он там говорит. Сержант, включить звук.

— Есть, сэр. — Радист принялся вертеть ручки. — Кажется, он молчит, сэр.

Шипение приемника сменилось гулом в динамике.

— Связь налажена. «Альфа Браво Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли»...

— Кило Два Икс Виски Лима, это Виски Пять Зулу Зулу Кило из Далласа, — донеслось из динамика. Голос был выше, чем у майора Райса и имел характерный южный выговор.

Ему ответил бас:

— Это Кило Два Икс Виски Лима из Олбани. Отлично, W5ZZK, слышу вас отлично. Как меня слышите? Прием.

— Связь отличная, K2XWL, на шкале 25 гигагерц. Сейчас попробую подстроить...

Их прервал голос майора Райса.

— Плохо вас слышу, «Дельта Эхо Чарли». Голоса превратились в сплошной гул. Я успеваю ухватить лишь фрагменты. Грантленд Уитмэн, голливудский актер, кричит, что племянник Карл подделал его завещание. Он говорит...

— Повторите, K2XWL, — сказал южанин. — Я вас не слышал. Прием.

— W5ZZK, я ничего не говорил. Так что там насчет Грантленда Уитмэна? Прием.

— Голоса угомонились, — продолжал майор Райс. — Остался только один. Вроде бы молодая женщина. Такой тихий голос, почти неслышный. Не понимаю.

— Что происходит, K2XWL? Как слышите, K2XWL?

— Она называет мое имя. Вы слышали? Она зовет меня по имени, — сказал майор Райс.

— Черт подери, глуши частоту! — заорал генерал. — Включи свист или что там еще! Сделай что-нибудь!

Утренний поток машин перед университетским зданием на секунду превратился в сигналищую и ругающуюся пробку — доктор Грошингер, который возвращался в свой кабинет, задумчиво пересек улицу на красный свет. Он удивленно огляделся, пробормотал какие-то извинения и поспешил дальше. Только что он в полном одиночестве позавтракал в круглосуточной забегаловке в полутора кварталах от университета и неспешно вернулся назад. Ученый надеялся, что часовая прогулка прояснит мозги, но чувство беспомощности и непонимания никуда не делось. Имеет мир право знать или нет?

Новых сообщений от майора Райса не поступало. Частота, согласно генеральскому приказу, глушилась. Теперь на частоте 25 000 мегагерц непрошенный наблюдатель услышал бы постоянный гул. Вскоре после полуночи генерал Дейн доложил обо всем в Вашингтон. Возможно, скоро придут распоряжения относительно майора Райса.

Грошингер остановился на освещенном солнцем пятачке недалеко от входа в здание и снова перечитал передовицу под броским заголовком «Загадочное радиосообщение раскрывает возможный подлог». В статье говорилось о двух радиолюбителях, которые баловались, совершенно незаконно, с предположительно неиспользуемыми ультракороткими волнами и, к своему удивлению, слышали, как кто-то говорит о голосах и завещании. Этих ребят не остановило

то, что они нарушили закон, воспользовавшись незарегистрированной частотой, слишком горячая была новость.

Теперь радиолюбители всего мира будут паять приемники, чтобы тоже слушать эту частоту.

— Доброе утро, сэр. Погодка что надо, — приветствовал его сдавший дежурство охранник, веселый ирландец.

— Да, прекрасное утро, — согласился Грошингер. — На западе возможна облачность. — Он подумал, что бы сказал охранник, узнай он всю правду. Наверное, рассмеялся бы.

Когда он вошел в кабинет, секретарша вытирала пыль со стола.

— Вам бы поспать не мешало, — сказала она. — Вы, мужчины, совершенно о себе не заботитесь. Вот будь у вас жена...

— Я в жизни не чувствовал себя лучше, — ответил Грошингер. — Есть новости от генерала Дейна?

— Он искал вас минут десять назад. Полтора часа проговорил с Вашингтоном. Сейчас пошел к радистам.

Она имела очень приблизительное представление о сути проекта. Грошингер снова подавил порыв рассказать ей про майора Райса и голоса, чтобы увидеть, какой эффект это произведет на кого-то еще. Может, его секретарша воспримет новость так же, как и он — пожмет плечами? Может, таков дух новой эры, эры атомной, водородной и бог-еще-знает-какой бомбы — ничему не удивляться? Наука дала людям мощь, достаточную для уничтожения своей планеты, а политика предоставила им твердую гарантию, что эта мощь найдет себе применение. После такого удивление вышло из моды. Но доказательство существования потустороннего мира станет, наверное, сравнимым шоком. Возможно, миру нужна именно такая встряска, чтобы сойти с самоубийственного исторического пути.

Генерал Дейн устало поприветствовал вошедшего в командный пункт Грошингера.

— Будем его сажать, — сказал он. — Больше мы ничего сделать не можем. Все равно пользы с него — ноль.

Динамик монотонно гудел на малой громкости. Это работала глушилка. Радист заснул прямо за столом, положив голову на руки.

— Вы пытались с ним связаться?

— Дважды. Он окончательно съехал с катушек. Я пытался сказать ему, чтобы сменил частоту, чтобы передавал сообщения кодовыми словами, но он бубнил, что не слышит меня, постоянно упоминал женский голос.

— Что за женщина?

Генерал как-то странно посмотрел на Грошингера.

— Говорит, что жена. Маргарет. Думаю, это любого выбило бы из колеи. А мы тоже, умники... выбрали парня без семьи. — Он встал и потянулся. — Отойду на минуту. И не вздумай трогать аппаратуру.

Дверь за генералом захлопнулась.

Шум разбудил радиста.

— Они готовят посадку.

— Я знаю, — сказал Грошингер.

— Это убьет его, да?

— После входа в атмосферу он сможет управлять кораблем.

— Если захочет...

— Вот именно — если захочет. ЦУП включит тормозные двигатели и сведет корабль с орбиты. Дальше все в руках Райса. Он должен принять управление и совершить посадку.

Повисло молчание. В комнате раздавался только приглушенный гул динамика.

— Он не захочет жить, понимаете? — внезапно выпалил радист. — Вы бы на его месте захотели?

— Я не уверен, что это можно понять, не испытав самому, — ответил Грошингер. Он пытался представить мир будущего. Мир, находящийся в постоянном контакте с духами, где нет разделения на живых и мертвых. Это обязательно случится. Другие люди, исследователи космоса, откроют миру эту дорогу. Превратится он в рай или ад? Придурки

и гении, преступники и герои, обычные люди и безумцы, все они навечно останутся частью единого человечества — со своими советами, обидами, коварством и уговорами.

Радист опасно оглянулся на дверь.

— Хотите послушать его?

Грошингер покачал головой.

— Сейчас все слушают эту частоту. У нас будут большие проблемы, если выключить глушилку.

Он не хотел снова услышать майора. Он был обескуражен, раздавлен. Смерть, лишенная тайны — что она даст человечеству? Подтолкнет его на самоубийство или подарит новую надежду? Отвернутся ли живые от своих правителей, обратившись за советом к мертвецам? К Цезарю, Карлу Великому, Петру I, Наполеону, Бисмарку, Линкольну, Рузвельту? К Иисусу Христу? Стали ли мертвые мудрее своих...

Прежде чем Грошингер успел что-то предпринять, сержант выключил передатчик, глушивший частоту.

Голос майора Райса мгновенно заполнил комнату, громкий, завораживающий.

— ...тысячи, их тысячи. Они повсюду. Висят в пустоте, переливаясь, как Северное сияние, чудный, восхитительный туман, окутывающий Землю. Я вижу их, слышите? Теперь я их вижу. Я вижу Маргарет. Она машет мне и улыбается, туманная, божественно красивая. Если бы вы это видели, если бы...

Радист снова включил глушилку. В коридоре послышались шаги.

В комнату вошел генерал Дейн. Он смотрел на часы.

— Через пять минут корабль пойдет на посадку. — Он засунул руки в карманы и весь как-то сник. — В этот раз мы потерпели неудачу. Богом клянусь, в следующий раз мы сделаем все как надо. Человек, который отправится туда в следующий раз, будет знать, с чем имеет дело. Он будет готов к этому.

Генерал приобнял Грошингера за плечи.

— Тебе предстоит самая ответственная в твоей жизни работа, друг мой, — не болтать насчет всех этих духов, ты

понял? Нам не нужно, чтобы враг узнал о нашем космическом корабле, и нам не нужно, чтобы они знали, с чем столкнутся, если попробуют сами запустить ракету. Безопасность этой страны зависит от нашей способности хранить секреты. Я ясно выразился?

— Да, сэр, — ответил Грошингер, благодарный за избавление от проблемы выбора.

Он не хотел оказаться человеком, который поведает миру эту новость. Лучше бы он вообще не имел никакого отношения к запуску Райса в космос. Грошингер не знал, как повлияет на человечество контакт с мертвецами, но влияние это будет ошеломительным. Теперь же, как и все другие, он просто будет ждать следующего витка этой истории.

Генерал вновь посмотрел на часы.

— Корабль сошел с орбиты.

В пятницу, 28 июля, в 13:39 британский лайнер «Каприкорн», направлявшийся в Ливерпуль и находившийся в 280 милях от Нью-Йорка, сообщил о водяном столбе на горизонте по правому борту. Некоторые пассажиры утверждали, что видели некий блестящий объект, упавший с неба. Подойдя к месту падения, экипаж «Каприкорна» обнаружил убитую и оглушенную рыбу, вспененную воду, но никаких обломков.

Газеты предположили, что с «Каприкорна» видели неудачные испытания экспериментальной ракеты.

В Бостоне доктор Бернارد Грошингер, молодой ученый-ракетчик, работавший на ВВС, заявил, что феномен, наблюдавшийся с борта «Каприкорна», вполне мог быть падением метеора.

— Такое очень даже вероятно, — сказал он. — Тот факт, что объект достиг поверхности Земли, станет, я думаю, одним из самых громких научных событий года. Обычно метеоры полностью сгорают, не успев долететь даже до стратосферы.

— Простите, сэр, — прервал его репортер. — А что лежит за стратосферой? В смысле, есть ли у этого пространства название?

— Знаете, сам термин «стратосфера» не слишком строгий. Это просто наружный слой атмосферы. Невозможно определенно сказать, где он кончается. А за ним... можно сказать, мертвая зона.

— Мертвая зона? Так и называется? — заинтересовался репортер.

— Ну, если вам нужно что-то позагадочнее, можем перевести название на греческий, — с улыбкой предложил Грошингер. — Танатос, по-гречески, кажется, смерть? Может быть, вместо «мертвой зоны» вы предпочтете термин «танасфера»? Оно имеет некий оттенок научности.

Репортер вежливо рассмеялся.

— Доктор Грошингер, когда в космос будет запущена первая ракет? — спросил другой корреспондент.

— Ребята, вы читаете слишком много комиксов, — ответил Грошингер. — Спросите об этом лет через двадцать, и тогда, может, мне будет что вам сказать.

МНЕМОТЕХНИКА

Альфред Мурхед небрежно швырнул отчет в лоток с исходящими документами и улыбнулся при мысли, что сумел сверить все данные, не обращаясь к справочникам и записям. Еще полтора месяца назад он бы так точно не смог. Но теперь, по окончании корпоративных курсов по развитию и тренировке памяти, имена, факты и цифры запоминались на раз. Цеплялись к мозгам, как репей — к эрдельтерьеру. На самом деле эти двухдневные курсы косвенным образом помогли разрешить почти все проблемы и сложности в его в общем-то и не особенно сложной жизни. Все, кроме одной: его неспособности подступиться к Эллен, красавице-секретарше, по которой он молча страдал два года.

— Мнемотехника — это система специальных приемов, служащих для облегчения запоминания, — начал свои объяснения инструктор, — что достигается, прежде всего, путем образования искусственных ассоциаций. В мнемотехнике мы используем две элементарные психологические аксиомы: то, что нам интересно, мы помним дольше, чем то, что нам неинтересно, и визуальные образы, то есть, картинки, запоминаются лучше, чем «голые» факты. Я сейчас поясню на примере. И нашим подопытным кроликом будет мистер Мурхед.

Инструктор зачитал совершенно бессмысленный набор слов:

— Дым, дуб, седан, бутылка, иволга, — и попросил Альфреда их запомнить. Альфред смущенно заерзал на стуле. Инструктор продолжил рассказ о приемах запоминания, а потом ткнул пальцем в Альфреда.

— Мистер Мурхед, повторите мой список слов.

— Дым, иволга... э... — Альфред пожал плечами.

— Не огорчайтесь. Это совершенно нормально, — сказал инструктор. — А теперь мы попробуем немного помочь вашей памяти. Попробуем создать мысленную картинку, представить себе что-то приятное — что-то, что нам хотелось бы запомнить. Дым, дуб, седан... мне представляется человек... мужчина... он отдыхает в тени под дубом. Он курит трубку, а чуть поодаль, на заднем плане, стоит его автомобиль, желтый седан. Вы видите эту картинку, мистер Мурхед?

— Э... да. — Альфред представил себе человека под дубом.

— Хорошо. Теперь что касается «бутылки» и «иволги». На траве рядом с мужчиной стоит бутылка с холодным кофе, а на ветке дуба поет иволга. Думаю, эта картинка запомнится нам без труда. А вы как считаете?

Альфред неуверенно кивнул.

Инструктор принялся рассказывать о чем-то другом, а потом вновь прервался и попросил Альфреда повторить список слов.

— Дым, седан, бутылка... э... — Альфред смотрел в сторону, чтобы не встретиться взглядом с инструктором.

Когда смех в классе стих, инструктор сказал:

— Вы, наверное, решили, что мистер Мурхед только что доказал нам полную несостоятельность мнемотехники. А вот и нет! Он подвел нас к еще одному важному пункту. Ассоциативные образы, которые помогают нам запоминать — это дело сугубо индивидуальное. У каждого человека они свои. Разумеется, мы с мистером Мурхедом — два совершенно разных человека. И я не должен был навязывать ему мой ассоциативный ряд. Я повторю список слов еще раз,

мистер Мурхед, и теперь я хочу, чтобы вы представили свою собственную картинку.

В конце занятия инструктор вновь «вызвал» Альфреда. Альфред выпалил все слова одним духом, как будто читал алфавит.

Это была замечательная методика, размышлял Альфред. Настолько хорошая, что он теперь до конца своих дней не забудет этот бессмысленный набор слов. Картинка по-прежнему стояла перед глазами, как наяву: они с Ритой Хейворт лежат на траве под огромным раскидистым дубом и курят одну сигарету на двоих. У них с собой есть бутылка отменного вина. Альфред наполняет Ритин бокал, и пока она пьет, пролетающая мимо иволга задевает крылом ее щеку. А потом они с Ритой целуются. А что касается «седана» — седан он пока одолжил Али Хану.

Его новые способности вознаградились мгновенно и щедро. Он получил повышение по службе. Вне всяких сомнений, благодаря своей натренированной памяти, в которой вся информация теперь сохранялась надежнее, чем записи в картотеке. Начальник Альфреда, Ральф Л. Триллер, сказал:

— Мурхед, я и не знал, что человек может так измениться за какую-то пару недель. Это феноменально!

Счастьем Альфреда не было предела — за исключением его удручающих отношений с Эллен. Его память работала, как мышеловка, но он по-прежнему впадал в ступор при одной только мысли о том, как заговорить о любви с невозможной красавицей-секретаршей.

Альфред вздохнул и пододвинул к себе стопку счетов. Первый счет предназначался для Давенпортской фабрики сварочного оборудования. Альфред закрыл глаза, и перед мысленным взором возникла живая картина. Он сам составил ее два дня назад, получив особые инструкции от мистера Триллера. Два антикварных стола-давенпорта стоят друг против друга. На одном возлежит Лана Тернер в облегающей леопардовой шкуре. На другом — Джейн Рассел в са-

ронге из телеграмм. Обе шлют Альфреду воздушные поцелуи, но уже через пару секунд он отрывает от них жадный взгляд и позволяет картинке исчезнуть.

Он написал Эллен коротенькую записку: «Пожалуйста, будьте внимательнее, выставляя счета. Не перепутайте Давенпортскую фабрику сварочного оборудования с Давенпортским кабельным заводом». Еще полтора месяца назад он бы точно выпустил это из виду. «Я люблю вас», — добавил он, а потом тщательно зачеркал это признание длинным прямоугольником сплошных черных чернил.

В каком-то смысле хорошая память добавила Альфреду головной боли. Теперь, когда отпала необходимость рыться в картотеках, у него появилась куча свободного времени, которое он тратил на тихие страдания по Эллен. Самые яркие переживания Альфред испытывал не наяву, а в фантазиях — и так было всегда, еще до занятий на курсах по улучшению памяти. И в самых «вкусных» его фантазиях неизменно присутствовала Эллен. Если он скажет ей о своих чувствах, и она даст ему от ворот поворот — а скорее всего так и будет, — она уже никогда не появится в его фантазиях, и он потеряет ее навсегда. Альфред не хотел рисковать.

Зазвонил телефон.

— Это мистер Триллер, — сказала Эллен.

— Мурхед, — сказал мистер Триллер, — у меня тут завал. Похоже, один я зарежусь. Поможешь?

— Конечно, шеф. Что надо делать?

— Ты возьми карандаш.

— А мне он зачем? — удивился Альфред.

— Нет уж, возьми, — сурово проговорил мистер Триллер. — Мне будет спокойнее, если ты все запишешь. Я и сам уже путаюсь в этих цифрах.

Чернила в Альфредовой ручке давно засохли, а чтобы взять карандаш, надо было встать из-за стола, и поэтому Альфред соврал:

— Ладно, я взял чем записывать. Диктуйте.

— Во-первых, мы сейчас заключаем договора на субподряды по крупным военным заказам, для обозначения которых будем использовать новую серию кодовых номеров. Все они начинаются с 16-А. Нужно немедленно разослать телеграммы по всем нашим заводам.

Перед мысленным взором Альфреда предстала Ава Гарднер, производящая сложные манипуляции с винтовкой. На ее свитере было вышито «16-А».

— Ясно, шеф.

— И у меня тут директива от...

Спустя четверть часа изрядно вспотевший Альфред в срок третий раз проговорил: «Ясно, шеф», — и повесил трубку. Перед его мысленным взором растянулась процессия, по сравнению с которой даже самые безумные фантазии Сесилия Б. Де Миля показались бы пресными и не стоящими внимания. Все знаменитые кинодивы, которых только знал Альфред, выстроились перед ним, и каждая держала в руках что-то такое, или была одета во что-то такое, или сидела верхом на чем-то таком, за что Альфреда сразу выгнали бы с работы, если бы он это забыл. Картина была грандиозная, и она требовала полной сосредоточенности. Если бы Альфред отвлекся хоть на секунду, все бы рассыпалось вмиг. Нужно было немедленно все записать, пока не случилось трагедии. Нужно срочно взять ручку и лист бумаги. Альфред прошел через комнату как охотник, крадущийся за дичью — стремительно и бесшумно. Даже немного пригнувшись.

— Мистер Мурхед, вы хорошо себя чувствуете? — встревожено спросила Эллен.

— Мм-м. Мм-м, — промычал Альфред, нахмурившись.

Он схватил карандаш и блокнот и только тогда сделал выдох. Картинка уже начинала тускнеть, но пока что держалась. Альфред рассматривал женщин одну за другой, записывал всю информацию, которую они ему передавали, и позволял им исчезнуть.

Ближе к концу, когда их число сократилось, он немного замедлил темп, чтобы насладиться соблазнительным зрели-

шем. Вот Энн Шеридан, предпоследняя в очереди, подъехала к нему верхом на необъезженном мустанге и легонько стукнула по лбу электрической лампочкой, напомнив Альфреду фамилию главного доверенного лица из компании «Дженерал электрик». Мистер Бронко. Энн зарделась под пристальным взглядом Альфреда, спешила и исчезла.

И вот осталась одна, последняя. Она стояла перед ним, держа в руках стопку бумаг. Альфред смотрел на нее в замешательстве. Бумаги явно должны были что-то ему подсказать, но на этот раз память его подвела. Альфред шагнул вперед и привлек красотку к себе.

— Ну, рассказывай, малышка. Что у тебя на уме? — прошептал он.

— Ах, мистер Мурхед, — вздохнула Эллен.

— О господи! — Альфред разжал объятия. — Эллен... прошу прощения. Я забылся.

— Слава богу, вы все-таки вспомнили обо мне.

ЛЮБОЕ РАЗУМНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Несколько дней назад, как раз перед тем, как я приехал сюда, в Ньюпорт, передохнуть несмотря на то, что оказался без цента в кармане, мне пришло в голову, что нет другой такой профессии — или области рэкета, если угодно, — представители которой больше страдают от своих клиентов, чем торговцы недвижимостью. Если стоишь смиренно, тебя бьют. Если бежишь — стреляют.

Может, у дантистов еще более суровые отношения со своими клиентами, но я лично в этом сомневаюсь. Дайте человеку выбор между удалением зуба или необходимостью выплаты комиссионных торговцу недвижимостью, и он неизменно склонится в пользу клещей и новокаина.

Возьмем Делаханتي. Две недели назад Деннис Делахан-ти попросил меня помочь продать его собственный дом и сказал, что хочет получить за него двадцать тысяч.

В тот же день я повез клиента посмотреть дом. Клиент прошелся по нему, сказал, что ему все понравилось и он его покупает. Вечером он заключил сделку. С Делаханти. За спиной у меня.

После этого я отправил Делаханти счет, рассчитывая получить комиссионные — пять процентов от продажной цены, одну тысячу долларов.

Any Reasonable Offer

© Перевод. С. Бавин, 2010.

— Ты кто такой? — полюбопытствовал он. — Популярная кинозвезда?

— Вы знаете, что мне полагаются комиссионные.

— Разумеется, знаю. Но ты проработал один час. Тысячу баксов за час! Сорок тысяч в неделю, два миллиона в год! Я бы мечтал об этом.

— В некоторые годы я зарабатывал и по десять миллионов, — заметил я.

— Я работаю шесть дней в неделю, сорок недель в году, и вдруг оказывается, что должен заплатить какому-то молодому наглецу типа тебя тысячу баксов за час улыбок, пустую болтовню и пинту бензина. Нет, я напишу моему конгрессмену. Если это законно, то такой закон безусловно необходимо отменить.

— Он и мой конгрессмен, — напомнил я. — И вы подписали контракт. Вы же читали его, не так ли?

Он повесил трубку. И до сих пор не расплатился.

Пожилая миссис Хеллбруннер позвонила как раз после Делаханتي. Ее дом был выставлен на продажу уже три года и представлял собой все, что осталось от семейного состояния Хеллбруннеров. Двадцать семь комнат, девять ванных, зала, кабинет, студия, музыкальный салон, солярий, башни с бойницами для арбалетчиков, символический разводной мост с опускной решеткой и сухой ров. Не сомневаюсь, что где-нибудь в подвале должны существовать дыба и виселица для непокорной дворовой челяди.

— Как-то это неправильно, — сказала миссис Хеллбруннер. — Мистер Делаханти продал свой кошмарный спичечный коробок за один день и на четыре тысячи дороже, чем сам за него заплатил. Видит бог, я за свой дом прошу всего лишь четверть его истинной стоимости.

— Да, но на вашу собственность должен быть весьма специфический покупатель, миссис Хеллбруннер, — заметил я, имея в виду сбежавшего из психушки маньяка. — Но когда-нибудь он появится. Недаром же говорят, что на каждого покупателя есть свой дом, и на каждый дом — свой поку-

патель. Не скажу, что здесь мне каждый день попадаются люди, по внешнему виду которых можно понять, что им по карману приобретение недвижимости ценой в сотню тысяч долларов, но рано или поздно...

— Когда мистер Делахант обратился к вам как клиент, вы тотчас же принялись за работу и заслужили свои комиссионные, — продолжала она. — Почему бы вам не сделать то же самое для меня?

— Мы просто должны проявить терпение. Дело в том...

Она тоже повесила трубку, а в следующий момент в дверях офиса я увидел высокого седовласого джентльмена. Что-то в нем — а может, и во мне — вызвало у меня желание встать по стойке смирно и подтянуть мой свисающий живот.

— Да, сэр! — воскликнул я.

— Это ваше? — произнес он, протягивая вырезанное из утренней газеты объявление таким жестом, словно возвращал выпавший из моего кармана грязный носовой платок.

— Да, сэр. Усадьба Хёрти, сэр. Я подавал объявление, совершенно верно.

— Это усадьба, Пэм, — сказал он, и я увидел высокую, одетую в темное женщину. Она смотрела не прямо на меня, а куда-то над моим левым плечом, словно я был метрдотелем или еще какой-то малозначительной фигурой из обслуживающего персонала.

— Плавательный бассейн в порядке? — поинтересовалась женщина.

— Да, мэм. Два года как построен.

— Конюшни в рабочем состоянии? — в свою очередь спросил мужчина.

— Да, сэр. Мистер Хёрти в настоящее время держит в них своих лошадей. Недавно побелены, проведена противопожарная обработка и все прочее. Он просит за усадьбу восемьдесят пять тысяч, цена окончательная. Вас это не смущает, сэр?

Он скривил губу.

— Я заговорил о цене, потому что некоторые...

— Мы разве на них похожи? — перебила меня женщина.

— Нет, разумеется, нет! — Действительно, вид у них был совершенно иной, и с каждой секундой все больше ассоциировался в моем сознании с четырьмя тысячами двумястами пятьюдесятью долларами комиссионных. — Я немедленно позвоню мистеру Хёрти.

— Скажите, что полковник Брэдли Пекэм с супругой интересуются его собственностью.

Пекэмы приехали на такси, поэтому мне пришлось везти их в усадьбу Хёрти на своем старом двухдверном седане, за который я принес извинения и, судя по выражению их лиц, совсем не напрасно.

Их лимузин, рассказали они мне по дороге, начал издавать невыносимый скрип, и его пришлось оставить в автомастерской, хозяин которой поклялся своей репутацией, что найдет источник этого скрипа и устранил его.

— А чем вы занимаетесь, полковник? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Занимаюсь? — переспросил он, удивленно вскинув брови. — Тем, что меня интересует. Или, в моменты кризисов, тем, в чем больше всего нуждается родина.

— В настоящее время разбирается с ситуацией на «Национальных Сталелитейных заводах», — добавила миссис Пекэм.

— Странное дело, — подхватил полковник. — Но тем не менее продвигается, продвигается.

Мистер Хёрти ждал нас на пороге своего дома — в твидовом костюме, сияющих ботинках, в приподнятом настроении. Семья его в это время была в Европе. Как только я исполнил формальную процедуру знакомства, полковник с женой перестали обращать на меня внимание. Впрочем, за четыре тысячи долларов Пекэмам еще нужно было как следует постараться, чтобы моя гордость почувствовала себя уязвленной.

Я вел себя тихо, как сторожевая овчарка или дорожный чемодан, и слушал добродушные шутки, которыми со свет-

ской непринужденностью обменивались продавец и покупатель восьмидесятипятитысячной недвижимости.

Их не занимали такие мелочи, как стоимость отопления, величина налогов или сухость в погребе. Они были выше этого.

— Очень рада, что здесь есть теплица, — говорила миссис Пекэм. — У меня были большие надежды в связи с этим домом, но в объявлении про теплицу сказано не было, и я молилась, чтобы она тут оказалась.

Никогда не следует недооценивать силу молитвы, заметил я про себя.

— Да, полагаю, она у вас в хорошем состоянии, — обратился полковник к Хёрти. — Я лично очень доволен, что у вас настоящий добротный бассейн, а не какая-нибудь бетонированная лужа.

— Думаю, вам будет любопытно узнать, — ответил Хёрти, — что вода в бассейне не хлорируется. Она облучается ультрафиолетовыми лучами.

— Я на это рассчитывал, — сказал Пекэм.

Хёрти только хмыкнул.

— А лабиринт у вас есть? — поинтересовалась миссис Пекэм.

— То есть? — не понял Хёрти.

— Лабиринт из живой изгороди. Очень живописно!

— К сожалению, нет, — покрутил ус Хёрти.

— Ничего страшного, — великодушно заметил полковник. — Это мы сами сделаем.

— Да, конечно, — кивнула жена, после чего тихонько выдохнула «о боже» и схватилась за сердце. Глаза закатились, и она начала медленно оседать.

— Дорогая! — подхватил ее полковник за талию.

— Прошу... — выдохнула она.

— Какой-нибудь стимулятор! — воскликнул полковник. — Бренди, что угодно!

Хёрти, перепугавшись, схватил графин и плеснул в стакан бренди.

Супруга полковника пригубила немного, и щечки ее начали розоветь.

— Еще, дорогая? — спросил полковник.

— Глоточек, — шепнула она.

Когда с бренди было покончено, полковник понюхал стакан.

— Видит бог, какой приятный букет! — проговорил он, возвращая стакан Хёрти. Хёрти не замедлил наполнить его снова.

— Божественно! — подтвердил оценку полковник, еще раз приняв хавшись и попробовав напиток на вкус. — Первый класс! М-м... К сожалению, все меньше остается людей, которые действительно умеют ценить тонкости в жизни. Большинство ведь хватать-хватать — и несутся дальше в какой-то бешеной гонке.

— Конечно, — кивнул Хёрти.

— Тебе лучше, дорогая? — обратился полковник к жене.

— Гораздо, — кивнула та. — Ты же знаешь, как это бывает. Накатило и прошло.

Полковник взял с полки какую-то книгу, внимательно оглядел ее, словно желая удостовериться, что держит в руках первое издание, и продолжил.

— Итак, мистер Хёрти, думаю, вы уже по нашим глазам поняли, насколько нам понравилась эта усадьба. Кое-что мы, разумеется, поменяем, но в целом...

Хёрти выразительно посмотрел на меня.

— Дело в том, — прокашлявшись, начал я врать, — что к дому уже проявили интерес несколько человек, что и следовало ожидать, как вы понимаете. Если это то, что вам действительно подходит, то вам было бы лучше как можно скорее оформить официальные документы.

— Но вы же не собираетесь продавать этот дом кому *попало*? — спросил полковник.

— Разумеется, нет, — в свою очередь соврал Хёрти, стараясь наверстать упущенное в эпизодах с лабиринтом и бренди.

— Очень хорошо, — кивнул полковник. — Когда нужно, юридические формальности решаются быстро. Но прежде, если вы не возражаете, мы бы хотели почувствовать это место. Избавиться от ощущения новизны, так сказать.

— Да, разумеется, прошу вас, — воскликнул Хёрти, слегка озадаченный.

— В таком случае, если не возражаете, мы немного погуляем вокруг, как будто это все уже наше.

— Нет, конечно. То есть пожалуйста! Сколько угодно!

Пекэмы приступили к исполнению своего плана. Я, нервничая, сидел в гостиной, Хёрти заперся в кабинете. Они познакомились с домом всю середину дня. Кормили морковкой лошадей, рыхлили землю вокруг корней растений в теплице, нежились под солнцем у плавательного бассейна.

Раз или два я пробовал присоединиться к ним, обращая внимания на то или это, но они реагировали на меня как на надоедливую официанта, и мне пришлось прекратить попытки.

В четыре они попросили горничную принести чаю, и получили — с маленькими пирожными. В пять Хёрти вышел из кабинета, обнаружил, что они еще здесь, восхитительно сумел скрыть удивление и приготовил нам всем по коктейлю.

Полковник сообщил, что всегда требует от *своего человека* натирать чесноком изнутри бокал для мартини. Потом поинтересовался, есть ли в округе подходящая лужайка для поло.

Миссис Пекэм обсуждала проблему парковки автомобилей во время больших приемов и спрашивала, не вреден ли местный воздух для масляной живописи.

В семь Хёрти, сдерживая зевоту, извинился, предложил Пекэмам продолжать знакомиться с усадьбой, а сам отправился ужинать. В восемь Пекэмы, переходя с места на место и покружив вокруг Хёрти и его трапезы, объявили, что собираются уезжать.

Меня они попросили подвезти их в самый лучший ресторан города.

— Я понимаю, вы заинтересовались? — спросил я на обратном пути.

— Мы хотим немного посоветоваться, — ответил полковник. — Цена, разумеется, препятствием не является. Мы дадим вам знать.

— Как я смогу связаться с вами, господин полковник?

— Я тут на отдыхе. Предпочитаю никого не уведомлять о своем месте пребывания, с вашего позволения. Я вам позвоню.

— Прекрасно.

— Скажите, — подала голос миссис Пекэм, — а как мистер Хёрти заработал свои деньги?

— Он крупнейший торговец подержанными автомобилями в этой части нашего штата.

— Ага! — воскликнул полковник. — Я так и знал! В этой усадьбе чувствуется запах новых денег.

— Означает ли это, что она вас не устраивает? — спросил я.

— Нет, не совсем. Просто нам надо с этим немного свыкнуться, прежде чем решить, что делать дальше, если вообще что-то делать.

— Не могли бы вы конкретно сказать, что именно вас не устраивает?

— Если сами не видите, — заметила миссис Пекэм, — то скорее всего этого вам не объяснить.

Я промолчал.

— Мы дадим вам знать, — повторил полковник.

Прошло три дня с привычными дополнениями в качестве телефонных бесед с мистером Делаханتي и миссис Хелбруннер. Полковник с супругой никак не проявлялись.

На четвертый день, ближе к вечеру, когда я уже собирался закрывать контору, позвонил Хёрти.

— Черт подери, когда эти Пекэмы наконец созреют? — заорал он.

— Бог знает, — искренне ответил я. — Сам я встретиться с ними никак не могу. Он сказал, что сам позвонит.

— Ты можешь встретиться с ними в любое время дня и ночи.

— Как это?

— Достаточно приехать ко мне. Они торчат у меня трое суток, избавляясь от ощущения новизны. При этом весьма успешно избавляют меня от запасов спиртного, сигар и продуктов. Может, мне вычесть их стоимость из твоих комиссионных?

— Если будут комиссионные.

— Хочешь сказать, ты в этом сомневаешься? Он ходит по дому так, словно все деньги у него просто в кармане, и он лишь ищет подходящий момент, чтобы отдать их мне.

— Ну, поскольку со мной он разговаривать не желает, может, вы на него как-нибудь надавите? Сошлитесь на меня, скажите, что у меня появился новый клиент, отошедший от дел пивовар из Толедо, который предлагает девяносто пять тысяч долларов. Это должно сработать.

— Хорошо. Придется подождать, когда они наплаваются в бассейне и придут на коктейль.

— Позвоните мне потом, и я немедленно привезу все необходимые бумаги.

Он перезвонил через десять минут.

— Ну, умная голова, угадай, что вышло?

— Он клюнул?

— Придется мне нанять нового агента.

— Вы шутите?

— Ничуть! Потому что я послушался совета предыдущего, и почти созревший клиент с супругой ушли от меня, гордо задрав носы.

— Не может быть! Почему?

— Полковник Пекэм с супругой просили поставить тебя в известность, что их не может заинтересовать то, что устраивает престарелого пивовара из Толедо.

* * *

Недвижимость у него все равно была дерьмовой, поэтому я лишь весело посмеялся и переключился на более существенные дела, а именно — на особняк Хеллбруннер. Я дал объявление жирным шрифтом, в котором живописал все прелести жизни в укрепленном замке.

На следующее утро я поднял голову от письменного стола, чтобы увидеть свое объявление, вырезанное из газеты, в длинных, ухоженных пальцах полковника Пекэма.

— Это ваше?

— Доброе утро, полковник. Да, сэр, так точно.

— Должно быть, это именно *наше место*, — услышал я голос миссис Пекэм.

Мы прошли по символическому подвесному мосту под ржавой опускной решеткой и оказались там, где должно быть именно их место.

Миссис Хеллбруннер мгновенно прониклась расположением к супругам Пекэм. Хотя бы потому, что они оказались первыми — в этом я практически уверен — из нескольких поколений, которые пришли в восхищение от этой усадьбы. Более того, они явно дали понять, что намерены приобрести ее.

— На восстановление потребовалось бы полмиллиона, не меньше, — сообщила миссис Хеллбруннер.

— Да, — согласился полковник. — Таких домов больше не строят.

— Ох! — негромко произнесла миссис Пекэм, и полковник едва успел подхватить ее, оседающую на пол.

— Быстрее! Бренди! Что-нибудь! — крикнул полковник Пекэм.

Когда я вез супружескую чету Пекэмов обратно в центр города, они пребывали в восхитительном расположении духа.

— Почему же вы нам сразу не показали этот дом? — упрекнул меня полковник.

— Он лишь вчера появился на рынке, — заявил я. — И судя по запрашиваемой цене, подозреваю, долго не простоит.

— Я тоже так думаю, — кивнул полковник, крепко сжимаемая запястье супруги. — А ты, дорогая?

Миссис Хеллбруннер по-прежнему звонила мне каждый день, но голос теперь звучал радостно и доволью. Она сообщала, что Пекэмы приезжают ежедневно в районе полудня и что с каждым посещением все больше влюбляются в ее собственность.

— Я отношусь к ним как к Хеллбруннерам, — добавила она лукаво.

— То, что нужно, — подтвердил я.

— Я даже приобрела для него сигары.

— Продолжайте в том же духе. Потом вычтете из суммы, подлежащей налогообложению, — подбодрил я.

Еще через четыре дня она позвонила мне сообщить, что Пекэмы приедут к ней ужинать.

— Почему бы вам не заскочить ко мне как бы случайно и не прихватить заодно бланк договора?

— Они говорили что-нибудь о сумме?

— Только изумлялись, какие сокровища можно приобрести всего за какую-то сотню тысяч.

Тем же вечером после ужина я появился со своим чемоданчиком в музыкальной гостиной миссис Хеллбруннер.

— Поздравляю, — сказал я.

Полковник, сидя на стуле у пианино, позвякивал ледышками в своем бокале.

— Как ваши дела, миссис Хеллбруннер? — продолжил я, хотя по внешнему виду старушки понял, что дела — хуже некуда.

— Прекрасно, — хрипло откликнулась она. — Полковник только что сообщил очень интересную новость. Государственный департамент просит его уладить небольшое недоразумение в Бангкоке.

— Единственное отличие на сей раз, — печально приподнял плечи полковник, — они хотят, чтобы я поехал как гражданское лицо.

— Мы уезжаем завтра, — добавила миссис Пекэм. — Подготовить наш дом в Филадельфии...

— И завершить дела с «Национальными Сталелитейными заводами», — подхватил полковник.

— И потом они отправляются в Бангкок, — дрожащим голосом подвела итог миссис Хеллбруннер.

— Мужчины должны работать, женщины должны ждать, — проговорила миссис Пекэм.

— Угу, — кивнул я.

На следующее утро, открывая дверь офиса, я услышал телефонный звонок.

Звонила миссис Хеллбруннер. Она визжала. Куда делись недавние почти семейные отношения!

— Я не верю, что он уезжает в Бангкок, — ярилась она. — Дело в цене. Он слишком воспитан, чтобы торговаться.

— Вы согласны на меньшее? — До сего момента она была очень тверда относительно сотни тысяч долларов.

— На меньшее? — в голосе просквозило нечто молитвенное. — О господи, я согласна на пятьдесят, лишь бы избавиться от этого чудовища. — Некоторое время она помолчала. — Сорок! Тридцать! Только продайте!

Пришлось мне отправить телеграмму полковнику, адресовав ее на «Национальные Сталелитейные заводы», в Филадельфии.

Ответа не последовало, пришлось прибегнуть к помощи телефона.

— «Национальные Сталелитейные заводы», — ответил женский голос в Филадельфии.

— Полковника Пекэма, пожалуйста.

— Кого?

— Пекэма. Полковника Брэдли Пекэма. *Вашего* Пекэма.

— У нас есть Пекэм Б.С., из чертежной.

— Он руководитель?

— Не знаю, сэр. Можете спросить у него сами.

В трубке слышался щелчок; меня явно переключили на другое помещение.

— Чертежная, — откликнулся новый женский голос.

— Этот джентльмен хочет говорить с мистером Пекэмом, — вмешалась первая.

— С *полковником* Пекэмом, — уточнил я.

— Мистер Мелроуз, — услышал я громкий голос второй женщины. — Пекэм еще не вернулся?

— Пекэм! — рявкнул невидимый мистер Мелроуз. — Шевели задницей! Тебя к телефону!

Сквозь гул голосов рабочего помещения слышался чей-то вопрос: «Ну как отдохнул?»

— Так себе, — откликнулся приглушенный, но очень знакомый голос. — Думаю, в следующий раз попробуем Ньюпорт. Из автобуса выглядит весьма симпатично.

— Как тебе удастся жить в таких фешенебельных местах при твоей-то зарплате?

— Уметь надо. — Тут голос зазвучал громко. Я понял, что это он.

— Пекэм слушает! Чертежная!

Я положил трубку на рычаги.

Я жутко устал. Я вдруг осознал, что не был в отпуске с окончания войны. Необходимо оторваться от всего этого хотя бы на время, или я просто сойду с ума. Но Делаханتي молчит, поэтому я все еще без цента в кармане.

А потом я вспомнил, что полковник Брэдли Пекэм упомянул Ньюпорт. Там действительно множество очень симпатичных домов — с прекрасной обслугой, обстановкой, припасами, видом на море... И все выставлены на продажу.

Взять, к примеру, хотя бы это поместье Ван Твила. Здесь есть почти всё: частный пляж и плавательный бассейн, поле для поло, два травяных теннисных корта, трасса для гольфа на девять лунок, конюшни, загон, повар-француз, как минимум три исключительно привлекательных горничных-

ирландки, дворецкий-англичанин, погреб, полный марочных вин...

Лабиринт, кстати, тоже весьма любопытная штукавина. Я блуждаю в нем почти каждый день. Отправившийся меня искать агент по продаже недвижимости, как правило, запутывается в нем как раз в тот момент, когда я нахожу выход. Уверяю вас, имение безусловно стоит тех денег, которые просят за него, до последнего цента. Я и ни минуты не намерен торговаться. Я либо возьму его, либо нет.

Но мне надо еще немного поближе с ним познакомиться, избавиться от ощущения новизны, прежде чем сообщу агенту о своем окончательном решении. Пока что я прекрасно провожу время. Жаль, что вас здесь нет.

УПАКОВКА

— Ну, что ты на это скажешь, Мод? — проговорил Эрл Фентон, снимая с плеча стереокамеру и расстегивая пальто. И то и другое он уложил поверх массивной консоли теле-радио-аудиокомбайна. — Мы совершили путешествие вокруг света, и стоило нам войти в свой новый дом, как через две минуты зазвонил телефон. Вот это я понимаю — цивилизация.

— Вас, мистер Фентон, — объявила горничная.

— Эрл Фентон слушает... Кто?.. Вы не ошиблись? Есть еще некий Брад Фентон, с бульвара Сан-Бонито... Да, да, это я. Выпуск 1910 года... Минутку! Конечно помню!.. Чарли, к чертям собачьим какой-то отель, ты мой гость! Найдется ли у нас место? — Эрл прикрыл микрофон ладонью и подмигнул жене. — Он спрашивает, достаточно ли у нас места! — После этого снова заговорил в трубку. — Слушай, Чарли, у нас есть комнаты, куда я еще ни разу не заходил. Какие шутки! Мы только сегодня въехали. Буквально пять минут как вошли... Нет, уже все в порядке. Дизайнер закончил всё — будьте любезны! — пару недель назад, прислуга работает как часы, так что мы готовы. Бери такси, слышишь меня?..

Нет, я продал завод в прошлом году. Дети выросли, встали на ноги... Эрл-младший — врач, у него большой дом в

Санта-Монике, Тед недавно сдал экзамен на адвоката, работает со своим дядюшкой Джорджем... Да, а мы с Мод решили уgomониться и уйти на заслуженный... Но что мы по телефону-то говорим! Приезжай немедленно! Черт побери, нам есть о чем повспоминать! — Эрл положил трубку и поцкал языком.

Мод изучала панель с выключателями в коридоре.

— Совершенно не могу разобраться, какая из этих дурацких кнопок к чему относится. Кондиционер, или гаражные ворота, или окна...

— Надо будет пригласить Лу Конверса, он объяснит, что к чему, — успокоил ее Эрл. Конверс был подрядчиком, который во время их кругосветного путешествия устанавливал в доме хитроумную многоуровневую «технику для жизни».

Эрл задумчиво уставился в широкое «венедианское» окно, из которого открывался вид на залитую ярким калифорнийским солнцем мощенную камнем террасу с домиком для гриля, на каретный сарай, к воротам которого вела щебеночная подъездная дорожка, на гараж с флюгером на крыше, ласточкиным гнездом и двумя «кадиллаками».

— Представь себе, Мод, — проговорил он, — я только что беседовал с призраком.

— Ага! — воскликнула Мод, занятая своим. — Смотри-ка! Если это окно открывается, то опускается экран! Призрак? Какой еще призрак?

— Фримэн. Чарли Фримэн. Имя из прошлого, Мод. Сначала я просто не поверил. Чарли был, наверное, самой выдающейся личностью в нашем студенческом братстве выпуска десятого года. Президент братства, издатель газеты, член Фи Бета Каппа.

— Боже ты мой! И как это он снизошел вспомнить про нас грешных? — воскликнула Мод.

Неприятное воспоминание из далекого прошлого непроизвольно всплыло в мозгу Эрла: Чарли Фримэн, очень светский, одетый с безукоризненным вкусом, сидит за столом, а он сам в костюме официанта расставляет перед ним

тарелки. Энтузиазм, с которым он пригласил Чарли в гости, оказался своего рода автоматическим рефлексом человека, оставшегося, несмотря на все свое преуспевание, простым, обыкновенным, дружелюбным парнем. Теперь же, вспомнив студенческие отношения, Эрл почувствовал, что перспектива приезда Чарли создает некоторый дискомфорт.

— Он был богатым человеком, — проговорил он с явной горечью в голосе. — Одним из тех, про кого говорят, что у них есть все. Понимаешь?

— Но, милый, — ответила Мод, — ты ведь тоже не был лишним в этой компании?

— Конечно, но когда речь шла о деньгах, они вручали мне куртку официанта и швабру.

Жена окинула его сочувственным взглядом, и Эрл ощутил возможность выложить наболевшее.

— Понимаешь, Мод, для молодого человека кое-что значит, когда приходится обслуживать твоих ровесников, да еще и приятелей, убирать за ними и наблюдать, как они, разодетые в пух и прах, с кучей денег уезжают отдыхать на курорты, в то время как тебе приходится все лето работать, чтобы оплатить следующий курс. — Эрл даже удивился остроте собственных переживаний. — При этом они все время смотрят на тебя сверху вниз, словно видят нечто ущербное в людях, кому никто не принес состояние на блюде.

— Я просто в ярости! — воскликнула Мод, негодуя, распрямляя плечи, словно стараясь защитить Эрла от всех, кто унижал его во время учебы в колледже. — Если этот великий Чарли Фримэн так относился к тебе тогда, не понимаю, зачем его надо было приглашать в наш дом?

— Да ладно, простить и забыть, — хмуро отмахнулся Эрл. — Меня это больше не волнует. Если он захотел объявиться, я постараюсь встретить его как старого друга, как бы там ни было.

— А чем этот великий и могущественный Фримэн сейчас занимается?

— Не знаю. Наверное, чем-нибудь серьезным. Он пошел по медицинской стезе, а я вернулся сюда, так что мы с тех пор и не общались. — Экспериментируя, Эрл нажал кнопку на стене. Из подвала донеслось приглушенное жужжание и пощелкивание, как от приборов, контролирующих температуру, влажность и качество окружающего воздуха. — Но не думаю, что Чарли обзавелся чем-то намного лучшим, чем это.

— А что конкретно он делал по отношению к тебе? — все еще негодуя, продолжила Мод.

Эрл взмахом руки показал, что предпочитает оставить эту тему. На самом деле не было никаких особенных инцидентов, о которых он мог бы поведать Мод. Люди типа Чарли Фримэна никогда не позволяли себе сказать что-либо унижительное по отношению к Эрлу, когда он обслуживал их в качестве официанта. Но, в то же время, Эрл чувствовал на себе этот взгляд сверху вниз и мог побиться об заклад, что в его отсутствие они говорят про него и...

Стараясь избавиться от дурного настроения, он встряхнул головой и улыбнулся.

— Мамочка, а как ты посмотришь на то, чтобы нам немножечко выпить и пойти обследовать наши владения? Если я собираюсь их показывать Чарли, не мешало бы мне самому сначала понять, как действуют все наши хитроумные приспособления, иначе он может подумать, что старина Эрл в этом доме — не хозяин, а дворник или официант... О господи, опять телефон! Думаю, на сей раз цивилизация до тебя добралась.

— Мистер Фентон! — послышался голос горничной. — Это мистер Конверс!

— Привет, Лу, старый конокрад! Как раз осваиваем твое творчество. Похоже, нам с Мод придется записаться на курсы инженеров-электриков, ха-ха-ха... А? Кто?.. Ты шутишь?.. Они правда хотят?.. Ну что ж, чего-то подобного можно было ожидать. Если они уже выбрали, ничего не поделаешь. Мы с Мод совершили кругосветное путешествие, пять минут как

вошли в дом, но такое чувство, что оказалась на Центральном вокзале.

Эрл положил трубку и почесал в затылке, шутливо изображая озабоченность и усталость. На самом деле он был рад подобной активности. Телефонные звонки свидетельствовали, что жизнь — несмотря на то, что завод уже продан, а дети выросли и разлетелись из родительского гнезда — только начинается.

— Что еще? — спросила Мод.

— Конверс сказал, что какой-то дурацкий журнал для домовладельцев хочет сделать статью про наш дом, и они днем приедут брать интервью и фотографировать.

— Забавно.

— Возможно. Не знаю. Не хотелось бы мне выглядеть на всех этих фотографиях неким чванливым ничтожеством. — Показывая, насколько этот сюжет его не волнует, Эрл решил сменить тему. — Не знаю, почему бы ей это не носить, учитывая, сколько мы ей платим. Похоже, наш дизайнер действительно продумал все до мелочей. — При этом он открыл дверцы шкафа рядом с террасой и извлек оттуда передник, поварской колпак и лежащие в нем белые асбестовые перчатки. — Видит бог, очень богато смотрится, не правда ли, Мод? Посмотри, что написано на переднике!

— Очень мило, — кивнула жена и прочитала вслух надпись: «Не стреляйте в повара, он готовит как умеет». — Ты выглядишь настоящим Оскаром Уолдорфским, Эрл! Дай-ка поглядеть на тебя в колпаке!

Он добродушно усмехнулся и натянул колпак на голову.

— На самом деле, не понимаю, как всем этим пользоваться. Кажется, я выгляжу марсианином.

— По-моему, ты выглядишь замечательно, и я не променяю тебя и на сотню высокомерных Чарли Фримэнов!

Держась за руки, они прошли по мощеной террасе к домику для гриля — каменному сооружению, которое издали по ошибке можно было принять за здание сельской почты. Они поцеловались, как целовались перед Великими Пирамидами, перед Колоссом и Тадж Махалом.

— Знаешь, Мод, — заговорил Эрл, ощущая такой сильный прилив эмоций, что даже сдавило в груди. — Мне всегда хотелось, чтобы мой отец был богатым, чтобы у нас с тобой был такой дом сразу, как только я окончил колледж и мы поженились. Но теперь я понял, что был не прав. У нас бы тогда с тобой не было такого момента, как сейчас, когда мы можем оглянуться и сказать, что мы сами прошли весь этот путь — до последнего дюйма. И мы с тобой хорошо понимаем маленького человека, Мод, потому что сами когда-то были маленькими людьми. Видит бог, ни одному богачу из тех, кто, как говорится, родился с серебряной ложкой во рту, этого не понять ни за какие деньги. Сколько людей в нашем круизе не хотели даже одним глазком посмотреть на эту ужасную нищету в Азии. Они боялись потревожить свою совесть. Но нам — да, с учетом того, как мы прошли весь этот трудный путь — нам, думаю, нечего стыдиться, и мы могли спокойно смотреть на этих бедных людей и, думаю, в чем-то понимать их.

— Угу, — кивнула Мод.

Эрл пошевелил пальцами в тонких перчатках.

— А сегодня вечером я намерен пожарить нам с тобой и Чарли стейки из филейной части толщиной с манхэттенский телефонный справочник. И мы заслужили каждую унцию, могу сказать это с чистой совестью.

— Мы даже еще не распаковались.

— Ну и что? Я не устал. У нас впереди много дел, и чем быстрее я приступлю к ним, тем больше успею сделать.

Мод и Эрл, все еще в поварском облачении, находились в гостиной, когда горничная ввела Чарли Фримэна.

— Кого я вижу! — воскликнул Эрл. — Неужто старина Чарли?!

Чарли был по-прежнему худощавым и стройным; возраст выдавала лишь седина в густых волосах. Лицо, кое-где тронутое морщинами, излучало уверенность и мудрость, хотя Эрлу показалось, что на губах по-прежнему играет едва

уловимая усмешка. На самом деле старина Чарли почти не изменился, и студенческие отношения, несмотря на сорокалетний перерыв, с новой силой возродились в сознании Эрла. Совершенно произвольно он почувствовал себя обиженным холопом, тупым и грубым. Единственным способом защиты оказался все тот же, из тех же времен — скрываемое негодование и надежда на то, что рано или поздно все будет совсем по-другому.

— Давненько не виделись, а, Эрл? — произнес Чарли своим по-прежнему глубоким, энергичным голосом. — Отлично выглядишь.

— За сорок лет много воды утекло, — откликнулся Эрл, нервно вцепившись пальцами в обивку дивана. И только после этого вспомнил про Мод, которая, напряженно поджав губы, стояла у него за спиной. — Прости, Чарли, познакомься, это моя жена Мод.

— Удовольствие, которое я вынужден был отложить на долгие годы, — с поклоном заметил Чарли. — Мне казалось, что я с вами давно знаком. Эрл очень много рассказывал про вас в колледже.

— Как ваши дела? — спросила Мод.

— Гораздо лучше, чем я мог предполагать еще полгода назад, — ответил Чарли. — Какой у вас великолепный дом. А как эта штукавина называется? — положил он руку на консоль теле-радио-аудиокомбайна.

— Это? — не скрыл удивления Эрл. — Это ТВ-блок.

— ТВ? — сдвинув брови, повторил Чарли. — ТВ? А-а, это аббревиатура от «телевидение», верно?

— Чарли, ты шутишь, что ли?

— Ничуть. В мире более полутора миллиардов бедолаг, которые никогда в жизни не видели ничего подобного, и я — из их числа. Не опасно потрогать стеклянную часть?

— Экран? — с трудом хохотнул Эрл. — Нет, конечно. Сколько угодно.

— У мистера Фримэна, наверное, экран раз в пять побольше нашего, — холодно заметила Мод. — Очевидно, по-

этому он и пошутил, что никогда не видел такого маленького телевизора.

— Ну ладно, Чарли. — Эрл резко нарушил молчание, возникшее в комнате после реплики Мод. — Чем мы обязаны чести видеть тебя у нас дома?

— Воспоминаниям о юности, — ответил Чарли. — Случайно оказался в вашем городе, вспомнил, что...

Чарли не успел договорить. Его прервала появившаяся компания в составе Лу Конверса, фотографа и молодой симпатичной журналистки из журнала «Прекрасный дом».

Фотограф, представившийся просто Слоткин, немедленно взял бразды правления в свои руки и, похоже, не собирался выпускать их до окончания визита. Он категорически прекратил все разговоры и деятельность, не имеющие отношения к фотографированию.

— Так, покажите ваш упаковка! — на странном ломаном языке потребовал Слоткин.

— Багаж? — не понял Эрл.

— Упаковкой, — вступила в разговор журналистка, — мы называем обстановку и оборудование жилища. Суть репортажа в том, что вы вернулись из кругосветного путешествия, а вас уже ждет полностью, так сказать, упакованный дом — в нем есть все, что может понадобиться человеку в жизни.

— О-о...

— Так и есть, — подал голос Лу Конверс. — Абсолютно, вплоть до битком забитого винного погреба и кухни с деликатесами на самый изысканный вкус. Абсолютно новые машины. Всё абсолютно новое. За исключением вин.

— Ага, они вииграли конкурц.

— Он продал свой завод и отошел от дел, — пояснил Конверс.

— Мы с Мод решили, что пора немного подумать и о себе, — заговорил Эрл. — Мы много лет ограничивали себя, вкладывали деньги в бизнес и так далее. Потом дети выросли, а мне предложили за завод большие деньги, мы немножко как бы сошли с ума и подумали: «А почему бы и нет?».

После чего пошли и заказали себе все, о чем когда-то мечтали.

Эрл бросил беглый взгляд на Чарли Фримэна, который с легкой улыбкой тихонько стоял в стороне, явно изумленный всем происходящим.

— Мы с Мод начинали в двухкомнатной конуре в районе доков, — продолжил Эрл. — Не забудьте это вставить в статью.

— У нас была любовь, — добавила Мод.

— Да, — кивнул Эрл, — и мне не хотелось бы, чтобы у людей сложилось впечатление, будто я какое-то чванливое ничтожество, родившееся с мешком денег и хвастающееся всем этим. О нет, господа! Это — итог долгого и трудного пути. Запишите это. Чарли помнит, как мне в юности приходилось зарабатывать себе на учебу.

— Эрл пережил тяжелые времена, — подтвердил Чарли.

Оказавшись в центре внимания, Эрл почувствовал уверенность и уже стал рассматривать появление в своей жизни Чарли как своего рода великодушный жест судьбы, как отличную возможность свести старые счета раз и навсегда.

— Тяжелыми они были не из-за работы, — многозначительно и с нажимом уточнил он.

— Не спорю, — удивленный внезапной жесткостью Эрла, кивнул Чарли. — Наверное, работа была не тяжелой. В любом случае, все это было так давно, что я мог запомнить.

— Я говорю о том, что очень тяжело жить, когда все на тебя смотрят сверху вниз только потому, что ты родился не в богатой семье.

— Эрл! — с удивленной улыбкой воскликнул Чарли. — Конечно, в нашем студенческом братстве дураков хватало, но никому из них даже на минуту не могло прийти в голову посмотреть сверху вниз...

— Будем заниматься! — объявил Слоткин. — Готовить гриль, хлеб, салат, большой кровавый кусок мяса.

Горничная извлекла пятифунтовый шмат стейка из морозильника, и Эрл положил его на решетку гриля.

— Поторапливайтесь, — сказал он. — У меня нет под руками целой коровы. — За улыбкой он попытался скрыть раздраженность тем, с какой легкостью Чарли отмахнулся от его студенческих страданий.

— Стоять! — крикнул Слоткин. Полыхнули магниевые вспышки. — Хорошо.

После этого вся компания перебралась в дом. Эрл и Мод позировали во всех комнатах поочередно, поливали растения в оранжерее, читали книжные новинки у камина в гостиной, открывали нажатием кнопок окна, беседовали с горничной в прачечной, обсуждали меню, выпивали в баре зала для приемов, расположенного в цоколе здания, разглядывали доски в мастерской, стирали пыль с коллекции ружей в кабинете Эрла.

И постоянно где-то на заднем плане маячил Чарли Фримэн — ничего не упускающий, очевидно, забавляющийся тем, как Эрл и Мод демонстрировали свою благополучную, упакованную по полной программе жизнь. Под взглядом Чарли Эрл все больше и больше нервничал, ему было неловко за всю эту демонстрацию, и Слоткин устроил ему выговор за фальшивую улыбку.

— Видит бог, Мод, — говорил Эрл, утирая пот в хозяйской спальне, — если мне когда-нибудь надоест отдыхать (постучи по дереву!), я могу пойти артистом на телевидение. Заметила, с какой скоростью я научился переодеваться? Господи, скорее бы все это кончилось. Я чувствую себя вешалкой!

Тем не менее пришлось по требованию Слоткина переодеться еще раз, на сей раз в смокинг. Слоткин пожелал снять ужин при свечах. В обеденном зале задернули гардины и включили электричество, чтобы скрыть полуденное солнце, сияющее на улице.

— Полагаю, Чарли вдоволь нагляделся, — проговорил Эрл, с гримасой застегивая тугую пуговицу воротника. — Думаю, он получил большое впечатление. — Но голос прозвучал неуверенно, и он обернулся, ища поддержки у Мод.

Она сидела перед туалетным столиком, сурово разглядывая себя в зеркало и примеряя различные украшения. Услышав нечленораздельное мычание, Эрл повторил:

— Говорю, Чарли, наверное, потрясен.

— На мой взгляд, он слишком спокоен, — холодно ответила жена. — После того, как он к тебе тогда относился, вот так просто заявиться с улыбочками и светскими манерами — фу.

— Да, — вздохнул Эрл. — Черт побери, я всегда чувствовал себя при нем последним ничтожеством, да и сейчас он смотрит на нас так, словно мы нарочно выставляемся, а не просто помогаем журналистам собрать материал для статьи. Ты слышала, что он сказал, когда я напрямую заявил ему, что мне не нравилось во время учебы в колледже?

— Он повел себя так, словно ничего такого не было и ты все сам придумал. О да, он — та еще штучка, я это уже поняла. Но я не позволю ему испортить нам праздник. Сегодня у нас — самый счастливый день в нашей жизни, и так и будет, несмотря ни на что! А знаешь, что я еще тебе хотела сказать?

— Что же? — Ощувив поддержку жены, Эрл воспрял духом. Он не был абсолютно уверен, что Чарли втайне насмеется над ними, но Мод тоже почувствовала это и оскорбилась.

— Несмотря на все его манерное превосходство и шутки по поводу телевизора и всего прочего, — понизив голос до шепота, продолжила она, — я сильно сомневаюсь, что великий Чарли Фримэн купается в золоте. Ты видел его костюм — вблизи?

— Слоткин все делает с такой скоростью, что, боюсь, не успел разглядеть как следует.

— Зато я разглядела, Эрл! Костюм старый, лоснится, и манжеты потертые. Я бы умерла со стыда, если бы ты появился в таком костюме.

Эрл опешил. Он настолько был поглощен обороной, что ему и в голову не могло прийти, что состояние Чарли могло как-то пошатнуться со времен учебы в колледже.

— Может, это любимый костюм, с которым он никак не может расстаться? — предположил он. — У богатых порой бывают такие причуды.

— А также любимая старая рубашка и любимые старые туфли.

— Не могу поверить, — пробормотал Эрл.

Слегка отодвинув занавеску, он выглянул на сказочного вида террасу с домиком для гриля, где Чарли Фримэн непринужденно общался со Слоткином, Конверсом и журналисткой. Манжеты брюк Чарли, с изумлением заметил он, действительно были обтрепанными, а каблуки туфель стоптаны почти до основания. Эрл нажал кнопку, и окно спальни отворилось.

— Очень симпатичный город, — говорил Чарли. — Я мог бы вполне в нем остановиться, поскольку никаких особых пристрастий к какой-то конкретной территории этой страны не испытываю.

— Очень дорого, — вставил Слоткин.

— Да, — кивнул Чарли, — и, возможно, было бы умнее с моей стороны уехать куда-нибудь в глубинку, где мои деньги принесли бы больше пользы. Боже, просто невероятно, сколько все стоило в те дни!

— Похоже, байки плетет, — шепотом заметила Мод, кладя руку на плечо мужу. — Ты не слышал о нем сорок лет, и вдруг он появляется неожиданно-негаданно лишь за тем, чтобы нанести тебе теплый дружеский визит. Что ему нужно?

— Сказал, что просто захотелось увидаться со мной. Вспомнить прошлое.

— И ты ему поверил? — фыркнула Мод.

Обеденный стол выглядел как раскрытый сундук с сокровищами. Дрожащее пламя канделябров отражалось в тысяче идеальных поверхностей — в серебре, фарфоре, хрустальных гранях, в рубинах Мод, в сияющих гордостью глазах супругов. Горничная внесла исходящую паром супницу и поставила перед ними.

— Отлично! — вскричал Слоткин. — Теперь говорить!

— О чем? — спросил Эрл.

— О чем угодно, — ответила журналистка. — Главное, чтобы фотографии не выглядели постановочными. Поговорите о своем путешествии. Ну, например, как выглядит ситуация в Азии?

На этот вопрос Эрл не был склонен отвечать кое-как.

— Вы были в Азии? — спросил Чарли.

— Индия, Бирма, Филиппины, Япония, — с улыбкой пояснил Эрл. — Можно сказать, мы с Мод провели там два месяца, знакомясь с ситуацией.

— Мы с Эрлом не пропускали ни одной поездки на берег, — добавила Мод. — Он хотел увидеть все собственными глазами.

— Беда Государственного департамента в том, что они живут в башне из слоновой кости, — веско заметил Эрл.

Несмотря на блеск линз фотоаппаратов и целую батарею вспышек, Эрл смог увидеть глаза Чарли Фримэна. Обсуждение проблем мирового значения было одним из самых сильных коньков Чарли во время учебы в колледже; сам же Эрл в то время мог только слушать, кивать и удивляться.

— Да, сэр, — произнес Эрл, как бы подводя итог, — почти все, кто принимал участие в этом круизе, расценивали ситуацию практически как безнадежную. За исключением нас с Мод. Нам потребовалось некоторое время, чтобы это осмыслить. Но постепенно мы поняли, что практически единственные из всей этой компании начинали жизнь практически с нуля, мы единственные, кто действительно понимает, что любой человек, вне зависимости от социального положения, способен подняться на самую вершину, если очень к этому стремится. — Он выдержал паузу. — Нет в Азии ничего такого, что нельзя было бы поправить, обладая определенным мужеством, здравым смыслом и умением делать дело.

— Был бы рад, если бы все было так легко, — проговорил Чарли. — Только, боюсь, там все несколько сложнее.

Эрл, справедливо считавший себя одним из самых уживчивых людей на свете, ощутил себя в непривычном состоянии ярости по отношению к бывшему знакомому. Чарли

Фримэн, очевидно опустившийся на дно за то время, пока сам Эрл поднимался наверх, откровенным образом пытался дискредитировать одно из важнейших достижений, которым Эрл чрезвычайно гордился — его знание Азии.

— Я видел это своими глазами, Чарли! — воскликнул он. — Я тебе не какой-нибудь задрипанный кабинетный стратег, который никогда не был за границами центра своего города!

Слоткин полыхнул магнием.

— Еще раз! — попросил он.

— Разумеется, ты не такой, Эрл, — ответил Чарли. — Я сказал грубость. То, что ты говоришь — истинная правда, в своем роде. Только она слишком упрощенная. Такое представление, взятое вне контекста, может оказаться даже опасным. Мне не следовало тебя прерывать. Просто дело в том, что это одна из тем, которые меня очень глубоко волнуют.

Эрл почувствовал, как загорелись щеки. Чарли, при всех своих извинениях, моментально оказался гораздо большим авторитетом в азиатском вопросе, чем Эрл.

— Знаешь, Чарли, полагаю, я имею право на собственное мнение об Азии, поскольку действительно там был, непосредственно общался с людьми, понял, о чем они думают и все такое.

— Видели бы вы, как он отчитывал китайцев-коридорных в Маниле, — воскликнула Мод, с вызовом глядя на Чарли.

— Ну ладно, — произнесла журналистка, глядя в блокнот. — Последний кадр, который нам нужен — как вы оба, еще с чемоданами, входите в дом и поражены всем, что видите... Короче, надо снять ваш приезд.

Снова оказавшись в супружеской спальне, Эрл и Мод послушно переодевались в костюмы, в которых приехали. Эрл разглядывал свое лицо в зеркало, тренируя выражение приятного удивления и стараясь не допустить, чтобы присутствие Чарли Фримэна испортило этот во всех смыслах выдающийся день.

— Он остается на ужин и на ночь? — спросила Мод.

— Черт побери, я по телефону так разлюбезничался, что просто ни о чем не думал, когда пригласил его остановиться у нас, а не в отеле. Кажется, я мог даже побегать его встречать за квартал!

— О боже. А что, если он останется на неделю?

— Кто знает? Слоткин не дал мне и минуты побыть с Чарли, выяснить его планы.

— Эрл, тебя все это не настораживает? — мрачно проговорила жена.

— Что «это»?

— Ну, ты не пытался все это сопоставить — старая одежда, бледность, фраза о том, что его положение сейчас гораздо лучше, чем он мог себе представить полгода назад, книги, да тот же телевизор? Ты слышал, как он спрашивал Конверса про книги?

— Да, это меня поразило, потому что Чарли всегда был заядлым книголюбом.

— Сплошные бестселлеры, и он ни об одном понятии не имеет! И насчет телевизора он не шутил. Он действительно его раньше не видел. Совершенно ясно — он на какое-то время выпал из жизни.

— Может, был болен? — предположил Эрл.

— Или сидел в тюрьме? — прошипела Мод.

— О господи, ты же не думаешь...

— Я думаю, неладно что-то в датском королевстве, — заявила Мод. — И я не хочу его больше здесь видеть. Надо что-то придумать. Я все пытаюсь сообразить, что ему здесь может быть надо, и единственное, что приходит в голову — он ищет способ выудить у тебя денег, так или иначе.

— Ну хорошо, хорошо, — проговорил Эрл, руками давая понять жене, чтобы та говорила потише. — Давай все-таки будем вести себя по-дружески и постараемся его выпроводить как-нибудь помягче.

— Как?

Постепенно они выработали весьма тонкий, как им показалось, способ сделать так, чтобы визит Чарли оказался завершенным еще до ужина.

— Фсе отчен корош, — заявил фотограф, дружески подмигнув Эрлу и Мод, словно впервые обратив на них внимание как на живых людей. — Большое збасибо. Ваш упаковка жить корошо. — Сделав последний снимок, он собрал аппаратуру, поклонился и отбыл, сопровождаемый журналисткой и Лу Конверсом.

Оттягивая момент возобновления общения с Чарли, Эрл предпочел присоединиться к Мод и горничной в поисках магнелиевых вспышек, которые повсюду понатыкал и забыл забрать с собой Слоткин. Когда наконец последняя вспышка была найдена, Эрл смешал мартини и присел на кушетку напротив той, где сидел Чарли.

— Ну вот, Чарли, наконец-то.

— Вижу, ты тоже прошел большой путь, Эрл, — проговорил Чарли, разводя руками, словно показывая свое восхищение этим домом мечты. — Я заметил, у тебя на полках много фантастики. Эрл, твой дом — это сама фантастика!

— Возможно, — кивнул Эрл. Лесть показалась ему началом, подходом к чему-то иному — к серьезному подвоху, например. Он решительно настроился больше не поддаваться на мягкие манеры Чарли. — Для того пути, которым идет Америка — возможно, но для человека, который не боится тяжелого труда — нет.

— О каком пути ты говоришь?

Эрл пристально взгляделся в собеседника, пытаясь понять, не намеревается ли тот его опять как-то унижить.

— Если тебе показалось, что я немного хвастался перед этой публикой из дурацкого журнала, что ж, полагаю, мне в каком-то смысле действительно есть чем похвастаться. Этот дом — больше чем просто дом. Это история моей жизни, Чарли, моя собственная пирамида, если угодно.

— Пусть он простоит столько, сколько Великие Пирамиды в Гизе! — приподнял свой бокал Чарли.

— Спасибо, — кивнул Эрл, поддерживая тост, и решил, что самое время переходить в наступление. — Ты же врач, Чарли?

— Да. Получил степень в шестнадцатом году.

— Угу. А где практикуешь?

— Немного староват, чтобы снова начинать медицинскую практику, Эрл. В этой стране за прошедшие годы медицина настолько изменилась, что, боюсь, я отстал навсегда.

— Понятно. — Эрл мысленно перебрал все варианты потенциальных столкновений врача с законом. Потом, стараясь говорить непринужденно, задал очередной вопрос: — И все-таки, как тебе пришло в голову навестить меня?

— Мой корабль ошвартовался в этом порту, и я вспомнил, что это твой родной город, — ответил Чарли. — Поскольку семьи у меня нет и жизнь мне здесь надо, по сути, начинать заново, я решил сначала навестить старых друзей по колледжу. Корабль пришел сюда, и ты оказался первым.

Сейчас Чарли начнет рассказывать байки, подумал Эрл, о том, что его долго не было в стране. Еще один подвох.

— Я лично не придаю большого значения той давней компании, — не удержался он от небольшой подковырки. — Шайка снобов, от которых я рад был избавиться и забыть навсегда.

— Жаль, если они остались в плену тех нелепых социальных ценностей студенческих лет, — сказал Чарли.

Эрл был поражен резкостью голоса Чарли и, не поняв, откуда она взялась, решил побыстрее сменить тему.

— Значит, был за границей, Чарли? А где именно, если не секрет?

— Эрл! — вдруг громко крикнула Мод из столовой, выполняя задуманный план. — Произошло самое ужасное!

— О боже, в чем дело?

Мод уже стояла на пороге гостиной.

— Анджела, моя сестра, — пояснила она Чарли. — Эрл, только что позвонила Анджела, сказала, что хочет сегодня приехать к нам с Артуром и с детьми и спрашивает, можно ли им у нас переночевать.

— Черт, как не кстати! — воскликнул супруг. — Их же пятеро, в доме только две комнаты для гостей, а у нас Чарли...

— Нет-нет, — вскинул руку Чарли. — Можете спокойно их приглашать. Я в любом случае собирался останавливаться в отеле, у меня несколько неотложных дел, так что я все равно не смог бы остаться.

— Ну, если ты так считаешь, — протянул Эрл.

— Если ему надо ехать, он должен ехать, — констатировала Мод.

— Да, у меня на самом деле много хлопот. К сожалению. — Чарли уже встал и направился к выходу, оставив на столике недопитый бокал. — Большое спасибо. Очень приятно было увидеться. Завидую вашей упаковке.

— Всего доброго, — сказал Эрл.

Закрыв дверь, он передернул плечами и шумно выдохнул.

Пока он стоял в холле, размышляя, что могло произойти с человеком за сорок лет, нежно и мелодично зазвонил дверной колокольчик. Эрл осторожно открыл и увидел на пороге Лу Конверса, подрядчика. Чарли Фримэн на противоположной стороне улицы уже садился в такси.

Лу помахал Чарли, потом обернулся к Эрлу.

— Привет. Это я не на обед напрашиваюсь. Шляпу забыл. Кажется, она в оранжерее.

— Проходи, — широко распахнул дверь Эрл, глядя, как такси с Чарли направляется в сторону центра города. — Мы с Мод как раз собираемся начинать праздновать. Может, останешься с нами на ужин, а заодно объяснишь, как тут что работает?

— Большое спасибо, но меня ждут дома. Конечно, могу немного задержаться и показать, что к чему. Кстати, очень жаль, что вы не смогли уговорить Фримэна побыть подольше.

— Мы уговаривали, — уверенно заявила Мод, незаметно подмигнув мужу, — но он сказал, что у него несколько неотложных дел.

— Да, мне показалось, что он сейчас куда-то как бы торопится. Знаете, — задумчиво проговорил Конверс, — люди типа Фримэна очень странные. С ними легко и тяжело одновременно.

— Что ты на это скажешь, Мод? — воскликнул Эрл. — Лу инстинктивно почувствовал в Чарли то же, что и мы! Скажи, Лу, а что ты конкретно имеешь в виду насчет «легко и тяжело одновременно»?

— Ну, легко, потому что приятно сознавать, что есть еще на свете такие люди, — сказал Конверс. — А тяжело... ну, когда с ними сталкиваешься, не можешь не задуматься, на что уходит твоя собственная жизнь.

— Не понял.

— Одному богу известно, — пожал плечами Конверс, — почему мы не в состоянии жить так, как они. Не всем суждено быть героями. Но думая о Фримэне, мне кажется, что и я мог бы сделать в жизни немного больше того, что сделал.

Эрл обменялся взглядом с женой.

— А что он о себе рассказывал, Лу?

— Мы со Слоткином не успели много узнать. У нас было лишь несколько минут, пока вы с Мод переодевались. Надеюсь, вы мне как-нибудь сами расскажете все подробности. Нам он лишь сообщил, что последние тридцать лет прожил в Китае. Потом я вспомнил, что сегодня в газете читал про него большую статью, только, конечно, на фамилию не обратил внимания. Там как раз было написано, что он потратил все свое состояние на больницу и работал там до тех пор, пока комми не посадили его и в конце концов не вышвырнули из страны. Потрясающая история!

— Да, потрясающая, — мрачно заметил Эрл, прерывая затянувшуюся паузу, и приобнял за талию Мод, которая упорно смотрела на мошеную террасу, залитую солнцем. — Говорю, потрясающая история, а, мамочка?

— Мы правда просили его остаться, — повторила она.

— Это на нас не похоже, Мод, а если да, то я намерен положить этому конец. Дорогая, надо смотреть правде в глаза.

— Позвони ему в отель! — воскликнула Мод. — Да, непременно! Скажем, что с приездом сестры произошла ошибка, что мы... — От осознания невозможности что-либо изменить у нее прервался голос. — О, Эрл, ну почему ему надо было появиться именно сегодня? Всю нашу жизнь мы работали ради этого дня, и тут появился он и все испортил.

— Да уж, нарочно не придумаешь, — вздохнул Эрл. — Но слишком уж все странно получилось.

Конверс разглядывал их с непониманием и сочувствием.

— Ну что поделать, дела есть дела, — наконец проговорил он. — Это никак не отражается на вашем гостеприимстве. Бог свидетель, в этой стране нет дома, лучше приспособленного для развлечений, чем ваш. Все, что от вас требуется — только шелкнуть выключателем или нажать кнопку — и человек может получить все, что пожелает.

Эрл прошел по толстому ковру к книжному шкафу, рядом с которым располагалась очередная панель с кнопками. Никаких обозначений при них не было. Он нажал одну — и вокруг дома вспыхнули спрятанные в кустах яркие светильники.

— Не то.

Он нажал другую. С гудением начали раскрываться гаражные двери.

— Нет.

От нажатия следующей в дверях появилась горничная.

— Вызывали, мистер Фентон?

— Простите, ошибка, — сказал Эрл. — Это не то, что я хотел.

— Что вы хотите, Эрл? — озадаченно спросил Конверс.

— Мы с Мод хотели бы начать этот день заново, — ответил Эрл. — Покажи, какую кнопку нажать, Лу.

БЕЗДАРЬ

Была осень, и деревья за стенами школы Линкольн становились того же ржавого цвета, что и голые кирпичные стены в репетиционном зале оркестра. Джордж М. Гельмгольтц, руководитель отделения музыки и дирижер, был окружен футлярами и складными стульями, и на каждом стуле сидел очень молодой человек в нервной готовности продудеть что-нибудь или — в случае секции ударных — что-нибудь отбить, едва мистер Гельмгольтц взмахнет белой палочкой.

Мистер Гельмгольтц, человек лет сорока, который считал свой огромный живот признаком здоровья, силы и достоинства, ангельски улыбался, словно вот-вот выпустит на волю самые изысканные звуки, какие когда-либо слышало ухо человека. Палочка скользнула вниз.

— Блю-ю-юмп! — сказали большие сузафоны.

— Бле-е! — откликнулись валторны.

И корпящий, визжащий, сварливый вальс начался.

Выражение на лице мистера Гельмгольца не изменилось, когда басы сбились с такта, когда деревянные духовые растерялись и стали неразборчивы, лишь бы никто не заметил ошибки, а секция ударных звучала как битва при Геттисберге.

— А-а-а-а-та-та, а-а-а-а-а, та-та-та-та! — Звучным тенором мистер Гельмгольтц запел партию первого корнета,

когда первый корнетист, побагровевшей и потеющий, сдался и обмяк на стуле, опустив на колени инструмент.

— Саксофоны, я вас не слышу, — крикнул мистер Гельмгольтц. — Хорошо!

Это был оркестр «В», и для оркестра «В» играл неплохо. На пятой репетиции за учебный год нечего ждать лучшей сыгранности. Большинство учеников только поступили в оркестр и за предстоящие годы в школе приобретут достаточно артистизма, чтобы перейти в оркестр «Б», репетиция которого начнется через час, и, наконец, лучшие из них завоюют места в гордости города, «Оркестре Тен-сквер» школы Линкольн, иначе называемом «А».

Футбольная команда проигрывала половину матчей, баскетбольная команда проигрывала две трети своих, но оркестр — за десять лет под началом у мистера Гельмгольтца — до прошлого июня не уступал никому. Он первым в штате использовал в парадных шествиях жонглеров с флагами, первым включил в программу хоровые номера помимо инструментальных, первым широко применил тройное модулирование, первым прошел головокружительным ускоренным маршем, первым зажег фонарь в своем большом барабане. Школа Линкольн поощрила музыкантов оркестра «А» свитерами с буквами своего названия, и свитера пользовались огромным уважением — как и следовало. Оркестр десять лет кряду побеждал на конкурсе школ штата — до провала в июне.

Пока оркестранты «В» один за другим выпадали из вальса так, словно из вентиляции струился перечный газ, мистер Гельмгольтц продолжал улыбаться и помахивать палочкой уцелевшим и мрачно обдумывал поражение, которое потерпело его детище в июне, когда школа Джонстауна победила секретным оружием — большим барабаном семи футов в диаметре. Судьи, будучи не музыкантами, а политиками, слышали и видели только это «восьмое чудо света», и с тех пор мистер Гельмгольтц тоже ни о чем больше не думал. Но школьный бюджет и так кренился от расходов на оркестр. Когда попечительский совет выделял последнее спецассигнование, о котором мистер Гельмгольтц так отчаянно умо-

лял (деньги на проволочные плюмажи с мигалками и батарейками для вечерних матчей, — все сооружение предполагалось прикручивать к шапкам оркестрантов), то заставил его, как запойного пьяницу, поклясться, что, помоги ему господи, это последний раз.

Сейчас в оркестре «В» звучали только двое: кларнет и малый барабан, оба играли громко и гордо, — и безнадежно фальшиво. Мистер Гельмгольтц, очнувшись от сладкой грезы о барабане большем, чем тот, что его одолел, прикончил вальс из милосердия, постучав палочкой по пюпитру.

— Ладненько, ладненько, — весело сказал он и ободряюще кивнул, выражая свои поздравления двоим, продержавшимся до горького конца.

Уолтер Пламмер, кларнетист, отреагировал с торжественностью солиста на концерте, который принимает овацию, возглавленную дирижером симфонического оркестра. Он был невысоким, но с широкой грудью и мощными легкими, которые разработал себе за многократные летние месяцы на дне того или другого плавательного бассейна, и ноту мог держать дольше любого в оркестре «А», гораздо дольше — но и только. Сейчас Пламмер приоткрыл усталые, покрасневшие губы, показывая два больших передних зуба, придававших ему сходство с белкой, поправил язычок инструмента, размял пальцы и стал ждать, когда его призовут на следующие подвиги виртуозности.

«Уже третий год Пламмер в оркестре «В»», — думал мистер Гельмгольтц со смесью жалости и страха. Ничто не могло поколебать решимости Пламмера заслужить право носить одну из священных букв оркестра «А», но до исполнения его желаний было пугающе далеко.

Мистер Гельмгольтц пытался объяснить Пламмеру, что его честолюбие направлено в ложное русло, советовал другие области, где можно применить прекрасные легкие и энтузиазм, области, где слух не так важен. Но Пламмер был влюблен — не в музыку, а в свитера с буквами. Будучи глух к нотам как вареная капуста, он не видел в собственной игре ничего, что его бы обескуражило.

— Помните, — обратился к оркестру «В» мистер Гельмгольтц, — в пятницу день проб, так что будьте готовы. Стулья, на которых вы сидели сегодня, назначались произвольно. В день проб от вас будет зависеть, как вы себя проявите и какого стула на самом деле заслуживаете.

Он избегал встречать взгляд сузившихся, уверенных глаз Пламмера, который занял стул первого кларнетиста, не справившись с планом рассадки на доске объявлений. День проб устраивали раз в две недели, и в этот день любой оркестрант мог потягаться за место с тем, кто выше него. Судьей выступал мистер Гельмгольтц.

Рука Пламмера поднялась, пальцы защелкали.

— Да, Пламмер? — сказал мистер Гельмгольтц.

Из-за Пламмера он стал бояться дня проб. Он начал называть его про себя днем Пламмера. Пламмер никогда не бросал вызов оркестранту из «В» или даже «Б», но всегда штурмовал организацию с самой ее вершины, состязаясь — к несчастью, такое право имели все учащиеся, — только с оркестрантами из «А». Пустая трата времени оркестра «А» сама по себе раздражала, но гораздо мучительнее для мистера Гельмгольтца было выражение пораженного неверия на лице Пламмера, когда он слышал решение дирижера Гельмгольтца, мол он играл не лучше тех, кого вызвал побороться.

— Мне бы хотелось прийти сегодня на репетицию оркестра «А», мистер Гельмгольтц, — сказал Пламмер.

— Хорошо... Если ты считаешь, что тебе по силам.

Пламмеру всегда было по силам, и много большим сурпризом стало бы, объяви он, что не будет присутствовать на репетиции оркестра «А».

— Мне бы хотелось потягаться с Флэммером.

Шорох нот и щелканье замков на футлярах замерли. Флэммер был первым кларнетистом оркестра «А», гением, бросить вызов которому не хватило бы наглости даже оркестрантам «А».

Мистер Гельмгольтц прокашлялся.

— Восхищен твоим задором, Пламмер, но не слишком ли высоко ты метишь для начала года? Может, тебе следовало бы начать, скажем, с Эда Дилейни?

Дилейни занимал последний стул в оркестре «Б».

— Вы не понимаете, — сказал Пламмер. — Разве вы не заметили, что у меня новый кларнет?

— Гм? Э... да, действительно новый.

Пламмер погладил атласно-черный ствол инструмента, словно это был меч короля Артура, наделяющего волшебной силой любого, кто им обладает.

— Не хуже, чем у Флэммера, — сказал Пламмер. — Даже лучше.

В его голосе прозвучало предостережение, мол, дни дискриминации миновали, мол, никто в здравом уме не посмеет затирать человека с таким инструментом.

— Э-э-э... — сказал мистер Гельмгольтц. — Ну, увидим, увидим.

После репетиции его притиснули к Пламмеру в людном коридоре. Пламмер мрачно втолковывал желторотому оркестранту из «В»:

— Знаешь, почему наш оркестр проиграл в июне джонсон-таунцам? — спрашивал Пламмер, как будто не ведая, что мистер Гельмгольтц стоит у него за спиной. — Потому что людей перестали выделять по достоинствам. В пятницу гляди в оба.

Мистер Джордж М. Гельмгольтц жил в мире музыки, и даже пульсация головной боли являлась музыкально, хотя и мучительно, хриплым уханьем большего барабана семи футов в диаметре. Заканчивался первый день проб нового учебного года. Он сидел у себя в гостиной с полотенцем на лбу и ожидал очередного «бу-бух» — удара вечерней газеты, брошенной о фасад его дома Уолтером Пламмером, разносчиком.

С недавних пор мистер Гельмгольтц говорил себе, что в день проб обошелся бы, пожалуй, без газеты, ведь к ней прилагался Пламмер. Газета была доставлена с обычным грохотом.

— Пламмер! — крикнул он.

— Да, сэр? — откликнулся с тротуара Пламмер.

Мистер Гельмгольтц прошаркал в шлепанцах к двери.

— Прошу, мой мальчик, — сказал он, — разве мы не можем быть друзьями?

— Конечно, почему нет? — сказал Пламмер. — Что было, то было, я так всегда говорю. — Он горько изобразил подобие дружеского смешка. — С водой утекло. Прошло два часа с тех пор, как вы проткнули меня ножом.

Мистер Гельмгольтц вздохнул.

— У тебя есть минутка? Пора нам поговорить, мой мальчик.

Пламмер спрятал стопку газет под живой изгородью и вошел в дом. Мистер Гельмгольтц жестом указал на самое удобное кресло в комнате, то, в котором до того сидел сам. Но Пламмер предпочел примоститься на краешке жесткого стула с прямой спинкой.

— Мой мальчик, — начал руководитель оркестра. — Господь создал самых разных людей: одни умеют быстро бегать, другие — писать замечательные рассказы, третьи — рисовать картины, четвертые — продать что угодно, а кое-кто способен творить прекрасную музыку. Но он не создал никого, кто мог бы делать хорошо все разом. Часть процесса взросления — искать, что мы способны делать хорошо, а что нет. — Он похлопал Пламмера по плечу. — Последнее — узнавать, чего мы хорошо не умеем, больше всего причиняет боли, когда взрослеешь. Но с этим приходится столкнуться каждому, а потом надо продолжать искать свое истинное я.

Голова Пламмера все ниже опускалась ему на грудь, и мистер Гельмгольтц поспешил дать лучик надежды.

— Флэммер, например, никогда бы не сумел наладить развозку газет, вести отчетность, подыскивать новых клиентов. У него нет нужной жилки, он не сумел бы даже под страхом смерти.

— А вы правы, — с неожиданной живостью сказал Пламмер. — Нужно быть ужасно одноклассником, чтобы ты был в чем-то так хорош, как Флэммер. Думаю, лучше постараться округлиться. Да, Флэммер меня честно сегодня побил, и я не хочу, чтобы вы считали, будто я в обиде. Меня не то заедает.

— Очень взрослые слова, — сказал мистер Гельмгольтц. — Но я говорил о том, что у всех нас есть свои слабые стороны, и...

Пламмер от этого отмахнулся.

— Вам незачем мне объяснять, мистер Гельмгольтц. Учитывая, какую большую вы проделали работу, просто чудо, что у вас получилось.

— Постой-ка, Пламмер! — сказал мистер Гельмгольтц.

— Я только прошу, чтобы вы поставили себя на мое место, — сказал Пламмер. — Едва я вернулся с состязания с музыкантами «А», едва я всю душу себе вывернул, играя, как вы спустили на меня малышню из оркестра «В». Мы-то с вами знаем, что мы просто давали им понять, что такое день проб, и что я совершенно выдохся. Но разве вы им про это сказали? Ха, ничего вы не сказали, мистер Гельмгольтц, а теперь детишки думают, будто способны играть лучше меня. Вот только это меня и саднит, мистер Гельмгольтц. Они считают, я не просто так на последнем стуле в оркестре «В».

— Пламмер, — начал мистер Гельмгольтц, — я давно старался сказать тебе как можно мягче, но единственный способ до тебя достучаться — сказать напрямик.

— Валяйте и отбросим критику, — сказал Пламмер, вставая.

— Отбросим?

— Отбросим. — Беспрекословно заканчивая разговор, он направился к двери. — Я, наверное, перечеркиваю свои шансы попасть в оркестр «А», когда так скажу, мистер Гельмгольтц, но, честно говоря, инциденты вроде случившегося со мной сегодня как раз и стоили вам победы на конкурсе оркестров в прошлом июне.

— Это был семифутовый барабан!

— Ну, так добудьте такой для Линкольна и увидите, что у вас получится.

— Да я правую руку за него бы отдал! — сказал мистер Гельмгольтц, забывая, о чем шла речь и помня только свою всепоглощающую мечту.

Пламмер помешкал на пороге.

— Вроде того, с каким выходят на парады «Рыцари Кандагара»?

— В точку! — Перед глазами мистера Гельмгольца замаячил гигантский барабан «Рыцарей Кандагара», непременный атрибут любого местного парада. Он попытался представить его себе с пантерой школы Линкольна на боку. — Как раз то, что надо!

К тому времени, когда руководитель оркестра вернулся на землю, Пламмер уже оседлал велосипед.

Мистер Гельмголец открыл было рот окликнуть Пламмера, вернуть его и сказать напрямик, что у него нет ни малейшего шанса когда-либо выбраться из «В», что он никогда не поймет, что цель оркестра издавать не звуки вообще, а особые звуки. Но Пламмер уже был таков.

Получив временную передышку до следующего дня проб, мистер Гельмголец сел насладиться вечерней газетой, где прочел, что добропорядочный казначей «Рыцарей Кандагара» исчез с капиталами организации, оставив по себе неоплаченные счета за последние полтора года.

«Мы выплатим все до цента, даже если придется распродать имущество ложи. Разумеется, кроме Священного Скипетра, — заявил верховный гофмейстер внутреннего храма».

Мистер Гельмголец не знал ни одного из вышеупомянутых лиц, он зевнул и перелистнул на раздел комиксов. Потом охнул и вернулся к первой странице. Он нашел номер в телефонном справочнике и позвонил.

— Пи-пи-пи-пи, — раздался у него в ухе сигнал «занято».

Он уронил трубку на рычаг. Сотни людей, думал он, пытаются, наверное, в этот самый момент связаться с верховным гофмейстером внутреннего храма «Рыцарей Кандагара». Он возвел очи к осыпающемуся потолку: пусть, возмолится он, никому не понадобится по дешевке возимый на тележке барабан.

Он набирал снова и снова и всякий раз слышал «занято». Чтобы как-то снять нарастающее напряжение, он вы-

шел на крыльцо. «Я единственный, кому нужен барабан, — говорил он себе, — а потому могу назвать свою цену». Господи всемогущий! Да его, наверное, за пятьдесят долларов удастся получить! Он заплатит из своих денег, а через три года, когда вся сумма за плюмажи с мигалками будет выплачена сполна, уговорит школу возместить расходы.

Он хохотал как Санта-Клаус из универмага, когда его взгляд упал с небес на его же собственный газон, и он углядел забытые Пламмером газеты, так и оставшиеся под живой изгородью.

Войдя в дом, он опять позвонил верховному гофмейстеру — с тем же результатом. Потом он позвонил домой Пламмеру, чтобы дать ему знать, где затерялось недоставленное адресатам. Но и там линия была занята.

Он звонил попеременно то Пламмеру, то верховному гофмейстеру еще четверть часа, пока, наконец, не услышал длинные гудки.

— Алло? — сказала миссис Пламмер.

— Это мистер Гельмгольтц, миссис Пламмер. Уолтер дома?

— Был тут минуту назад, звонил по телефону, но только что вылетел пулей.

— Искал свои газеты? Он оставил их под моей спиреей.

— Вот как? Господи, я понятия не имею, куда он пошел. Он ничего про газеты не говорил, но, кажется, я слышала что-то про продажу кларнета. — Она вздохнула, потом рассмеялась. — Имея собственные деньги, дети становятся ужасно независимыми. Он никогда мне ничего не рассказывает.

— Ну... тогда скажите ему, что, на мой взгляд, даже лучше, что он продал кларнет. И скажите ему, где газеты.

Что Пламмер наконец прозрел относительно своей карьеры в музыке, было неожиданной и приятной новостью. Теперь дирижер набрал номер из телефонного справочника ради новых приятных новостей. На сей раз он дозвонился, но к разочарованию своему узнал, что верховный гофмейстер только что уехал по какому-то делу ложи.

* * *

Многие годы мистер Гельмгольтц умудрялся сохранять улыбку и не терять головы на репетициях оркестра «В». Но на утро после бесплодных попыток разузнать что-либо о большом барабане «Рыцарей Кандагара», защитные барьеры спали, и ядовитая музыка проникала до глубин его души.

— Нет, нет, нет! — в муках кричал он.

Он швырнул дирижерской палочкой о кирпичную стену.

Упругая палочка отскочила от кирпича и ударилась о пустой складной стул на задах секции кларнета — о пустой стул Пламмера.

Подбирая палочку, мистер Гельмгольтц неожиданно поймал себя на мысли, что его очень тронул символ незанятого стула. Никто больше, каким бы бездарным он ни был, не смог бы занимать последний стул в оркестре так хорошо, как Пламмер. Подняв взгляд, мистер Гельмгольтц обнаружил, что многие оркестранты вместе с ним вглядываются в стул, словно и они тоже ощущали: исчезло нечто великое — в фаталистическом смысле, — и жизнь потому станет немного скучнее.

В десятиминутный перерыв между репетициями оркестров «В» и «Б» мистер Гельмгольтц поспешил к себе в кабинет и попытался снова связаться с верховным гофмейстером «Рыцарей Кандагара». Тщетно!

— Один бог знает, куда он на сей раз подевался, — сказали мистеру Гельмгольтцу. — Он заскочил, но сразу ушел. Я передала, что вы звонили, так что он, наверное, вам перезвонит, когда у него будет свободная минутка. Вы ведь джентльмен с барабаном, верно.

— Именно... джентльмен с барабаном.

В коридоре визжали звонки, возвещаая начало нового урока. Мистеру Гельмгольтцу хотелось остаться у телефона, пока не поймает верховного гофмейстера и не заключит сделку, но оркестр «Б» ждал, а после него будет оркестр «А».

На него снизошло озарение. Он позвонил в «Вестерн Юнион» и послал гофмейстеру телеграмму с оплаченным ответом и предложением пятидесяти долларов за барабан.

Но во время репетиции оркестра «Б» ответа не последовало. Не прибыл он и к середине репетиции оркестра «А». Музыканты, народ чуткий и нервный, сразу поняли, что их дирижер не в своей тарелке, и репетиция шла плохо. Мистер Гельмгольтц остановил марш на середине, так как кто-то тряс снаружи большие двойные двери в дальнем конце репетиционного зала.

— Ладно, ладно, давайте подождем, пока гам не стихнет, не то нам самих себя не слышно, — сказал мистер Гельмгольтц.

В этот момент посыльный подал ему телеграмму. Мистер Гельмгольтц вскрыл конверт, и вот что он прочел:

«БАРАБАН ПРОДАН ТЧК ЧУЧЕЛО ВЕРБЛЮДА НА КОЛЕСАХ ПОДОЙДЕТ ВПР ЗНК».

Двойные двери распахнулись с визгом ржавых петель. Холодный осенний ветер забросал оркестр листьями. В огромном проеме стоял Пламмер, запыхавшийся и потеющий, впряженный в барабан размером с луну в осеннее равноденствие!

— Знаю, сегодня не день проб, — сказал Пламмер, — но я подумал, может, в моем случае вы сделаете исключение.

Он вошел с величавым достоинством, за ним раскатисто жаловалась его гигантская упряжка.

Мистер Гельмгольтц бросился ему навстречу. Он обеими руками сдал правую Пламмера.

— Пламмер, мальчик мой! Ты нам его добыл! Какой ты молодец! Я тебе возмещу! Сколько бы ты ни заплатил, возмещу, — воскликнул он и от радости опрометчиво добавил: — И с лихвой, ты в накладе не останешься. Какой ты молодец!

— Продать барабан? — сказал Пламмер. — Я вам его подарю, когда закончу школу. Я хочу только играть на нем в оркестре «А», пока я здесь.

— Но, Пламмер, — сказал мистер Гельмгольтц, — ты же ничего в барабанах не смыслишь.

— Буду усердно практиковаться, — ответил Пламмер.

Он начал задвигать свой инструмент в проход между трубами и тромбонами, в сторону секции ударных, и изумленные музыканты поспешили потесниться.

— Минутку, — сказал мистер Гельмгольтц, хмыкая, словно Пламмер пошутил, и прекрасно понимая, что это не так. — Играть на барабане не значит колотить по нему, когда заблагорассудится, знаешь ли. Нужны годы, чтобы научиться быть барабанщиком.

— Ну, — протянул Пламмер, — чем скорее начну, тем скорее научусь.

— Я хотел сказать, что, боюсь, ты еще некоторое время будешь не готов для оркестра «А».

Пламмер перестал возиться с инструментом.

— Сколько еще? — спросил он.

— Э... эдак годика через два, наверное. А пока ты мог бы одолжить свой барабан оркестру. Пока не будешь готов.

Все тело у мистера Гельмгольца зазудело под холодным взглядом Пламмера.

— После дождичка в четверг? — сказал наконец Пламмер.

Мистер Гельмгольтц вздохнул.

— Боюсь, вроде того. — Он качнул головой. — Именно это я пытался тебе объяснить вчера. Никто не способен делать хорошо все, и нам всем приходится жить со своими недостатками. Ты отличный парень, Пламмер, но ты никогда не станешь музыкантом — даже за миллион лет. Тебе останется только то, что время от времени приходится делать всем нам: улыбнуться, пожать плечами и сказать: «Ну, еще одно дело не по мне».

В уголках глаз Пламмера выступили слезы. Он медленно пошел к дверям, барабан волочился за ним следом. На пороге он помедлил с еще одним тоскливым взглядом на оркестр «А», в котором для него никогда не будет места. Он слабо улыбнулся, пожал плечами.

— У одних есть восьмифутовый барабан, — сказал он, — у других нет. Такова жизнь. Вы отличный человек, мистер Гельмгольтц, но барабан вы не получите — даже за милли-

он лет, потому что я подарю его маме, пусть превратит в кофейный столик.

— Пламмер! — воскликнул мистер Гельмгольтц.

Его жалобный голос потерялся за грохотом и дребезжанием большого барабана, когда он следовал за своим маленьким хозяином по бетонной подъездной дорожке школы.

Мистер Гельмгольтц побежал за ними. Пламмер и его барабан остановились на перекрестке подождать, когда загорится зеленый. Мистер Гельмгольтц догнал Пламмера там и схватил за локоть.

— Нам нужен этот барабан, — пропыхтел он. — Сколько ты хочешь?

— Улыбнуться! — сказал Пламмер. — Пожать плечами! Это я и сделал. — Пламмер повторил все еще раз. — Видите? Я не могу попасть в оркестр «А», вы не можете получить барабан. Кому какое дело? Это — часть процесса взросления.

— Но ситуация-то тут иная! — сказал мистер Гельмгольтц. — Совершенно иная!

— Вы правы, — ответил Пламмер. — Я взрослею, а вы нет.

Зажегся зеленый, и Пламмер оставил мистера Гельмгольтца пораженно стоять на тротуаре.

Мистер Гельмгольтц снова за ним побежал.

— Пламмер, — сипел он, — ты никогда не сможешь играть на нем хорошо.

— Досыпьте соли на рану, — сказал Пламмер.

— Но только посмотри, как здорово ты его тянешь, — сказал мистер Гельмгольтц.

— Досыпьте соли на рану, — повторил Пламмер.

— Нет, нет, нет, — сказал мистер Гельмгольтц. — Вовсе нет. Если школа получит барабан, тот, кто будет его тянуть, будет таким же полноправным и ценным членом оркестра «А», как и первый кларнетист. Что, если барабан опрокинется?

— И он получит букву оркестра, если барабан не опрокинется? — сказал Пламмер.

А мистер Гельмгольтц сказал так:

— Не вижу препятствий.

БЕДНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ БОГАТЫЙ ГОРОД

У Ньювелла Кади был лоск, деньги, влияние и располагающая внешность слегка идеализированного Юлия Цезаря средних лет. Но главное, что у него был талант, талант поистине бесценного свойства — и этот талант заставлял владельцев крупных предприятий гоняться за ним с настойчивостью умирающих султанов, предлагающих половину царства за средство от их болезни.

Кади мог пройтись по заводу, который теряет прибыль, заглянуть в нужные книги, зевнуть и рассказать управляющему, как тому сэкономить полмиллиона в год на сырье, уменьшить штат на треть, утроить выпуск продукции, и продать отходы за сумму, превышающую стоимость монтажа систем кондиционирования и непрерывной трансляции музыки по всему заводу. Кондиционированный воздух и музыка увеличили бы индивидуальную производительность труда на целых десять процентов, а претензии со стороны профсоюза сократились бы на все двадцать.

В последний раз его наняла Федеральная аппаратная корпорация; она пожаловала Кади званием вице-президента и отправила в Илиум, штат Нью-Йорк с поручением убедиться, что новый центр компании строится как полагается. С окончанием строительства предполагалось перемес-

---

Poor Little Rich Town

© Перевод. М. Гальперина, К. Россинский, 2010.

тить кабинеты высших руководителей компании из Нью-Йорка в Илиум, город, который фактически умер после того, как во время Второй мировой войны его текстильные фабрики были эвакуированы на юг.

Весь Илиум ликовал, когда закладывались глубокие, мощные фундаменты для нового центра, но еще больше, если это вообще возможно, торжествовал народ в деревушке Спрусфелс, в девяти милях от Илиума, где Ньювелл снял, подумывая в дальнейшем купить, один из особняков, украшающих тенистую главную улицу.

Спрусфелс представлял собой замкнутый мирок, состоящий из мелких лавчонок, средней школы, почтового отделения, отделения полиции и пожарной части, обслуживающей окрестные молочные фермы. В двадцатые годы Спрусфелс пережил бум недвижимости. Тогда-то и были построены пятнадцать особняков — на святой вере в то, что эта местность, благодаря своим горячим источникам, превратится в курорт для богатых инвалидов, ипохондриков и любителей лошадей, как произошло с Саратогой, которая, кстати, была не так уж и далеко.

Но в 1922-м выяснилось, что купание в источниках, само по себе достаточно безопасное, тем не менее послужило причиной нескольких случаев сыпи, которую один манхэттенский дерматолог без всякого уважения к проблемам недвижимости в провинции, назвал «Спрусфелской болезнью».

Все особняки и конюшни при них в одночасье стали такими же безлюдными, как покинутые дворцы и храмы Ангкора Тхома в Камбодже. Банки были лишены права выкупа тех особняков, что были заложены. Остальное стало собственностью города и пошло в счет неоплаченных налогов. Но никто не хотел давать за них даже цента, как будто спрусфелская болезнь была проказой, холерой или бубонной чумой.

В конечном счете девять особняков были куплены у банков или у города теми местными жителями, кто не мог про-

тивиться искушению заплатить мало, а получить много. Новые владельцы пользовались максимум шестью комнатами в доме, а остальное шло на растерзание гнили, термитам, мышам, крысам, белкам и детям.

— Если нам удастся заставить Ньюелла Кади полюбить радости деревенской жизни, — сказал начальник пожарной охраны Стэнли Аткинс, выступая в субботу на чрезвычайном собрании добровольной пожарной команды, — он склонится к мысли купить, и Спрусфелс станет фешенебельной резиденцией руководства аппаратной корпорации. Без долгих проволочек, — экспансивно добавил Аткинс, — постановляю, что означенный мистер Ньюелл Кади избран полноправным членом пожарной команды и назначен главным судьей ежегодной Ярмарки Увлечений.

— *Audaces fortuna juvat!* — сказал Эптон Битон, высокий, суровый на вид шестидесятипятилетний пожарник. Он был последним представителем первопоселенцев Спрусфелса. — Судьба, — перевел он после паузы, — благоволит к смелым, это уж точно. Но, джентльмены, — он снова многозначительно помолчал. Аткинс покраснел от волнения, да и прочие члены пожарной команды, беспокойно заерзали на стульях. Как и его предки, Битон получил декоративное образование в Гарварде, и, как и они, жил в Спрусфелсе, потому что здесь ему не требовалось особых усилий, чтобы чувствовать себя выше соседей. Он выжил благодаря деньгам, которые его родня сделала за время недолгого бума.

— Но, — повторил Битон, вставая, — та ли это судьба, которая нам нужна? Нам предлагают отказаться от пункта, обязывающего кандидата в члены пожарной команды прожить среди нас не меньше трех лет. Сделать исключение — значит унизить наших товарищей. Кроме того, если мне позволено будет заметить, пост судьи Ярмарки Увлечений имеет гораздо большее значение, чем представляется постороннему человеку. В нашей маленькой деревушке у нас есть лишь маленькие способы себя возвеличить, но мы, ради поколения, идущего нам на смену, взяли на себя труд сберечь

эти маленькие почести для тех из нас, кто занял самое высокое положение, какого только можно достичь в глазах деревенских жителей. Спешу добавить, что те почести, которыми отмечен я — это свидетельство уважения к моему роду и возрасту, но не ко мне лично, и являются исключением, каковых, вероятно, должно быть как можно меньше. — Он вздохнул. — Если мы откажемся от этой гордой традиции, потом от другой и от третьей ради всех денег, то скоро увидим, что нам остается лишь выставить белый флаг презренной сдачи всего, что было нам дорого! — Он сел, сложил руки на груди, и устался в пол.

Аткинс, который в течение этой речи стал красным как рак, боялся взглянуть на Битона.

— Агенты по продаже недвижимости, — пробормотал он, — клянутся, что цены на дома в Спрусфелсе вырастут вчетверо, если Кади останется.

— Что пользы деревне, если она обретет прибыль от продажи недвижимости, а душу свою потеряет? — спросил Битон.

Аткинс откашлялся.

— Я внес предложение, — сказал он. — Кто-нибудь его поддерживает?

— Поддерживаю, — сказал кто-то, опустив голову.

— Все за? — спросил Аткинс.

Послышался скрип стульев, и тихие голоса, похожие на звуки, доносящиеся с детской площадки за милю отсюда.

— Против?

Битон молчал. Династии Битонов в Спрусфелсе пришел конец. Их отеческое руководство, не встречавшее сопротивления в течение поколений, только что было низвергнуто.

— Принято, — подвел итог Аткинс. Он начал что-то говорить, но тут же перебил себя: — Ш-ш! — почтовое отделение располагалось в том же здании, в соседней комнате, и по ту сторону тонкой перегородки, мистер Ньюелл Кади пришел за почтой.

— И это все, миссис Дикки? — спрашивал он у почтмейстерши.

— У нас тут люди за год получают меньше, — сказала миссис Дикки. — Есть еще несколько писем в ящике для второсортных. Может, там найдется что-нибудь вам.

— Мм-м, — промычал Кади. — Это правительство учит вас таким способом разделять людей на сорта?

— Меня? — фыркнула миссис Дикки. — Хотела бы я взглянуть на того, кто попробует учить меня моему делу. Я здесь почтмейстершей уже двадцать пять лет, с тех пор как мой муж отошел в мир иной.

— Угу, — сказал Кади. — А пока вы не будете возражать, если я зайду к вам и взгляну на ящик для писем второго разряда?

— Простите — но правила, вы же понимаете, — сказала миссис Дикки.

Тем не менее дверь в клетку миссис Дикки скрипнула, открываясь.

— Спасибо, — сказал Кади. — Знаете, а что, если бы вместо того, чтобы сортировать почту так, как вы это делаете сейчас, вы брали бы конверты вот так, и — а... э... — надели бы резинку на большой палец, а не на указательный...

— Моя земля! — воскликнула миссис Дикки. — Да они просто летают!

— И вы управлялись бы даже быстрее, — сказал Кади, — если бы не эти ящики на полу. Почему бы не переставить их выше, на уровне глаз? Видите? А что, во имя земли, делает здесь этот стол?

— Это стол для моих детей, — сказала миссис Дикки.

— Ваши дети на нем играют?

— Не настоящие дети, — пояснила миссис Дикки. — Это я так называю цветы на столе — мудрый маленький цикламен, игривый маленький лимончик, страстная маленькая сансеверия...

— Вы понимаете, — сказал Кади, — что только на беготную вокруг стола вы тратите двадцать человеко-минут, и лишь небеса знают, сколько футо-фунтов в день?

— Ну... — протянула миссис Дикки. — Очень любезно с вашей стороны проявлять такую заботу о моей работе, но, знаете, без цветов мне будет так одиноко...

— Ничего не могу с собой поделать, — сказал Кади. — Мне больно видеть, как что-то делается неправильно, когда так легко организовать все как надо. Ну вот! Ваш большой палец уходит вправо, как раз туда, где я велел вам ни в коем случае его не держать!

— Шеф Аткинс, — прошептал Эптон Битон в зале заседаний.

— А?

— Вы неправильно чешете голову, — сказал Битон. — Расставьте пальцы вот так, ясно? И тогда уж валяйте. Покроете вдвое большую площадь за вдвое меньшее время.

— При всем моем уважении к вам, сэр, — сказал Аткинс, — хочу заметить, что наша деревня может стать лучше и воспринять духом.

— Я был бы последним, кто встанет на пути прогресса, — отвечивал Битон. И, помолчав, добавил: — Я отправляюсь в края, где ищет добычу зло, где возрастает богатство, а души людские гниют...

— Кади пересекает улицу, смотрит на пожарную машину, — сообщил Эд Ньюкомб — вот уже двадцать лет бессменный секретарь отдела пожарной охраны. Илиумский спец по продаже недвижимости, тот самый, чьи заверения зажгли огонек в глазах у всех, кроме Битона, убедил Ньюкомба, что его особняк в двадцать шесть комнат в георгианском колониальном стиле после покраски и наклейки обоев вызовет у представителя корпорации мысль о краже пятидесяти тысяч долларов. «Пусть порадуется!» Отец Ньюкомба купил этот ковчег у банка. Он был единственным претендентом.

Вся пожарная команда сгрудилась у пожарной машины, наперебой поздравляя своего нового члена с оказанной ему честью.

— Благодарю, — сказал Кади и критически оглядел ярко-красную машину. — Стиль короля Георга — только хрома чересчур многовато, — заметил он.

— Вы еще не видели новую! — воскликнул Эд Ньюкомб.

— Почему эти чертовы штуки расфуфыривают так, будто это карусели? — сказал Кади. — Можно подумать, что это игрушка. Боже! Представляю, как все это хромирование и прочие побрякушки сказываются на цене! А вы говорите, будет куплена еще и новая?

— Без сомнения, — гордо сказал Ньюкомб. — Правда, мы еще не голосовали, но я уверен, все будут «за».

На лицах пожарников отразилось радостное предвкушение.

— Пятнадцать сотен галлонов в минуту! — сказал один.

— Два прожектора! — воскликнул другой.

— Закрытый кузов!

— Восемнадцатифутовые лестницы!

— Цистерна!

— И поворачивающаяся форсунка на крыше, в виде ба-шенки! — перекрывая всех, выкрикнул Аткинс.

Когда после страстного гимна новой машине установилась тишина, заговорил Кади:

— Нелепость, — сказал он. — У вас уже есть отличная машина, вполне отвечающая своему назначению.

— Мистер Кади абсолютно прав, — сказал Эптон Битон. — Это практичная, крепкая машина, которая много лет служила нам верой и правдой. Глупо было бы заставлять управление залезать в долги на двадцать лет ради того, чтобы купить пожарной команде дорогую игрушку. Мистер Кади зрит в корень.

— Я полжизни борюсь с такими вещами в промышленности, — сказал Кади. — С людьми, для которых мишура важнее того, чтобы работа была сделана. Единственная задача пожарной команды в том, чтобы тушить пожары и делать это как можно экономичнее.

Битон хлопнул Аткинса по плечу.

— Каждый день чему-нибудь учишься, а, шеф?

Аткинс улыбнулся улыбкой человека, которому только что прострелили живот.

Ежегодная Ярмарка Увлечений состоялась через три недели после того, как Кади был избран почетным членом пожарной команды. Экспонаты выставили в церковном подвале. За двадцать один день Хэл Брайтон, бакалейщик, перестал делать подсчеты на бумажных мешках, купил калькулятор и переставил прилавки вдоль стен, превратив свою лавочку из большой коробки, загроможденной так, что негде шагу ступить, в площадку для гонок. Миссис Дикки, почтмейстерша, убрала из своей клетки покрытых листвою «детей», а также их стол, и подняла нижний ряд ящиков на уровень глаз. Пожарная команда голосованием отмела красно-синие фуражки как ненужные для пожаротушения. На собрании школы были произведен потрясающий подсчет, убедительно доказывающий, что на обучение одного ученика в средней школы в Спрусфелсе уйдет на семь долларов двадцать девять и шесть десятых цента в год больше, чем потребуется на то, чтобы возить детей в большую, квалифицированную, централизованную школу в Илиуме.

Население деревушки выглядело так, будто каждому вкололи мощный стимулятор. Люди начали быстрее ходить, быстрее заключать сделки, глаза их, казалось, шире раскрылись и стали ярче — даже, пожалуй, бешеными. И по этому бравому новому миру гордо шествовали два создавших его человека, теперь уже постоянные компаньоны — Ньювелл Кади и Эптон Битон. Функция Битона заключалась в том, чтобы обеспечивать Кади фактами и расчетами, а потом превращать в жизнь зверски реалистические предложения Кади насчет реформ, которые следовали за фактами и расчетами с той же неумолимостью, с какой день сменяется ночью.

Судьями на Ярмарке были Ньювелл Кади, Эптон Битон и шеф Стэнли Аткинс. Они не торопясь шли вдоль длинного ряда составленных торцами столов, на которых были раз-

ложены экспонаты. Аткинс, который с тех пор, как общественное мнение сказало «нет» новой пожарной машине, похудел и утратил большую часть прежней живости, нес коробку из-под обуви, в которой лежали аккуратные связки голубых наградных ленточек.

— Не думаю, что нам понадобится столько ленточек, — заметил Кади.

— Не говорите «гоп», — сказал Аткинс. — Мы трудились весь год, и наградить надо будет чертову уйму.

— Заявки разбиты на классы, — объяснил Битон. — И в каждом классе должен быть первый приз. — Он протянул руку к Аткинсу. — Будьте добры, шеф, одну с булавкой. — Он прикрепил ленточку к грязному серому шару четырех футов в диаметре.

— Постойте, — сказал Кади. — Разве мы не должны провести обсуждение? Я хочу сказать — нельзя же весело идти вдоль столов, прикрепляя ленточки везде, где нам заблагорассудится? О небо, вы присудили первый приз этой омерзительной капле, а я даже не знаю, что это такое.

— Шнурки, — пояснил Аткинс. — Это шнурки Батсфорда. Вы не поверите: первый шнурок, с которого начал расти этот шар, он нашел еще в те времена, когда Кливленда выбрали на второй срок.

— Угу, — кивнул Кади. — И только в этом году решил выставить его на Ярмарке.

— Он выставляет его на каждую ярмарку, сколько я себя помню, — сказал Битон. — В первый раз я этот шар увидел, когда он был не больше теннисного мяча.

— И за это бессмысленное и примитивное постоянство, как я полагаю, мы должны наконец осчастливить его первым призом, так? — устало уточнил Кади.

— Наконец? — переспросил Битон. — Он всегда получал первый приз в классе находок.

Кади уже собрался сказать что-то язвительное, но тут его внимание вновь было отвлечено.

— О господи!.. — воскликнул он. — А это что за гнилье, которому вы сейчас выдали первый приз?

От изумления Аткинс даже остановился.

— Как — что? Разумеется, цветочная композиция миссис Дикки.

— Эта куча — цветочная композиция? — воскликнул Кади. — Из ржавого ковша и горстки поганок я сделал бы композицию лучше. А вы даете ей первый приз. Где же соревнование?

— Никто не лезет в класс другого, — сказал Битон, кладя ленточку на палубу незаконченной модели корабля.

Кади сбросил ленту с модели.

— Подождите! Каждый получает приз — я прав?

— Ну, да, в своем классе, — сказал Битон.

— Тогда в чем же цель этой ярмарки? — нетерпеливо спросил Кади.

— Цель? — повторил Битон. — Это ярмарка, и ничего больше. Какая же тут должна быть цель?

— Черт побери! — воскликнул Кади. — Я хочу сказать, что какой-то высший смысл должен во всем этом быть — способствовать повышению интереса к искусству, ремеслам, что-то вроде того. Развивать навыки, вкус. — Он махнул рукой в сторону экспонатов. — Барахло, за что ни возьмись, все это барахло — и в течение лет эти обманутые люди получали первые призы, будто им не с чем было сравнить свои композиции, или будто в мире нет более полезного занятия, чем со времен Кливленда подбирать потерянные шнуры.

Аткинс был уязвлен в самое сердце и потрясенно молчал.

— Хорошо, — сказал Битон. — Вы главный судья. Давайте делать, как вы хотите.

— Послушайте, мистер Кади, сэр... — глухо проговорил Аткинс. — Мы просто не можем не дать...

— Не становитесь на пути у прогресса, — оборвал его Битон.

— Ну что ж, насколько я могу видеть, — сказал Кади, — в этом подвале есть только одна вещь, в которой угадывается слабое мерцание истинного творческого потенциала и увлеченности.

* * *

Последние огни в Спрусфелсе в ночь Ярмарки горели почти до полночи, хотя обычно город в десять погружался в темноту. Те немногие, кто видел выставку, но не слышал, как выносили оценку, были поражены, увидев на обложке журнала для женщин изображение одного-единственного экспоната с прикрепленной к нему голубой ленточкой — единственный приз, присужденный в этот день. Прочие экспонаты в гнев тащили по домой обиженные заявители, а единственный призер свое произведение унес только поздно вечером, стыдливо и тайно; голубую ленточку он не рискнул взять с собой.

Только Ньювелл Кади и Эптон Битон спали в ту ночь мирно и с сознанием хорошо выполненной работы. Впрочем, в понедельник город вновь ликовал, поскольку в воскресенье, словно в качестве компенсации за холокост, учиненный Ярмарке Увлечений, в Спрусфелс приехал спец по недвижимости. Он уже успел написать в Нью-Йорк чиновникам Федеральной Аппаратной корпорации и сообщить об особняках в Спрусфелсе, которые фактически можно украсть у простодушных аборигенов, и стоят они всего лишь в броске камня от дома, владельцем которого будет, как предполагается, их уважаемый коллега мистер Ньювелл Кади. И он показал спрусфелсцам письма чиновников, которые ему поверили.

К вечеру в понедельник было сказано последнее горькое слово о Ярмарке Увлечений, и все разговоры сосредоточились на высчитывании налогов, на том, что федеральное правительство безжалостно губит на корню желание получать прибыль и на возмутительных расценках на строительство маленьких зданий...

— Но я же вам повторяю, — говорил Аткинс, — согласно этому новому закону, вы не должны платить никакого налога на прибыль, получаемую от продажи вашего дома. Это прибыль лишь на бумаге, простая, обычная инфляция, и ее не обложат налогом, потому что так было бы неспра-

ведливо. — Он, Эптон Битон и Эд Ньюкомб вели разговор в почтовом отделении, а миссис Дикки тем временем сортировала вечернюю почту.

— Извините, — сказал Битон, — но закон утверждает, что вы обязаны купить другой дом за цену не меньшую, чем цена вашего старого.

— Зачем мне дом за пятьдесят тысяч? — с легким трепетом спросил Ньюкомб.

— Хотите, селитесь в моем, — сказал Аткинс. — Тогда вам вообще не придется платить никакого налога. — Он жил в трех комнатах из восемнадцати, в доме, который его отец купил за бесценок.

— И получить в два раза больше термитов и в четыре — плесени? Я и так устал с ними бороться, — сказал Ньюкомб.

Аткинс не улыбнулся. Вместо этого он пинком захлопнул дверь почтового отделения, которая была приоткрыта.

— Вы что, дурак? Кто угодно может проходить мимо и услышать то, что вы тут говорите о моем доме.

Битон встал между ними.

— Успокойтесь! Снаружи нет никого, кроме старого Мансфилда, а с тех пор, как у него взорвался котел, он глух как тетерев. Господи, если такой небольшой прогресс, который мы до сих пор получили, делает всех такими нервными, что же будет, когда в каждом особняке поселится по Кади?

— Кади — настоящий джентльмен, — сказал Аткинс.

Миссис Дикки пыхла и тихо ругалась в своей клетке:

— Я двадцать пять лет скакала вверх-вниз за этими ящиками, и теперь, когда их там нет, все равно не могу отделаться от привычки. Черт! — Конверты выпали у нее из рук и рассыпались по полу. — Ну вот, так всегда, когда я ставлю большой палец так, как он мне велел!

— Это все не важно, — сказал Битон. — Ставьте его, куда велено, потому что вот он приехал.

Черный «мерседес» Кади остановился перед почтовым отделением.

— Хороший денек, мистер Кади, сэр, — сказал Аткинс.

— А? Да-да, конечно. Я просто задумался о другом. — Кади зашел к миссис Дикки за почтой, но продолжал говорить с пожарниками через плечо, вообще не глядя на почтмейстершу. — Я только что подсчитал, что проезжаю по восемь десятых мили в день, чтобы забрать свою почту.

— Хороший повод прогуляться и поболтать со знакомыми, — заметил Ньюкомб.

— Это приблизительно сто сорок девять и шесть десятых миль в год, — продолжал Кади не слушая, — что, если считать по восемь центов за милю, составит девятнадцать долларам девяносто семь центов в год.

— Рад слышать, что вы еще можете купить что-то заслуживающее внимания за девятнадцать долларов и девяносто семь центов, — съязвил Битон.

В творческом порыве Кади не замечал растущей в маленькой комнате напряженности.

— По крайней мере сотня людей ездит за почтой, что означает ежегодный расход тысячи девятисот девяноста семи долларов, не говоря уже о человеко-часах. Подумайте об этом!

— Ох, — проворчал Битон, а Ньюкомб и Аткинс нетерпеливо переминались с ноги на ногу, торопясь скорее уйти. — Еще неприятнее думать, сколько мы тратим на крем для бритья. — Он взял Кади за руку. — Не зайдете ли на минутку ко мне? У меня есть кое-что, и я думаю, что вас...

Кади не двинулся с места.

— Это не то же самое, что крем для бритья, — сказал он. — Мужчины должны бриться, и без крема для бритья не обойтись, если хочешь снять бакенбарды. Разумеется, мы должны получать свою почту, но я выяснил кое-что, чего, очевидно, никто здесь не знает.

— Пойдемте ко мне, — сказал Битон, — и там все это обсудим.

— Это так просто, что даже нечего обсуждать, — сказал Кади. — Я выяснил, что достаточно подать заявку в почтовое отделение Илиума, и нам поставят почтовые ящики у самых домов, как заведено во всех окрестных деревнях. И

много лет это приносит пользу! — Он улыбнулся, и рассеянно взглянул на руки миссис Дикки. — Ай-яй-яй! — сказал он с упреком. — Возвращаетесь к старому способу, не так ли, миссис Дикки?

Аткинс и Ньюкомб открыли дверь и встали по бокам, словно два стража у дворцовых ворот, а Битон вытолкал Кади из клетки почтмейстерши.

— Когдаходишь, как я, в ситуацию со стороны, это огромное преимущество, — разглагольствовал Кади. — Те, кто внутри, слишком ослеплены традицией. Вот вы, например, тратитесь на обслуживание почтового отделения, когда легко можете получить куда лучший сервис за минимум денег и хлопот. — Он скромно хихикнул, пока Аткинс закрывал за ним дверь почтового отделения. — Одноглазый в стране слепых, как вы бы сказали.

— Одноглазый тоже может быть слеп, — заявил Битон, — если он не видит лица людей и не понимает их чувств.

— О чем это вы? — не понял Кади.

— Если бы вы смотрели на лицо миссис Дикки вместо того, чтобы наблюдать за ее пальцами, вы бы увидели, что она плачет, — сказал Битон. — Ее муж погиб при пожаре, спасая своих соседей, людей, которых вы обозвали слепыми. Вы так много твердите о трате времени, мистер Кади — так вот, потратьте его побольше и обойдите как-нибудь всю деревню — попробуйте найти хоть одного человека, который не знает, что можно устроить так, чтобы почту приносили ему к дверям его дома в любое время, когда он пожелает.

Не прошло и месяца, как второе чрезвычайное собрание членов добровольной пожарной команды положило конец деятельности мистера Кади и его почетному членству. Все, кроме одного пожарника, которого не пригласили, впервые за последнее время казались довольными и подобревшими. С повесткой разделались быстро: Эптон Битон, патриарх Спрусфелса, продирижировал, а прочие члены команды хором пропели «за». Теперь все ждали, когда отсутству-

ющий пожарник, Ньювелл Кади, зайдет в почтовое отделение, расположенное за тонкой перегородкой, чтобы не взять свою почту.

— Приехал, — прошептал Эд Ньюкомб, который стоял на часах у окна.

Минутой позже за стеной послышался сочный голос:

— О боже, вы снова поставили туда эти растения!

— Мне стало так одиноко, — сказала миссис Дикки.

— Но моя дорогая миссис Дикки, — сказал Кади, — подумайте о...

— Предложение принято, — громким голосом сказал шеф Аткинс. — Мистер Битон будет делегацией из одного человека, которая сообщит мистеру Кади, что его членство в пожарной команде, к сожалению, является нарушением правила, которое обязывает нового члена прожить у нас не меньше трех лет, прежде, чем он может быть избран.

— Я ему объясню, — тоже громко сказал Битон, — что это никоим образом не личное оскорбление, а всего лишь вопрос соответствия нашим правилам, которые действуют вот уже много лет.

— Удостоверьтесь, что он понимает: мы все его любим, — сказал Эд Ньюкомб, — и скажите ему, что мы гордимся тем, что такой влиятельный человек, как он, хочет здесь жить.

— Непременно, — пообещал Битон. — Он выдающийся человек, и я уверен, поймет мудрость пункта о трехлетнем сроке. Деревня — это не завод, по которому можно пройти, краем глаза взглянуть, что там делается, а потом открыть книги и сразу понять, что устроено правильно, а что — нет. Мы ничего не производим и ничем не торгуем. Мы стараемся просто жить вместе. Каждый хочет быть своим собственным экспертом в этом вопросе, а на изучение его нужно время.

Собрание было закрыто.

Спец по продаже недвижимости из Илиума был опечален, потому что никого из тех, с кем он хотел встретиться в

Спрусфелсе, он не застал. Он стоял в бакалейной лавке Хэла Брайтона, смотрел на пустынную улицу и поигрывал авто-ручкой.

— И что — *все* уехали смотреть пожарную машину? — спросил он.

— Все будут выплачивать за нее кредит в течение двадцати лет, — сказал Эптон Битон. Он присматривал за магазинчиком Брайтона, потому что Брайтон тоже отправился оценить новую покупку.

— Через неделю перед ними откроются великие перспективы, а они катаются на пожарной машине, — горько сказал агент. Он открыл холодильник и тут же снова закрыл. — В чем дело — эта штука сломалась? Все банки теплые.

— Да нет, просто Брайтон вечно забывает его включить с тех пор, как решил устроить все, как было раньше.

— Вы сказали, что он не хочет продавать свой дом?

— Один из тех, кто не хочет, — уточнил Битон.

— А еще кто?

— Да все.

— Что?!

— Сушая правда, — кивнул Битон. — Мы решили подождать и посмотреть, как мистер Кади здесь приживется. Времени у него маловато, но сердце у него доброе, и я думаю, мы все окажем ему поддержку.

СУВЕНИР

Джо Бэйн, ленивый лысый толстяк, был ростовщиком. Лицо его казалось перекошенным влево, как у паралитика — а все оттого, что всю свою жизнь он смотрел на мир через ювелирную лупу. Одиноким и бездарным человечек, он уже давным-давно покончил бы счеты с жизнью, кабы не мог ежедневно, кроме воскресенья, упиваться единственной в мире игрой, которая давалась ему в совершенстве — покупать за гроши и продавать по баснословной цене. Джо был попросту одержим этой игрой, что и неудивительно — как еще он мог бы взять верх над ближним своим? Победа была для него важнее, чем даже прибыль от сделки. Что деньги — всего лишь способ сосчитать выигранные очки!

Когда в понедельник утром Джо Бэйн, как всегда, открыл свою лавку, небо над долиной затянули черные, набрякшие дождем тучи, и город словно придавило сырой удушливой периной. Осенний гром ворчал и кряхтел в седых от тумана горах. И вот, едва Бэйн повесил на место дождевик, зонтик и шляпу, снял галоши, зажег свет и утвердил свою массивную тушу за конторкой — в лавку вошел долговязый парень, застенчивый и смуглый, как индеец, сущее дитя природы, пришибленное городской суетой, да еще и явно без гроша в кармане... и предложил ему всего лишь за пять сотен долларов превосходнейшие часы.

— Нет, сэр, — вежливо и с достоинством ответил молодой фермер на вопрос Бэйна, — нет, я вовсе не хочу заложить эти часы. Я хочу продать их, так-то, ежели, конечно, получу приличную сумму.

Ему явно не хотелось расставаться с безделушкой, и, прежде чем выложить часы на конторку, фермер на секунду бережно накрыл их заглубевшими от нелегкого труда ладонями.

— Я-то надеялся сберечь их и оставить в наследство старшенькому... да только сейчас нам как раз до зарезу нужны деньги. Куча денег.

— Пять сотен долларов — и впрямь куча денег, — заметил Бэйн с видом добряка, слишком часто уже страдавшего за свою доброту. Он разглядывал драгоценные камушки, которыми были изукрашены часы, и изо всех старался скрыть изумление и восторг. Он вертел часы так и сяк — и электрический свет лампы ослепительно играл на гранях четырех бриллиантов, которые отмечали три, шесть, девять и двенадцать часов, угольком светился в недрах рубина в центре циферблата. Да одни только эти камни стоят вчетверо больше, чем запросил недотепа фермер!

— Ну, на такие часы у меня вряд ли будет спрос, — важно промолвил Бэйн. — Коли я оценю их в пять сотен долларов, так они, пожалуй, так и пролежат на витрине до второго пришествия.

С этими словами он окинул пристальным взглядом загорелое лицо фермера — и решил, что цену, пожалуй, удастся сбить.

— Да ведь других таких часов не сыскать во всем округе! — возразил фермер, неуклюже пробуя поторговаться.

— В том-то все и дело, — кивнул Бэйн. — Кому захочется иметь такие часы?

Самому Бэйну, например... и он уже почти считал их своими. Нажав кнопчку с боку крышки, он с наслаждением вслушивался в чистый ясный перезвон крохотных молоточков — незримый механизм послушно отбивал точное время.

— Так берете вы их или нет? — осведомился фермер.

— Ну-ну, полегче, — мягко одернул его Бэйн. — Разве такие сделки совершают очертя голову? Прежде чем купить эти часы, я должен разузнать о них побольше. — Он щелкнул задней крышкой и взгляделся в тончайшую гравировку — надпись на иностранном языке. — Здесь, к примеру, что написано?

— Я показывал это нашей местной учительнице, — отозвался молодой человек, — а она сказала только, что это вроде как по-немецки.

Бэйн наложил на надпись клочок папиросной бумаги и старательно водил по нему карандашом, пока не получилась вполне разборчивая копия. Бумажку и в придачу четвертак он отдал торчавшему на крыльце чистильщику обуви. В соседнем доме заправлял ресторанчиком чистокровный немец — вот он пускай и переведет.

Первые капли дождя прорисовали извилистые дорожки по черному от пыли стеклу. Бэйн покосился на окно и как бы невзначай проговорил:

— Полиция глаз не спускает с того, что мне приносят в залог.

Фермер густо покраснел.

— Часы мои, уж в этом можете не сомневаться! Я привез их с войны.

— Угу, понятно. Ну, а пошлину вы за них уплатили?

— Пошлину?

— Разумеется. Нельзя же ввозить в страну драгоценности, не уплатив таможенную пошлину. Это, знаете ли, уже контрабанда.

— Да я просто сунул их в вещевой мешок и привез домой! Все так делали!

Молодой фермер забеспокоился не на шутку — на что и рассчитывал Бэйн.

— Контрабанда, — повторил он сладко. — Почти то же самое, что скупка краденого... — Бэйн предостерегающе вскинул руку. — Это не значит, что я откажусь купить у вас

часы. Просто знайте, что продать их будет куда как нелегко. Если б мы с вами сошлись, скажем, на сотне долларов, я бы, может, и взялся вам помочь. Я всегда не против поддерживать наших доблестных ветеранов.

— Сотня долларов! И это все?

— Больше эти часы и не стоят, да и то я дурак-простак, ежели открыто предлагаю вам такую цену, — отозвался Бэйн. — Черт возьми, приятель, да ведь эта сотня на вас все равно что с неба свалилась! Откуда вы взяли часики — отняли у пленного немца или подобрали где-нибудь в развалинах?

— Не-ет, сэр, — покачал головой фермер, — дело было куда занятнее.

И тогда Джо Бэйн, который всегда примечал подобные мелочи, обнаружил, что его собеседник разительно изменился. Начав рассказывать историю часов, молодой фермер снова обрел ту упрямую уверенность в себе, которая покинула было его, когда он отправился в город для совершения сделки.

— Во время войны, — начал фермер, — я был военнопленным. Гнили мы с моим приятелем Ворчуном в лагере, в каких-то немецких горах — кто-то нам сказал, что они зовутся Судеты. И вот как-то утром Ворчун разбудил меня и сказал, что все кончено — ворота нараспашку и вся охрана разбежалась.

Вначале Джо Бэйн слушал его с плохо скрываемым нетерпением... но история оказалась хороша, и Бэйн, ни разу в жизни не переживший ничего, похожего на настоящее приключение, с тайной завистью представил себе двоих пленных солдат. Вот они выходят из ворот ненавистного лагеря, вот шагают по проселочной дороге, и над ними занимается ясное майское утро сорок пятого года — утро того дня, когда в Европе завершилась Вторая мировая война.

Молодой фермер, которого звали Эдди, и его закадычный приятель Ворчун вышли на свободу грязными, иссохшими от голода оборванцами — но зла за это ни на кого не держали. На войну они отправились не из ненависти, а ради славы. Теперь

война окончилась, и оба солдата мечтали только об одном — поскорее вернуться домой. Были они погодки, но внешне похожи, как две горошины из одного стручка.

Вначале они хотели только оглядеться по сторонам, а потом вернуться в лагерь и вместе с товарищами по несчастью дожидаться, когда их освободят, так сказать, официально. Этот скромный замысел развеялся, как дым, когда двое пленных канадцев пригласили приятелей отметить победу союзников бутылкой коньяка, которую они нашли в разбитом немецком грузовике.

Хмельной огонь победоносно плескался в пустых желудках, головы кружились от бескорыстной любви ко всему человечеству разом — и в таком вот виде Эдди и Ворчун непонятно как очутились в самой гуще потока немцев-беженцев, которые заполонили горное шоссе. Немцы удирали от русских танков, чей монотонный победный рокот уже слышался в долине. Танки спешили занять этот последний, беззащитный клочок немецкой земли.

— От кого мы драпаем-то? — спросил Ворчун. — Война ведь окончилась.

— Все драпают, — философски отозвался Эдди, — так что, думаю, и нам не помешает.

— Я ведь даже не знаю, где это мы, — пожаловался Ворчун.

— Канадцы говорили — в Судетах.

— Чего?

— Так зовется этот край, — пояснил Эдди. — Славные парни эти канадцы.

— Что верно, то верно! — воскликнул Ворчун. — Эх, приятель! Нынче я обожаю весь свет. Эге-гей! Мне б сейчас бутылочку того коньяку, да чтобы с соской, да завалиться с этой прелестью в постельку на неделю!..

Эдди тронул за локоть долговязого немца с коротко остриженными черными волосами, в штатском костюме явно с чужого плеча.

— Сэр, куда мы все удираем? Война-то вроде окончилась.

Немец злобно глянул на него, что-то проворчал себе под нос и грубо оттолкнул его руку.

— Он по-нашему не понимает, — заметил Эдди.

— Так поговори ты с ними по-ихнему, бога ради! — хмыкнул Ворчун. — Валяй, приятель, не стесняйся! Пошпрехай-ка вон с тем парнем.

Они как раз проходили мимо черного приземистого автомобиля с открытым верхом, намертво застрявшего на обочине шоссе. Молодой атлет с тяжелой квадратной челюстью безуспешно рылся в заглухшем моторе. На переднем кожаном сиденье восседал немец постарше. Лицо его, серое от дорожной пыли, поросшее трехдневной щетиной, почти целиком укрывала тень от низко надвинутой шляпы.

Эдди и Ворчун остановились.

— Ладно, будь по-твоему, — сказал Эдди. — Вот, слушай. *Wie geht's**? — обратился он к белокрысому атлету, одним махом исчерпав свой запас немецких слов.

— *Gut, gut***, — буркнул молодой немец и лишь сообразив, как нелепо прозвучал этот машинный ответ, с ядовитой горечью прибавил: — *Ja! Geht's gut!*

— Говорит — все нормально, — перевел Эдди.

— Здорово ты лопочешь по-ихнему! — восхитился Ворчун.

— Много ездил по свету, вот и насобачился, — скромно пояснил Эдди.

Тут пожилой немец ожил и прикрикнул на возившегося с мотором спутника — визгливо и устрашающе.

Белокрысый, похоже, и вправду устрасился. И с удвоенной энергией принялся копать в моторе.

Глаза старика, еще недавно безжизненные и тусклые, теперь горели молодым огнем. Кое-кто из проходивших мимо беженцев замедлил шаг и уставился на него.

Старик переводил злобный взгляд с одного лица на другое и уже набрал в грудь воздуху, чтобы закричать на беженцев...

---

* Как дела? (нем.) — Здесь и далее примеч. пер.

** Хорошо, хорошо (нем.).

но тут же передумал, тяжело вздохнул и сник. И закрыл лицо руками, разом потеряв всю свою воинственность.

— Чего он сказал-то? — осведомился Ворчун.

— Этого говора я не знаю, — честно ответил Эдди.

— Что, необразованный старичок попался? — хмыкнул Ворчун. — Что до меня, так я с места не сдвинусь, покуда кто-нибудь не разъяснит нам, что происходит. Парень, мы же американцы! Наши победили, верно ведь? Что же мы толчемся здесь, в компании фрицев?

— Американцы... — проговорил вдруг белобрысый — как ни странно, на приличном английском. — Теперь вам придется драться с ними.

— Ну, наконец-то хоть один лопочет по-английски! — восхитился Ворчун.

— И неплохо лопочет, надо сказать, — прибавил Эдди.

— Недурно, — согласился Ворчун, — совсем недурно. Так с кем же это нам придется драться?

— С русскими, — сообщил молодой немец, явно наслаждаясь этой мыслью. — Они и вас убьют, если поймают. Они убивают всех на своем пути.

— Болван, — сказал Ворчун, — мы же их союзники.

— Надолго ли? Бегите, ребята, бегите. — Белобрысый выругался и швырнул гаечный ключ в развороченный мотор. Затем он повернулся к старику и что-то проговорил, явно изнывая от страха.

Старик разразился потоком немецких ругательств, но очень скоро выдохся, вылез из машины и со злостью хлопнул за собой дверцу. Опасливо глянув в ту сторону, откуда доносился рокот русских танков, оба немца обреченно зашагали по дороге.

— Эй, куда это вы направились? — окликнул Эдди.

— В Прагу. Там американцы.

Ворчун и Эдди двинулись следом.

— Вся география нынче кувырком, верно, Эдди? — жизнерадостно заметил Ворчун. И тут же пошатнулся — Эдди едва успел подхватить его. — Ух, чертово поило шибануло мне в голову.

— Угу, — согласился Эдди, который и сам едва держался на ногах. — На черта нам сдалась Прага? Если ехать не на чем, пешком мы не пойдем — и точка.

— Точно! Отыщем какое-нибудь тенистое местечко и будем сидеть и ждать русских, — подхватил Ворчун. — Покажем им наши бирки — и дело с концом. А уж когда они их увидят, то закатят нам пир горой.

Он запустил пальцы за ворот и выпростал бирку.

— О да, конечно, — пробормотал белобрысый немец, который незаметно прислушивался к разговору. — Пир вам русские закатят, да еще какой!

Колонна беженцев между тем густела и замедляла шаг. И вдруг остановилась, послышались встревоженные голоса.

— Верно, впереди какая-нибудь дамочка пытается разобраться в дорожной карте, — сострил Ворчун.

Издалека донеслись крики, нараставшие, точно шум прибоя. Минуту спустя причина остановки стала ясна. Колонна беженцев столкнулась с другой — охваченные ужасом люди двигались как раз навстречу. Русские были повсюду. Два людских потока смешались посредине безымянной деревушки, закружились бессмысленным водоворотом, выплескиваясь на поля и склоны обступивших деревню гор.

— Все равно у меня в Праге нет ни одного знакомого, — объявил Ворчун и, сойдя с шоссе, прочно уселся у ворот обнесенной забором усадьбы.

Эдди последовал его примеру.

— Бог ты мой, — сказал он, — может, нам, Ворчун, остаться здесь да открыть оружейную лавку? — Взмахом руки он обвел разбросанные на траве винтовки и пистолеты. — Пулями торговать и все такое прочее.

— Да уж, — согласился Ворчун, — Европа сейчас самое подходящее место для оружейной лавки. Они здесь все просто сдвинулись на оружии.

В толпе беженцев нарастала паника, но Ворчун, не обращая на это ни малейшего внимания, впал в хмельное забытие. Эдди тоже с трудом боролся со сном.

— Ба, — донесся голос от шоссе, — да это же наши американские друзья!

Эдди вскинул голову и увидел двоих давешних немцев — белобрысого язвительного атлета и раздражительного старика. Оба деланно улыбались.

— Привет, — буркнул Эдди. Приятное возбуждение от выпивки понемногу спадало, и его начало мутить.

Молодой немец распахнул ворота усадьбы.

— Зайдем во двор? — предложил он Эдди. — Нам нужно сказать вам кое-что очень важное.

— Говорите здесь, — огрызнулся Эдди.

Белобрысый наклонился к нему.

— Мы хотим сдать вас.

— Чего?!

— Мы сдаемся, — терпеливо повторил белобрысый. — Мы ваши пленники — пленники армии Соединенных Штатов.

Эдди разразился хохотом.

— Я не шучу!

— Ворчун! — Эдди толкнул приятеля носком ботинка. — Эй, Ворчун, ты только послушай!..

— Мм-м?..

— Мы только что взяли кое-кого в плен.

Ворчун открыл глаза и, пьяно жмурясь, уставился на немцев.

— Ей-же богу, Эдди, — сказал он наконец, — ты надрался еще хуже, чем я. Пленных брать наладился!.. Дурак ты, дурак — война-то закончилась! — Ворчун великодушно махнул рукой. — Отпусти ты их с богом.

— Проведите нас через расположение русских в Прагу как пленников американской армии — и вы станете героями, — не отступал белобрысый. И, понизив голос, добавил: — Это известный немецкий генерал. Подумайте только — вы доставите своим пленного генерала!

— Он и вправду генерал? — лениво осведомился Ворчун. — Эй, папаша, хайль Гитлер!

Старик вскинул руку в четком салюте.

— Да. Есть еще порох в пороховницах, — оценил Ворчун.

— Судя по тому, что я слышал, — вмешался Эдди, — мы с Ворчуном будем, героями даже если попробуемся через расположение русских сами по себе, без какого-то там немецкого генерала.

Рокот русских танков становился все слышнее и ближе.

— Ну ладно, ладно, — торопливо сказал белобрысый. — Тогда продайте нам ваши мундиры. Бирки все равно останутся при вас, а вы возьмете нашу одежду.

— Черта с два мы на такое согласимся! — буркнул Эдди. — Верно, Ворчун?

— Погоди-ка, Эдди, — отозвался тот. — Притормози немного. Эй, вы, что дадите нам взамен?

— Зайдем во двор, — сказал белобрысый. — Здесь мы вам этого показать не можем.

— Я слышал, что в округе еще шляются наци, — сказал Ворчун. — Так что валяйте, показывайте прямо здесь.

— Ну, и кто же из нас теперь дурак? — осведомился Эдди.

— Я просто хочу, чтобы было о чем рассказывать внукам, — пояснил Ворчун.

Белобрысый атлет уже лихорадочно рылся в карманах и наконец извлек солидную пачку немецких марок.

— Этим мусором оклеишь свой сортир! — фыркнул Ворчун. — Что еще у вас есть?

И вот тогда старик вынул свои карманные часы — те самые, золотые, с четырьмя бриллиантами и рубином. И там, в гуще разношерстной толпы беженцев белобрысый немец сказал Ворчуну и Эдди, что часы достанутся им, если они зайдут во двор и сменят свои американские мундиры на немецкую штатскую одежду. Эти фрицы решили, что они купятся на такую приманку!

До чего же все это было весело! Как упоительно были они пьяны! Какую восхитительную байку расскажут они, когда вернутся домой! Ворчуну и Эдди не нужны были никакие часы. Они хотели одного — выжить и вернуться до-

мой. Выжить... а там, в гуще разношерстной толпы беженцев белобрысый немец вынул крохотный пистолетик — словно и его хотел предложить в уплату вместе с часами.

Вот только пошутить на эту тему им уже не удалось. Земля содрогнулась, и воздух изодрали в клочья раскаты оглушительного грома — это на шоссе, победоносно громяхая, выкатились бронированные советские чудища. Беженцы так и брызнули во все стороны, спасаясь от этой неумолимой гибели. Спасть удалось не всем. Тяжелые гусеницы калечили и крушили неудачников.

Ворчун, Эдди и оба немца укрылись за забором — в том самом дворе, где белобрысый предлагал приятелям обменять американские мундиры на штатскую одежду и золотые часы. И там, посреди грохота и рева бронированных колесниц Джаггернаута, когда каждый спасался как мог, белобрысый немец выстрелил в голову Ворчуну. Потом он прицелился в Эдди. Выстрелил. Промахнулся.

Видно, так и было задумано с самого начала — убить Ворчуна и Эдди. Вот только разве сумел бы старик, ни слова не знавший по-английски, сойти за американца? Да ни за что. Такое удалось бы только белобрысому. А ведь их обоих вот-вот схватят. Старiku оставалось лишь одно — покончить с собой.

Спасаясь от новых выстрелов, Эдди перемахнул через забор. Впрочем, белобрысому было уже не до него. Все, в чем он нуждался, было на Ворчуне. Когда Эдди заглянул за забор — вдруг Ворчун еще жив? — он увидел, что белобрысый торопливо сдирает с мертвеца одежду. Старик завладел пистолетом. Он сунул дуло себе в рот — и выстрелил.

Белобрысый ушел прочь — с мундиром и солдатской биркой Ворчуна. Ворчун лежал мертвый — в одном казенном белье и без бирки с его именем. На земле, между Ворчуном и стариком-самоубийцей — Эдди обнаружил золотые часы. Они шли. Они показывали точное время. Эдди поднял их и сунул в карман.

* * *

Проливной дождь за окнами ссудной лавки Джо Бэйна давно уже прекратился.

— Когда я вернулся домой, — сказал Эдди, — я написал родным Ворчуна. Написал, что он погиб в стычке с немцем, хотя война тогда уже окончилась. То же самое сказал я и армейскому начальству. Я не знал, как называлась деревушка, где погиб Ворчун, и потому никто не мог отыскать его тело и похоронить как подобает. Мне пришлось бросить его там. Кто бы ни предал его тело земле — если только он не распознал армейское белье, понятия не имел, что хоронит американца. Точно так же Ворчун мог быть и немцем. Или кем угодно.

Эдди выхватил часы из-под носа у ростовщика.

— Спасибо, что сказали мне их настоящую цену, — сказал он. — Уж лучше я сохраню их на память — как сувенир.

— Пятьсот... — пискнул Бэйн, но Эдди уже размашисто шагнул к двери.

Десять минут спустя юный чистильщик обуви принес перевод надписи на внутренней крышке часов. Вот что там было написано:

«Генералу Гейнцу Гудериану, начальнику Верховного Штаба сухопутных войск, который не успокоится до тех пор, пока последний вражеский солдат не будет изгнан со священной земли Третьего Рейха.

Адольф Гитлер».

ПЛАВАНИЕ «ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА»

Во время Великой Депрессии Нэйтан Дюран остался без крыши над головой и обрел приют только в армии Соединенных Штатов. Он провел на армейской службе семнадцать лет, и все эти годы земля для него была — местностью, горы и долины — высотами и низменностями, чистое поле — опасной зоной, где лучше не ходить в полный рост, а дома, деревья и кустарники — естественным укрытием. То была совсем не дурная жизнь, а когда Дюран уставал думать только о войне, он отыскивал себе бутылку горячительного и женщину — и наутро снова был готов жить как прежде.

Когда ему сравнялось тридцать шесть, в местности под названием Корея вражеский снаряд ударил по командному пункту, притаившемуся среди естественного укрытия в низменности — и вышвырнул прочь из палатки майора Дюрана вместе с его картами и мечтами о военной карьере.

Дюран всегда полагал, что умрет молодым, и не просто умрет, а погибнет геройской смертью. Однако он остался жив. Смерть отступила далеко-далеко, а перед Дюраном маячила теперь непривычная и пугающая череда мирных тоскливых лет.

В госпитале его сосед по палате непрестанно толковал о катере, которым обзаведется, как только выздоровеет. И по-

сколько Дюрану отчаянно хотелось обрести собственную мечту о мирной жизни, а на гражданке у него не было ни дома, ни семьи, ни друзей — он позаимствовал мечту у соседа по палате.

С глубоким шрамом поперек лица, с негнушейся ногой и без мочки правого уха он явился, хромая, на причалы Нью-Лондона — то был ближайший от госпиталя порт — и приобрел там подержанный катер. Там же, в гавани Дюран научился управлять им, окрестил (по наущению вездесущих мальчишек) свое приобретение «Веселый Роджер» и пустил-ся в пробное плавание — на остров Мартас Виньярд.

Он не пробыл на острове и одного дня — его пугали и подавляли покой и однообразие, величественная неподвижность времени, люди, вполне довольные своей жизнью. Люди, которым не о чем было говорить со старым воякой — разве что обменяться парой слов о погоде.

Дюран бежал в Четэм, на оконечность Кейп-Код, и там, у подножия маяка, повстречался с красивой женщиной. Будь он прежним, в лихом армейском мундире, заговори об опасной миссии, с которой его вот-вот отправит высокое армейское начальство — и эта женщина досталась бы ему. В прежние годы женщины относились к нему точно к балованному мальчишке, которому дозволяется съесть любое пирожное. Сейчас женщина окинула его равнодушным взглядом — и отвернулась прочь. Дюран для нее был никто и ничто. Пустое место.

Прежний лихой задор ненадолго вернулся к нему — часа на полтора-два, когда катер боролся со шквалом, налетевшим вдруг у восточного побережья Кейп-Код. Вот только смотреть на это сражение было некому. Добравшись до крытого причала в Провинстауне и сойдя на берег, Дюран снова превратился в ничтожество, неудачника, который никому и нигде не нужен, у которого все позади.

— Ну-ка, подымите голову! — скомандовал кричаще разодетый юнец с фотоаппаратом. На локте у него повисла хо-рошенькая девица.

Застигнутый врасплох, Дюран вскинул голову — и тут же щелкнул затвор фотоаппарата.

— Спасибо! — весело крикнул юнец.

— Вы художник? — спросила его спутница.

— Художник?.. — переспросил Дюран. — Да нет. Армейский офицер в отставке.

Парочка даже не пыталась скрыть свое разочарование.

— Извините, — буркнул Дюран, и на душе у него стало совсем гадко.

— Ой! — воскликнула девица. — А вон там — самые настоящие художники!

Дюран искоса глянул на троих мужчин и одну женщину — всем примерно под тридцать. Сидя на набережной, спиной к волнолому, они прилежно делали зарисовки. Женщина, загорелая брюнетка, в упор смотрела на Дюрана.

— Вы не против, если я вас нарисую? — спросила она.

— Э-э... да нет, пожалуйста... — неуклюже промямлил Дюран. Застыв в неловкой позе, он гадал, чем именно привлекла художницу его физиономия. О чем это он сейчас думал?.. Ах, да. Обед. Тесная кухонька на борту «Веселого Роджера» и яства, которые поджидают его там — четыре сморщенные сосиски, полфунта сыру и жалкие остатки пива.

— Вот, — сказала художница, — готово. Ну как?

И протянула ему рисунок.

Дюран увидел рослого, сутулого, покрытого шрамами мужчину — голодного и несчастного, точно заблудившееся дитя.

— Неужто у меня и вправду такой ужасный вид? — спросил он, выдавив натужный смешок.

— Неужто у вас и вправду такие ужасные мысли?

— Я думал насчет обеда. Обеды — гнусная штука.

— Только не там, где обедаем мы, — возразила художница. — Хотите пойти с нами?

И майор Дюран пошел с ними — с Эдом, Тедди и Лу, которые мотыльками порхали по жизни, полной забавных тайн, и с женщиной по имени Марион. Надо же — ему было

приятно оказаться в компании других людей, пусть даже таких непохожих на него... и шагал он рядом с ними весело, почти развязно.

За обедом все четверо говорили о живописи, балете и драме. Дюрану скоро осточертело притворяться, что ему это интересно — но он терпел.

— Правда, здесь вкусно кормят? — на миг отвлечшись от разговора, с равнодушной вежливостью спросила Марион.

— Угу, — согласился Дюран, — вот только креветочный соус пресноват. Сюда бы... — и осекся на полуслове. Все четверо уже вновь весело болтали о своем.

— Вы сюда недавно приехали? — спросил Тедди, перехватив неодобрительный взгляд Дюрана.

— Не приехал, — уточнил Дюран. — Приплыл. На яхте.

— На яхте!.. — восторженным хором вскричали они, и Дюран вдруг оказался в центре всеобщего внимания.

— Что у вас за яхта? — спросила Марион.

— Моторный катер, — отвечал Дюран.

Лица художников разом вытянулись.

— А-а, — проговорила Марион, — прогулочная лодка, плавучая каюта с мотором...

— Ну, знаете! — вспыхнул Дюран, борясь с искушением рассказать им о недавнем шквале. — Вовсе это не прогулка, если...

— Как зовется ваш катер? — перебил Лу.

— «Веселый Роджер», — отвечал Дюран.

Все четверо переглянулись — и, к вящему замешательству и досаде Дюрана, разразились громким хохотом.

— Бьюсь об заклад, — проговорила сквозь смех Марион, — если бы у вас была собака, вы бы назвали ее Спот.

— Вполне подходящая кличка для собаки, — буркнул Дюран, багровея.

Марион перегнулась через стол и похлопала его по руке.

— Да будет вам, ягненок, не сердитесь на нас. — Она была чертовски привлекательна и, похоже, понятия не имела, что творит ее прикосновение с отвыкшим от женской

ласки Дюраном. Как он ни злился, а поделаться с собой ничего не мог.

— Мы тут все болтаем и болтаем, а вам не даем вставить ни словечка, — продолжала она. — Чем вы занимались в армии?

Дюран опешил. Он ни словом не упомянул об армии, да и на его линялой защитной куртке не было никаких знаков отличия.

— Ну, я был в Корее, — осторожно проговорил он, — а теперь уволен вчистую из-за ранений.

Слова его произвели впечатление, и все четверо впервые посмотрели на него почтительно.

— Не хотите рассказать нам о войне? — спросил Эд.

Дюран вздохнул. Он *не хотел* рассказывать о войне Эду, Тедди и Лу, зато *очень хотел*, чтобы этот рассказ услышала Марион — пускай узнает, что и у него была своя жизнь, свой, незнакомый ей мир.

— Ну, — сказал он вслух, — кое о чем, конечно, лучше будет умолчать, а так — почему бы и не рассказать?

Он откинулся на спинку стула и закурил, прищурившись, будто вновь смотрел сквозь редкую завесу маскировочного кустарника на передовом наблюдательном посту.

— Что ж, — сказал он наконец, — мы стояли тогда на восточном побережье, и...

Дюран никогда прежде не пробовал рассказать эту историю и теперь, отчаянно стремясь говорить бойко и гладко, прибавлял к повествованию такое множество деталей, значительных и не очень, что его история в конце концов превратилась в громоздкое, неуклюжее описание войны такой, как она есть — бессмысленной кровавой сумятицы. Рассказ выходил в высшей степени реалистичный, но, увы, нисколько не занимательный.

Он говорил уже двадцать минут, а слушатели между тем прикончили кофе и десерт, выкурили по две сигареты на каждого, и официантка терпеливо торчала возле столика, ожидая оплаты счета. Багровея и злясь на себя самого, Дюран вздохнул и торопился рассказать о тысячах людей и собы-

тий, разбросанных по сорока тысячам квадратных миль Южной Кореи. Его слушали с отсутствующим видом, оживляясь лишь тогда, когда в рассказе появлялись намеки на скорое его завершение. Увы, все эти намеки неизменно оказывались ложными. Наконец, когда Марион в третий раз удержала душераздирающий зевок, Дюран поведал о снаряде, вышвырнувшем его из штабной палатки, — и смолк.

— М-да, — промямлил Тедди, — тому, кто это не видел своими глазами, трудно и представить, что такое война.

— Словами этого не передашь, — согласилась Марион и вновь похлопала Дюрана по руке. — Вы так много пережили... и так скромно об этом рассказываете.

— А, пустяки, — буркнул Дюран.

После недолгой паузы Марион встала.

— Майор, — сказала она, — это была в высшей степени занимательная беседа... и все мы желаем вам счастливого плавания на «Веселом Роджере».

На этом все и закончилось.

Вернувшись на борт «Веселого Роджера», Дюран залпом прикончил невкусное, выдохшееся пиво и сказал себе, что готов сдаться — продать катер, вернуться в госпиталь, надеть халат... и до Судного дня играть в карты и листать старые журналы.

В самом угрюмом настроении он принялся прокладывать по картам обратный курс на Нью-Лондон. И лишь тогда обнаружил, что всего в нескольких милях отсюда родной городок его приятеля, который погиб еще на Второй мировой. Какое-то мрачное совпадение было в том, что на обратном пути к бессмысленной жизни он сможет навестить этот призрак прошлого.

Дюран прибыл в городок ранним туманным утром, накануне Дня Памяти. Он и сам себе казался призраком. Он пристал к берегу так неуклюже, что старенькая пристань содрогнулась, и завязал причальный канат громоздким, поистине сухопутным узлом.

Главная улица городка была пуста, только трепетали на ветру флаги. И лишь двое случайных прохожих на ходу окинули взглядом хмурого незнакомца.

Дюран зашел на почту и обратился к деловитой пожилой даме, которая проворно сортировала письма и посылки.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я ищу семью Пефко.

— Пефко? — переспросила почтмейстерша. — Пефко? Что-то я здесь таких не припомню. Пефко... Они приезжают сюда на лето?

— Н-нет, не думаю... то есть, уверен, что нет. Может быть, они уехали отсюда.

— Ну, кабы эти Пефко здесь жили, уж я бы об этом знала. Они заходили бы за своей почтой. В нашем городке всего четыреста жителей, и я никогда не слышала ни о каких Пефко.

Тут вошла секретарша из адвокатской конторы напротив и, присев на корточки рядом с Дюраном, принялась возиться с замком почтовой ячейки.

— Энни, — окликнула почтмейстерша, — не знаешь ты в округе кого-нибудь по фамилии Пефко?

— Нет, — ответила Энни, — разве что они живут в одном из летних домиков, на дюнах. Там постоянно меняются жильцы.

Она выпрямилась, и Дюран увидел, что эта женщина хороша собой — неброская, не показная красота. Дюран, однако, был сейчас так прочно убежден в собственной ничтожности, что почти не обратил на это внимания.

— Послушайте, — сказал он, — мое имя — Дюран, майор Нэйтан Дюран, и один мой близкий друг по армейской службе был родом из этих мест. Его звали Джордж Пефко. Он сам сказал, что родом отсюда, и то же самое было записано в его бумагах.

— Ах, вот оно что, — протянула Энни. — Погодите-ка, погодите... Ну да, конечно! Теперь я вспомнила.

— Вы его знали? — быстро спросил Дюран.

— Я о нем *слышала*, — поправила Энни. — Да, я знаю, о ком вы говорите — этот парень погиб на войне.

— Я воевал вместе с ним, — сказал Дюран.

— А все-таки я не могу припомнить этого имени, — заметила почтмейстерша.

— Самого Джорджа Пефко вы можете и не помнить, — согласилась Энни, — зато наверняка помните его родных. И они действительно жили в домике на дюнах. Бог мой, как же давно это было — лет десять, а то и пятнадцать назад! Помните большое семейство, которое уговорило Пола Эдлреджа пустить их на зиму в один из его летних домиков? У них было шестеро ребятишек, если не больше. Вот это и были Пефко. Просто чудо, что они не замерзли до смерти — ведь в домике для обогрева был только камин. Глава семейства приехал сюда собирать клюкву, да так и застрял на всю зиму.

— Ну, нельзя сказать, чтобы они были родом из этих мест, — возразила почтмейстерша.

— Джордж так считал, — заметил Дюран.

— Что ж, — отозвалась Энни, — парнишка, по-моему, был вправе так думать. Эти Пефко явно нигде не заживались подолгу.

— В этом городе Джордж записался в армию, — сказал Дюран. — Может быть, поэтому он и называл ваш город своей родиной.

По той же причине сам Дюран всегда считал своей родиной Питтсбург, хотя на это звание мог претендовать еще добрый десяток городов.

— Стало быть, он из тех людей, что нашли себе пристанище в армии, — проговорила почтмейстерша. — Да, теперь и я его вспомнила — худой был парнишка, но выносливый и упорный. Его семейство никогда не получало почты, да и в церковь наведывалось нечасто — вот почему они совершенно вылетели у меня из головы. Вечные бродяги. Джордж был, кажется, ровесником твоего брата, Энни.

— Да, верно. Только я в те дни неотвязно таскалась за своим братцем, а Джордж Пефко не имел никаких дел с его компанией. Эти Пефко всегда держались на отшибе.

— Но ведь должен быть кто-нибудь, кто хорошо помнит Джорджа! — пробормотал Дюран. — Хоть кто-нибудь... — Голос его дрогнул, и он смолк. Нестерпимо больно казалось ему, что Джордж так и сгинул бесследно, не оставшись жить ни в чьих воспоминаниях.

— Я сейчас припомнила кое-что еще, — сказала Энни. — Кажется, в его честь называли площадь.

— Площадь? — переспросил Дюран.

— Ну, это не совсем площадь... просто так называется, — пояснила Энни. — Когда уроженец здешних мест погибает на войне, город называет что-нибудь его именем — перекресток, улицу и тому подобное. И ставит памятную доску с его именем. По-моему, в честь вашего друга называли тот треугольный скверик, что возле самой пристани.

— В наши дни их столько, что и не упомнишь, — пробормотала почтмейстерша.

— Не хотите посмотреть на этот скверик? — спросила Энни. — Я с охотой вам все покажу.

— То есть, памятную доску? — отозвался Дюран. — Не стоит. — Он потер руки. — Скажите лучше, где здесь поблизости имеется хороший ресторан — с баром?

— После пятнадцатого июня — на каждом шагу, — сказала почтмейстерша, — но сейчас все рестораны закрыты. В аптеке можно купить сэндвич.

— Нет, — сказал Дюран, — уж лучше я отправлюсь дальше.

— Послушайте, — вмешалась Энни, — раз уж вы все равно оказались в нашем городе, вам непременно нужно дожидаться парада.

— После семнадцати лет в армии мне только этого развлечения не хватало, — проворчал Дюран. — Какого еще парада?

— В честь Дня Памяти, — пояснила Энни.

— А я думал, День Памяти завтра.

— Дети пройдут парадом сегодня. Завтра школа закрыта. — Энни улыбнулась. — Боюсь, майор, вам так или иначе, но придется перенести еще один парад. Они уже идут.

Дюран вялой походкой вышел вслед за ней на улицу. Здесь уже был слышен оркестр, хотя сами участники парада еще не появились.

— Они идут от одного сквера к другому, — пояснила Энни. — Нам, пожалуй, стоит подождать их в скверике Джорджа.

— Как скажете, — равнодушно отозвался Дюран. — Там, по крайней мере, рукой подать до пристани, где стоит мой катер.

И они пошли вниз по улице — к пристани и «Веселому Роджеру».

— За скверами прилежно ухаживают, — заметила Энни.

— Как всегда, — отозвался Дюран, — как всегда.

— Вы спешите еще куда-нибудь?

— Я? — с горечью переспросил он. — Я? Меня никто и нигде не ждет.

— Понимаю, — опешив, пробормотала Энни. — Извините.

— Это не ваша вина.

— То есть?

— Я армейский служака — такой же, как и Джордж. Лучше бы меня пристрелили, а потом поставили памятную доску. Живой я никому не нужен.

— А вот и сквер, — негромко сказала Энни.

— Где? А... вижу.

Сквер имени Джорджа Пефко представлял собой треугольник травы шириной в десять футов, рассеченный пешеходной дорожкой. В центре его лежал плоский камень, на котором была прикреплена металлическая памятная доска — такая маленькая, что ее легко было не заметить.

— Мемориальный сквер Джорджа Пефко, — проговорил Дюран. — Бог ты мой, хотел бы я знать, что сказал бы об этом сам Джордж.

— Ему бы, наверное, понравилось, — робко предположила Энни.

— Да он бы помер со смеху.

— Не вижу, над чем здесь смеяться.

— Не над чем, конечно — если не считать того, что все это показуха. Кому нужен Джордж? Кто о нем помнит? Просто уж таков людской обычай — ставить в честь погибших памятные доски.

Оркестр был уже виден — восемь подростков, шагавших вразнобой, огибали угол с самоуверенным, гордым и нескладным шумом, который сами они считали музыкой.

Перед ними ехал городской полицейский, растолстевший от безделья, истый представитель власти — куртка, краги, пистолет, наручники, дубинка и портупея. Словно не замечая, как дымит и кашляет его мотоцикл, он с горделивым видом медленно выписывал вензеля перед шагающей колонной.

За оркестром плыло, словно само по себе, лиловое облако. Школьники несли букеты сирени. Вдоль колонны шагали учителя, строгие и суровые, точно методистские паспорты, звучали их команды.

— Сирень в этом году успела расцвести в срок, — заметила Энни. — Такое случается не всегда.

— Вот как? — безразлично отозвался Дюран.

Учитель дунул в свисток. Колонна остановилась, и Дюран вдруг обнаружил, что прямо на него шагает, высоко поднимая колени, с десятков ребятишек. Глаза их округлились от сознания важности момента, в руках лиловели охапки сирени.

Дюран посторонился.

Фальшиво пропел горн.

Ребятишки положили цветы к подножию памятной доски Мемориального сквера Джорджа Пефко.

— Правда, замечательно? — прошептала Энни.

— Угу, — ответил Дюран. — Тут и каменная статуя разрыдается. Вот только что все это значит?

— Том, — окликнула Энни мальчика, только что положившего цветы к памятной доске, — Том, зачем ты сделал это?

Мальчик с виноватым видом оглянулся.

— А что я такого сделал?

— Положил здесь цветы, — пояснила Энни.

— Скажи, что отдал дань почтения храброму воину, который отдал свою жизнь за всех нас, — шепотом подсказала учительница.

Том непонимающе глянул на нее, затем на цветы.

— Так ты знаешь, зачем это сделал? — не отступала Энни.

— Да, знаю, — наконец ответил Том. — Этот человек погиб на войне, чтобы мы жили свободными. И мы приносим ему в благодарность эти цветы, потому что это хороший поступок. — Он поднял глаза на Энни, явно удивленный, что она задала такой вопрос. — Это все знают.

Полицейский завел мотоцикл. Учителя заново строили детей в колонну. Парад двинулся дальше.

— Ну, майор, — сказала Энни, — жалеете вы о том, что увидели еще один парад?

— Это правда, — словно не слыша ее, пробормотал Дюран. — Это же так просто... так просто и так легко забывается. — Глядя вслед колонне детей, окутанной сиреневым облаком, он заново постиг всю красоту и ценность мирной жизни. — Может, я просто не знал этого... или не успел узнать. Вот ради чего ведутся войны. Ради *этого*.

Дюран громко рассмеялся.

— Эгей, Джордж, упрямый, бездомный, своенравный бродяга! — обратился он к Мемориальному скверу Джорджа Пефко. — Будь я проклят, если ты не стал самым настоящим святым!

Искорка былого задора вновь горела в его опустевшей было душе. Разве может быть ничтожеством майор Дюран, вернувшийся с войны?

— Знаете что, — сказал он, повернувшись к Энни, — давайте-ка пообедаем вместе. А потом, если захотите, прокатимся на «Веселом Роджере».

НЕВЕСТА НА ЗАКАЗ

Я работаю агентом на фирме, консультирующей по вопросам инвестиций. Уже начал сколачивать клиентуру, и считаю, что перспективы у меня очень даже неплохие. Нет, пока что еще успехи скромные. Но в целом, ничего, ведь мы только начинаем. Я торгую добрыми советами. У меня даже униформа имеется — серый костюм, фетровая шляпа с узкими полями и вмятиной посередине и темно-синий плащ. За все уже уплачено, и после того, как куплю себе еще с полдюжины белых рубашек, начну скупать акции.

У нас, консультантов по инвестициям, имеется один стандартный вопрос к клиентам. И звучит он так: «Присаживайтесь, мистер Икс. Прежде чем мы проведем анализ и дадим все необходимые рекомендации, нам бы хотелось знать, какова конечная цель вашего вклада. Доход или рост?»

Обычно вклад — это деньги, отложенные потенциальным клиентом на черный день, в форме акций или облигаций. И, задавая этот вопрос, мы пытаемся понять, заинтересован ли клиент разместить свое «золотое яичко» так, чтоб оно пошло в рост, не принося вначале значительных дивидендов, или же он хочет иного. Чтоб его вклад сохранял размеры, но приносил более чем приличные дивиденды.

Как правило, клиент хочет разбогатеть — и быстро. Но доводилось мне слышать от клиентов и самые неожидан-

ные ответы, особенно от тех, кто страдает своего рода сдвигом по фазе. В мозгах у него заело, а потому не способен воспринимать деньги абстрагированно. Когда мы спрашиваем таких типов, чего они хотят от вклада, они начинают называть разные вещи, на которые им не терпится профукать все свои денежки — на машину, к примеру, или же там путешествия. Лодку, дом, ну и так далее, в том же духе.

Когда я задал этот вопрос клиенту по имени Отто Краммбейн, тот ответил, что хочет осчастливить сразу двух женщин. Китти и Фэллолин.

Надо сказать, что этот Отто Краммбейн — самый настоящий гений. Проектировщик «кресла Краммбейна», «димодулярной» кровати, корпуса к новому гоночному автомобилю марки «Мариттима-Фраскати», а также целой линии новой кухонной утвари «Меркури».

Судя по всему, он был настолько поглощен мыслями о прекрасном, что в денежных вопросах соображал не больше цикады. Когда я продемонстрировал ему первый сертификат на акции, которые он решил вложить в одну из компаний, он тут же захотел распродать их все и немедленно — ему, видите ли, не понравился «дизайн» этого документа.

— Да какая разница, как выглядит этот самый сертификат, Отто? — оторопело заметил я. — Главное, что компания, стоящая за всем этим, надежна. Развивается и обладает приличными банковскими резервами в наличных.

— Любая компания, — нравоучительно заметил Отто, — выбравшая в качестве девиза на сертификате это чудовище, эту жирную Медузу, оседлавшую канализационную трубу и оплетенную какими-то кабелями, определенно безнравственна, вульгарна и глупа.

Когда я заполучил Отто в качестве клиента, он, надо сказать, не был в настроении сколачивать капитал путем вкладов и инвестиций. А заполучил я его через моего друга, Хэла Мерфи, который был его адвокатом.

— Впервые положил на него глаз пару дней тому назад, — сказал Хэл. — Зашел к нам, сюда, и говорит, эдак небрежно и

туманно, что ему надобно маленько помочь. — Хэл хихикнул. — Мне говорили, будто бы этот Краммбейн настоящий гений, но лично я считаю, ему самое место в цирке или в академии дураков. За последние семь лет он заработал больше двухсот тридцати пяти тысяч долларов и...

— Что означает, что он все-таки своего рода гений, — вставил я.

— И истратил все до последнего цента на разные там вечеринки, ночные клубы, дом и шмотье для жены, — сказал Хэл.

— Bravo! — воскликнул я. — Именно такой совет по инвестициям мне всегда хочется дать клиенту. Вот только платят мне совсем за другое.

— Так вот, что касается собственно инвестиций, тут у Краммбейна проблем нет, — продолжил Хэл. — А обратиться к нам за маленьким советом заставил, по его словам, звонок из Налогового управления США.

— О, о, какой ужас! — рассмеялся я. — Готов побиться об заклад, он просто забыл заполнить декларацию о доходах в наступающем году.

— А вот и не угадал, — сказал Хэл. — Этот гений ни разу и никогда не заплатил ни единого цента налогов! Можешь себе представить — ни разу! А объяснил это тем, что все ждал, когда они вышлют ему счет, но так и не дождался!.. — Хэл уже просто стонал от смеха. — Ну, вот, браток, они, наконец, до него и добрались. Нет, это надо же! Счет!

— Ну а при чем тут я? — спросил я.

— К нему все время поступали кучи денег, наличманом, хотя последнее время он просил, чтоб платили ему чеками, — сказал Хэл. — Ты позаботишься о его денежках, я же попытаюсь спасти этого чудака от тюрьмы. Я говорил ему о тебе. И он просил, чтоб ты приехал к нему домой прямо сейчас.

— А в каком банке он держит деньги? — спросил я.

— Да ни в каком, просто использует банк для обналички чеков. А последние держит вместе с бабками в плетеной корзине для бумаг, которая стоит у него под чертежным столом, — сказал Хэл. — Так что добудь эту корзину!

* * *

Дом и место работы Отто, находились в тридцати милях от города, в каких-то совершенно диких зарослях у водопада. Издали сооружение напоминало спичечный коробок, опирающийся на шпильку. Верхний этаж этого «коробка» был весь застеклен, а нижний, или «шпилька», представлял собой кирпичный цилиндр без окон.

Приехав, я обнаружил у дома, на стоянке для гостей, еще четыре машины. Очевидно, вечеринка была в самом разгаре. Я несколько раз обошел дом, пытаюсь отыскать вход, как вдруг услышал, как кто-то стучит по стеклу. Звук доносился сверху. Я поднял глаза — и, о чудо! — увидел самую красивую из женщин, какую только доводилось видеть в жизни.

Высокая и стройная, с хорошо развитой крепкой фигурой, которую плотно облегал трико в черно-белую полоску. Волосы выкрашены в серебряный цвет и слегка оттенены голубоватым. Идеальный овал бледного лица, на нем сверкают огромные зеленые глазища, оттененные дугообразными черными бровями. В ухе одна серьга — в виде эдакого варварского золотого обруча. Она делала рукой спиралеобразные движения, и тут до меня наконец дошло, что для того, чтобы попасть в дом, я должен подняться по спиралеобразной лесенке, огибающей кирпичный цилиндр.

С лестницы я перешел на узенький парапет, тянувшийся вдоль стеклянной стены. Высоченный и очень подвижный мужчина лет тридцати с хвостиком, раздвинул стеклянные панели и впустил меня в дом. На нем был нейлоновый комбинезон цвета лаванды и сандалии на босу ногу. Он явно нервничал, а глубоко посаженные глаза смотрели устало.

— Мистер Краммбейн? — осведомился я.

— Кто ж еще, по-вашему? — ответил Отто. — А вы, должно быть, тот самый маг и волшебник по части финансов? Давайте пройдем ко мне в мастерскую, там нам никто не будет мешать. А позже, — он обернулся к женщине, — ты присоединишься к нам за выпивкой.

Мастерская располагалась в самой сердцевине кирпичного цилиндра, и мы попали туда по другой винтообразной

лесенке. Окон в помещении не было. Освещение искусственное.

— Наверное, самый современный дом, какой я только видел в жизни, — заметил я.

— Современный? — вскинул брови Отто. — Да он лет на двадцать отстаёт от времени. Но это лучшее, на что было способно мое воображение. Впрочем, все остальное вокруг отстаёт лет на сто, если не больше. Вот почему все мы потеряли покой, только и знаем, что бегать по психиатрам. Разрушенные семьи, войны... Мы не научились моделировать нашу жизнь в соответствии с новыми требованиями. Жизнь то и дело вступает в противоречие со временем. Да достаточно взглянуть, как вы одеты! Эти оттенки были в моде в 1910. А сейчас на дворе 1954.

— Может, и так, — ответил я. — Но я одет в соответствии со своей главной задачей. Помогать людям управляться с деньгами.

— Вас душат традиции, — заметил Отто. — Почему бы не сказать себе: «Я хочу строить жизнь для себя, для своего времени, и собираюсь превратить ее в произведение искусства»? Ведь ваша жизнь произведением искусства не является, она напоминает третьесортную каминную полку викторианской эпохи, где попеременно свалена всякая разношерстная ерунда — старая коллекция морских раковин, резных слоников ручной работы и тому подобное.

— Согласен, — буркнул я, усаживаясь на диван длиной в добрые двадцать футов. — Но это моя жизнь, не чья-то там еще.

— Но почему бы не смоделировать свою жизнь по образу и подобию, ну, допустим, вот этого финского графина? — сказал Отто. — Чистые гармоничные формы, весь так и светится изнутри, и еще в нем живут упоительная прохлада и самая сладкая на свете истина. Как в Фэллолин.

— Как-нибудь попытаюсь, — ответил я. — Но пока что вопрос стоит для меня так: надо удержаться на плаву. А кстати, что это такое, фэллолин? Какое-нибудь новое сверхпрочное волокно?

— Моя жена, — ответил Отто. — Ее трудно не заметить.

— А, та дама в трико! — воскликнул я.

— Доводилось ли вам видеть женщину, более соответствующую окружающей ее обстановке? Женщину, казалось, специально сконструированную для современной жизни? — спросил Отто. — Редкостная вещь, доложу я вам. Меня навещали здесь самые разные знаменитые красотки, но Фэллолин единственная, кто не выглядит тут предметом мебели выпуска 1920-ых.

— И как давно вы женаты? — осведомился я.

— Как раз сейчас, наверну, отмечается ровно месяц этого благословенного Богом брака, — ответил Отто. — Медовый, так сказать, месяц, который никогда не кончится.

— Поздравляю, — сказал я. — А теперь самое время перейти к вашим финансовым проблемам...

— Только обещайте мне одну вещь, — сказал он. — Уберите это мрачное выражение лица. Я не способен работать, если меня погружают в депрессию. Любая мелочь способна вывести из себя, к примеру, ваш галстук. Он меня дико раздражает. Я не в состоянии мыслить продуктивно, глядя на этот ваш галстук. Не будете столь добры снять его, а? Ваш цвет — лимонно-желтый, а не этот, совершенно ужасный, темно-бордовый.

Примерно полчаса спустя, уже без галстука, я чувствовал себя человеком, пробирающимся через городскую свалку — среди дымящихся резиновых покрышек, ржавых пружин от кроватей и гор пустых жестянок. Ибо такова, фигурально выражаясь, была картина состояния финансовых дел Отто Краммбейна. Он не вел никаких записей, покупал все подряд, что завораживало его воображение, не считаясь с ценой. У него скопились целые горы счетов из модных магазинов города на оплату нарядов для Фэллолин. И ни цента сбережений — ни в банке на текущем счету, ни в виде страховки, ни акций или там облигаций.

— Знаете, — сказал Отто, — вы меня просто пугаете. Я не хочу в тюрьму. Я ведь не нарочно, я не имел в виду ничего дурного. Спасибо за урок, я все понял и обещаю, что сделаю так, как вы скажете. Все, что угодно! Только не ввергайте меня в депрессию!

— Если вы еще способны шутить на эту тему, — заметил я, — то уж мне тем более сам бог велел. Первое, что нам надобно сделать, это срочно спасти вас от самого себя. И этим займусь я. То есть, займусь вашими доходами. Буду выдавать вам месячное содержание, а остальные денежки постараюсь разместить самым наилучшим образом.

— Вот и отлично! — обрадовался Отто. — Люблю, когда к проблеме подходят просто и прямо, берут ее, что называется, за рога. И это высвободит мне массу времени для работы. Пришла тут во время медового месяца одна идея на миллион долларов. И, целиком полагаясь на вас, я одним махом избавляюсь от всех проблем!

— Все это так, — вставил я, — но только помните: вам придется платить налоги. В том числе и на этот миллион. Кстати, вы единственный в моей жизни человек, кому во время медового месяца пришла идея на миллион долларов. Интересно знать, что за идея? Или это секрет?

— Косметика, вырабатываемая под воздействием лунного света, — ответил Отто. — Разработанная в соответствии с законами светового излучения и цветового спектра. Женщина в этой косметике будет выглядеть наилучшим образом в свете луны. Миллионы, миллиарды долларов!

— Звучит впечатляюще, — заметил я. — Но пока что мне хотелось бы ознакомиться с вашими счетами, посмотреть, насколько глубоко вы увязли. И прикинуть, какое минимальное месячное содержание могло бы вас удовлетворить.

— Сегодня вы с нами ужинаете, — категорично заявил Отто. — Ну а потом вернемся сюда, в мастерскую, где нас никто не будет беспокоить, и решим все вопросы. Вы уж извините, но придется ужинать прямо сейчас. Потому что у нашего повара сегодня выходной.

— Что ж, с удовольствием, — сказал я. — А потом мне придется задать вам целый ряд вопросов. Их будет много, сразу предупреждаю. Ну, к примеру, сколько у вас в корзине?

Отто побледнел.

— О, так вы и о корзине знаете? — пробормотал он. — Боюсь, это нельзя трогать. Это на крайний случай.

— В смысле? — спросил я.

— Мне нужны эти деньги. Вернее, даже не мне, Фэллолин, — сказал Отто. — Может, вы все же разрешите оставить их здесь? Но обещаю, что отныне все новые поступления в чеках сразу же буду отсылать вам. Мне кажется несправедливым заставлять Фэллолин страдать из-за моих ошибок. Не заставляйте меня делать это, не отнимайте у меня самоуважения, как у мужа и молодожена!

Я уже был сыт по самое горло и раздраженно заметил:

— Да ничего я у вас не отнимаю, мистер Краммбейн! И знаете что еще? Я не хочу заниматься этой работой! Вы меня в менеджеры не нанимали, хоть я и обещал помочь своему другу, Хэлу Мерфи. Но тогда я еще не знал, в каком плачевном состоянии находятся ваши дела. Послушать вас, так получается, будто бы я собираюсь ободрать вас, как липку. Хотя на самом деле, фигурально выражаясь, вы сами себя ободрали, и ваши белые обглоданные косточки разбросаны по песку. И случилось все это по вашей же глупости, и до того, как я к вам пришел. Есть какой-нибудь потайной выход из этой силосной башни или прикажете возвращаться тем же путем, что пришел?

— Нет, нет, нет, — извиняющимся тоном забормотал Отто. — Пожалуйста, прошу вас, присядьте. Вы должны, просто обязаны мне помочь. Для меня было просто шоком узнать, насколько скверно в действительности обстоят дела. И я думал, что вы посоветуете мне бросить курить или еще что-либо в том же духе. — Он пожал плечами. — Ладно, забирайте все, что в этой корзине и извольте выдать мне содержание. — Он закрыл глаза. — Развлекать Фэллолин на

месячное содержание... да это все равно, что заправлять «мерседес» пепси-колой!..

В плетеной корзине оказалось пять тысяч долларов в чеках — отчисления владельцу патента от производителя — и примерно около двухсот долларов наличными. Пока я составлял акт приемки этих средств от Отто, дверь над головами у нас отворилась, и по пандусу грациозно спустилась Фэллолин, отныне ассоциируемая у меня в подсознании с финским графином. В руках она держала поднос с тремя мартини.

— Подумала, вам самое время промочить горлышки, — сказала она.

— А голосок! Ну, в точь хрустальные колокольчики! — восхитился Отто.

— Мне уйти? Или можно остаться? — спросила Фэллолин. — На этой вечеринке без тебя такая скучища. Отто! Я уже совершенно иссякла и не знаю, о чем говорить с гостями.

— Красота не нуждается в словах, — сказал Отто.

Я отряхнул руки от пыли. «Думаю, на сегодня пока хватит. Позже продолжу работу с новыми силами».

— Я страшная тупица в денежных вопросах, — сказала Фэллолин. — Предпочитаю, чтоб всем этим занимался Отто. Он наделен просто блестящим умом, не так ли?

— Ага, — кивнул я.

— Я уже подумывала: вот будет забавно, если мы сейчас всей толпой отправимся обедать в «Чез Армандо», — сказала Фэллолин.

Отто осторожно покосился в мою сторону.

— Мы как раз говорили о деньгах и любви, — сказал я Фэллолин. — И я позволил себе заметить, что если женщина по-настоящему любит мужчину, то ей совершенно не важно, много или мало тратит он на нее денег. Вы согласны?

Отто весь так и подался вперед в ожидании ответа.

— Где, интересно знать, вы росли и воспитывались? — сказала мне Фэллолин. — На птицеферме в Саскатчеване?

Отто тихо застонал.

Фэллолин с тревогой взглянула на мужа.

— А тут, я смотрю, не все так просто, — заметила она. — Ладно, уж и пошутить нельзя! Да что такого ужасного я сказала? Просто вопрос показался донельзя глупым. Как это можно сравнивать любовь и деньги! — Тут на лице ее возникло озабоченное выражение. — Отто, — спросила она, — ты что, разорен?

— Да, — ответил Отто.

Фэллолин пожала своими прелестными плечиками.

— Тогда пойду и скажу остальным, пусть едут в «Чез Армандо» без нас. Скажу, что мы с мужем хотим провести тихий и спокойный вечер дома. Просто ради разнообразия.

— Но ты... ты просто создана для мест, гделюдно и весело! — с горечью воскликнул Отто.

— Да я уже давно устала от всего этого, — небрежно отмахнулась Фэллолин. — Ты выводил меня куда-нибудь практически каждый вечер, еще бог знает с каких времен. Люди, чего доброго, могут подумать, что мы просто боимся оставаться друг с другом наедине.

Отто поднялся и вышел — попрощаться с гостями. Мы с Фэллолин остались сидеть на длинном диване. Совершенно сраженный ее духами и красотой я спросил:

— А вы, случайно, не из шоу-бизнеса, миссис Крамбейн?

— Порой возникает такое ощущение, что да, — ответила Фэллолин. И принялась рассматривать намазанные синим лаком ногти. — В любом случае, людям есть на что посмотреть, когда я где-нибудь появляюсь, вы согласны?

— Да, зрелище совершенно изумительное, — вежливо согласился я.

Она вздохнула.

— Да, думаю, что неплохое зрелище, — сказала она. — Ведь я придумана и сконструирована величайшим дизай-

нером в мире, отцом и создателем «ди-модулярной» кровати Краммбейна.

— Ваш муж вас смоделировал?

— А вы разве не знали? — удивилась Фэллолин. — Я тот шелковый кошелечек, что сделан из свинячьего уха. Он и за вас может взяться, если представится такая возможность. Уже вижу, он заставил вас снять галстук, да? И готова побиться об заклад, назвал ваш цвет.

— Лимонно-желтый, — вставил я.

— Всякий раз, стоит ему только увидеть человека, он начинает вносить предложения по улучшению его внешности, — сказала Фэллолин. И бесстрастным взмахом руки обвела свою роскошную фигуру. — Шаг за шагом, и человек проходит долгий путь.

— Да никаким свинячьим ухом вы никогда не были! — возмутился я.

— Еще как была! Всего лишь год тому назад, — возразила она. — Была простушкой с невыразительными каштановыми волосами, неряшливо и немодно одетой выпускницей школы секретарш. И вот счастье привалило, была направлена работать секретарем к самому великому Краммбейну!

— Любовь с первого взгляда? — осведомился я.

— Ну, с моей стороны, да, пробормотала Фэллолин. — Но для Отто то была дизайнерская проблема с первого взгляда. Некоторые вещи во мне были ему отвратительны, он был не в состоянии продуктивно мыслить, когда я находилась рядом. Ну вот, и мы стали изменять эти вещи, одну за одной. И что получилось из Китти Кейхун — до сих пор никто толком не понимает.

— Китти Кейхун? — переспросил я.

— Так звали скромную девушку-простушку, выпускницу школы секретарш. Немодно одетую и с тусклыми каштановыми волосами.

— Так значит, Фэллолин — не настоящее ваше имя? — воскликнул я.

— Тоже изобретение Краммбейна, — ответила Фэллолин. — Китти Кейхун, это имя как-то не сочеталось с декором, — она опустила голову. — Любовь... — пробормотала она. — Не надо больше задавать мне глупых вопросов о любви.

— Ну вот, все они отправились в «Чез Армандо», — заявил, вернувшись в мастерскую, Отто. И протянул мне носовой платок из желтого шелка. — Это вам, — сказал он. — Вставьте в нагрудный карман, вот так, уголком. На фоне этого темного костюма будут прекрасно смотреться желтые лесные нарциссы.

Я повиновался, и увидел в зеркале, что желтый платочек действительно придает шика, и в то же время не выглядит вызывающим. «Огромное вам спасибо, — сказал я. — Мы с вашей женой очень мило провели время за разговорами о таинственном исчезновении Китти Кейхун».

— А кто она такая и что с ней такое случилось? — с самым невинным видом осведомился Отто. — Скроил глуповато-недоуменную гримасу, и тут же понял, что переборщил. И попытался отшутиться: — Удивительный и забавный пример того, как работает человеческая мысль, не правда ли? Просто я настолько привык воспринимать тебя, как Фэллолин, дорогая! — протянул он и тут же резко сменил тему: — А теперь маэстро собирается приготовить вам роскошный ужин! — Он положил мне руку на плечо. — И я настаиваю, чтоб вы остались. Цыплята «а ля Краммбейн», молодая спаржа «а ля Краммбейн», картофель «а ля...

— Думаю, что ужин должна приготовить я, — сказала Фэллолин. — Настало время и невесте приготовить свой первый ужин для мужа.

— Даже слышать не желаю! — воскликнул Отто. — Не допущу, чтоб моя жена страдала из-за финансовой тупости мужа. Да при одной мысли об этом мне становится дурно! И потом Фэллолин на кухне просто не место, не для того она создана.

— Вот что, — сказала Фэллолин, — ужин мы приготовим вместе. — Нам будет так уютно на кухне вдвоем, верно, милый?

— Нет, нет, нет, — замотал головой Отто. — Хочу приготовить всем сюрприз. А ты останешься здесь, с Д.П. Морганом*. И ждите, пока я вас не позову. И чтоб не подглядывать!

— Я категорически отказываюсь волноваться по этому поводу, — заявил Отто, пока мы с Фэллолин убирали грязные тарелки со стола. — Когда я волнуюсь, то не могу работать. А если не смогу работать, не заработаю денег, которые помогут выпутаться из этой заварушки.

— Зато кое для кого есть все основания для беспокойства, — сказал я. — И этот человек, как вы, возможно, уже догадались, ваш покорный слуга. А потому я оставляю вас, двух влюбленных голубков, ворковать тут, в оранжерее, а сам с вашего позволения вернусь к работе.

— Половину отпущенного ему времени человек должен проводить на природе, — сказал Отто, — а вторую половину — наедине с собой. Большинство домов предоставляют ему нечто среднее, мрачное и мало занимательное. — Он ухватил меня за рукав. — Послушайте, не убегайте. Работа, как говорится, не волк, в лес не убежит. Почему бы нам не провести тихий и приятный вечерок втроем? Вы лучше узнаете нас, а прямо с завтрашнего утра приметесь за свою работу, засучив рукава!..

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал я. — Но чем быстрее я примусь за работу, тем скорее вытащу вас из этих дебрей. Да и потом негоже мешать новобрачным наслаждаться обществом друг друга в их первую ночь.

— О господи! — воскликнул Отто. — Но мы ведь уже не новобрачные!

— Нет, новобрачные, — тихо сказала Фэллолин.

---

* Морган, Джон Пирпонт (1837—1913) — американский финансист, промышленник, мультимиллионер.

— Конечно, новобрачные, — кивнул я и открыл портфель. — И вам много чего надо сказать друг другу.

— Гм, — буркнул Отто.

За чем последовало долгое и неловкое молчание, и Отто с Фэллолин, избегая смотреть друг другу в глаза, всматривались в ночь за стеклянной стеной.

— А не кажется ли Фэллолин, что она надела слишком много серег перед ужином? — язвительно спросил Отто.

— Но с одним этим кольцом в ухе я чувствовала себя какой-то неполноценной, — попыталась оправдаться та.

— Позволь судить об этом мне, — сказал Отто. — Почему, ну почему у тебя напрочь отсутствует чувство целостности композиции? Ведь она базируется вовсе не на парности элементов. Чего-то не хватает здесь, чего-то — там, и вдруг, о чудо! — возникает идеально уравновешенная комбинация!

— Главное, чтоб не опрокинулась, — заметил я, открывая дверь в мастерскую. — Желаю приятно провести время.

— Надеюсь, я не слишком расстроила тебя, Отто? — виновато спросила Фэллолин.

Я затворил за собой дверь.

Мастерская была оснащена надежной звукоизоляцией, и я не слышал ни слова из того, о чем говорили Краммбейны в свой первый вечер дома. И с головой ушел в разборку катастрофически запущенных финансовых дел.

Я позволил себе вторгнуться в их владения лишь много позже, с целым списком вопросов, которые собирался задать. И обнаружил, что наверху царит полная тишина, не считая тихих звуков музыки и шороха какой-то плотной тяжелой ткани. Фэллолин в роскошном вечернем туалете кружилась посреди комнаты в медленном ленивом танце. Отто лежал на диване и наблюдал за ней сквозь полуопущенные веки и сизые колечки сигаретного дыма.

— Показ мод? — спросил я.

— Просто решили ради забавы примерить все те вещи, которые Отто накупил мне. И которые еще не было случая

надеть, — объяснила Фэллолин. Несмотря на вечерний макияж, лицо ее казалось измученным, изнуренным. — Ну, как, нравится? — спросила она.

— Очень, — ответил я. И вывел Отто из ступора, попросив ответить на несколько вопросов.

— Может, мне лучше пойти с вами и поработать там? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответил я, — не стоит. Предпочитаю работать один, чтоб никто не мешал.

Похоже, Отто был разочарован.

— Что ж, как желаете. И не стесняйтесь, зовите меня, если вдруг возникнет какая проблема.

Примерно час спустя Отто с Фэллолин спустились в мастерскую с чашками и кофейником, полным горячего ароматного кофе. Они улыбались, но в глазах у обоих светилась тоска.

На Фэллолин было декольтированное платье синего бархата без бретелек, на белые плечи накинуто горностаевое боа. Но держалась она в нем как-то неуклюже, сутулилась и шаркала ногами. Отто избегал смотреть в ее сторону.

— О-о! Кофе! — обрадовался я. — Как раз то, что надо! Ну как, демонстрация мод закончилась?

— Просто тряпки кончились, все перемерила, — ответила Фэллолин. Разлила по чашкам кофе, сбросила туфельки и улеглась на одном конце дивана. Отто, что-то тихо ворча под нос, улегся на другом. Но миролюбивое впечатление, производимое этой сценой, было обманчиво. И Отто, и Фэллолин были явно расстроены чем-то и напряжены. Фэллолин то сжимала, то разжимала кулачки. Отто постукивал зубами, как кастаньетами.

— Вы и правда выглядите просто прелестно, Фэллолин, — заметил я. — Кстати, на вас случайно не та самая лунная косметика?

— Она, — ответила Фэллолин. — У Отто есть несколько пробных образцов, а я являюсь ходячей опытной лабораторией. Изумительная работа.

— Вот только лунного света здесь не хватает, — сказал я. — Но в целом, должен признать, эксперимент более чем успешный.

Отто сел, видимо, взбодренный этой похвалой. «Вы действительно так считаете? Весь медовый месяц мы, можно сказать, провели в свете луны, так и пришла в голову эта идея».

Фэллолин тоже села на диване — видно, напоминание о медовом месяце пробудило в ней сентиментальные чувства.

— Мне так нравилось выходить каждый вечер в разные шикарные места, — сказала она. — Но один вечер запомнился особенно. О, было просто чудесно, мы вдвоем плавали на каноэ. Это озеро и луна...

— Я просто не сводил глаз с ее губ. Они были прекрасны в лунном свете, — сказал Отто. — И...

— А я смотрела тебе в глаза, — подхватила Фэллолин.

Отто прищелкнул пальцами.

— И тут меня, что называется, осенило! Потому что с обычной косметикой в лунном свете происходят странные вещи. Совершенно не те цвета, все в голубых и зеленых тонах. В тот момент Фэллолин походила на женщину, полуутопленницу, которая только что переплыла Английский канал*.

Фэллолин размахнулась и вlepила ему пощечину.

— За что?! — взвыл Отто. На щеке осталась красная от-метина. — Ты что, вообразила, я не чувствую боли?

— А я, по-твоему, не чувствую? — взвизгнула Фэллолин. — Считаешь, меня смастерили из щепок и пластика?

Отто даже рот разинул от изумления.

— Мне надоело быть Фэллолин, и это шоу, которое никогда не кончается! — Тут вдруг голос ее упал до шепота. — Она скучна, она просто пустышка. Глупая кукла! И еще — потерянная, несчастная и не любимая женщина!..

Она выхватила у меня из кармана желтый платочек, и принялась судорожно тереть лицо — по нему тут же размазались красные, розовые, белые, голубые и черные полосы.

---

* Английский канал — принятое в Великобритании название Ла-Манша.

«Ты смоделировал ее! Она твое изобретение, и большего ты не заслуживаешь. Вот она, полюбуйся! — с этими словами она сунула испачканный красками платочек в руку Отто. И взбежала по пандусу. — Прощай!».

— Фэллолин! — крикнул вдогонку Отто.

Она остановилась в дверях.

— Мое имя Китти Кейхун Краммбейн, — сказала она. — А Фэллолин можешь забрать себе!

Отто взмахнул платочком. «Оно такое же мое, как твое, — сказал он. — Ты ведь хотела быть Фэллолин. Ты сделала все, чтоб стать Фэллолин!».

— Потому что я тебя любила, — сказала Китти и зарыдала. — Я делала это только для тебя. Все для тебя!

Отто молитвенно протянул к ней руки ладонями вверх. «Никто не безгрешен, в том числе и Краммбейн, — сказал он. — Достаточно вспомнить, какое случилось кровопролитие, когда одна американская домохозяйка неправильно воспользовалась открывалкой «Краммбейн-Вортекс», слишком близко поднесла ее к груди. Я думал, что, став Фэллолин, ты будешь счастлива, а вместо этого сделал тебя несчастной. Прости. Не важно, чем получилось в результате, но я вкладывал в работу всю свою любовь».

— Ты любил только Фэллолин, — продолжала стоять на своем Китти.

— Я любил ее образ, — сказал Отто. И после паузы нерешительно спросил: — Так ты теперь снова Китти?

— Неужели Фэллолин могла бы показаться на людях с таким лицом?

— Никогда! — согласился с женой Отто. — Должен признаться тебе, Китти, что эта Фэллолин была чертовски скучна, если не принимала какую-то особенную позу или не устраивала целое представление, появляясь на публике. И я жил в постоянном страхе. Боялся остаться с ней наедине.

— Фэллолин сама не понимала, кто она такая или что, — прорыдала Китти. — Тебя интересовала лишь форма, а не внутреннее содержание!

Отто подошел к жене и обнял ее.

— Милая, — прошептал он, — предполагалось, что Китти Кейхун останется внутри. Но она куда-то испарилась.

— Тебе вообще ничем и никогда не нравилась Китти Кейхун, — сказала Китти.

— Милая, дорогая моя женушка, — начал Отто, — есть только четыре вещи на свете, не нуждающиеся в переделке и новом дизайне. И одна из них — светлая душа Китти Кейхун. А я уж было испугался, что потерял ее навеки.

Она обняла его, несколько неуверенно.

— Ну а другие три? — спросила она.

— Яйцо, — ответил Отто. — Затем модель «Форда-Т». Ну и, разумеется, внешний облик Фэллолин. — Кстати, почему бы тебе не освежить личико, не надеть то изумительное лавандовое неглиже, что я недавно тебе подарил, не вставить за ушко белую розу, пока я буду заниматься здесь делами с этой акулой с Уолл-стрит?

— О, дорогой, — протянула она. — Снова начинаю чувствовать себя Фэллолин.

— Не надо этого бояться, — сказал Отто. — Просто напхни себе лишний раз, что Китти не оставила тебя и сверкает во всем своем великолепии.

И она ушла, так и сияя от счастья.

— А я все закончил, — сказал я. — И думаю, вам сейчас хочется побыть с женой наедине.

— Честно говоря, да, очень, — ответил Отто.

— Собираюсь завтра же открыть на ваше имя счет и ячейку в банке-депозитарии, — сказал я.

На что Отто заметил:

— Какая скука! А впрочем, каждому свое. Что ж, радуйтесь и наслаждайтесь.

ВТОРОКУРСНИК С АМБИЦИЯМИ

Джордж М. Гельмгольтц, глава музыкального отделения и дирижер духового оркестра при колледже Линкольна, был милейшим, добрейшим, толстеньким человечком, который не видел зла, не ведал зла, не слышал зла и никогда не говорил о зле. Потому что, где бы он ни был и куда ни направился, в душе, сердце и ушах у него постоянно стоял шум, звон и рев оркестра, реальный или воображаемый. И там просто не оставалось места для чего-либо другого, вследствие чего оркестр под названием «Десять в квадрате» при колледже Линкольна, который он возглавлял, был ничем не хуже, а может, даже лучше любого другого духового оркестра в мире.

Порой, слыша приглушенные и сложные пассажи, опять же реальные или воображаемые, Гельмгольтц задавался вопросом: прилично ли чувствовать себя счастливым в столь трудные времена. Но когда «медь»* и ударные инструменты вдруг заводили грустный мотив, мистер Гельмгольтц приходил к заключению, что ощущение этого счастья и его источник могут только тогда быть полными и богатыми и вселять надежду, если их разделяют и другие люди.

Гельмгольтц частенько производил впечатление человека мечтательного и несколько не от мира сего, но был у

Ambitions Sophomore

© Перевод. Н. Рейн, 2010.

* «Медь» (муз. сленг) — духовые инструменты.

него один пункт, где он проявлял поистине носорожьей твердость и упрямство. А проявлял он их всякий раз, когда речь заходила о сборе средств для оркестра, за что его неустанно критиковали школьный совет, Ассоциация учителей и родителей, Ассоциацией бизнесменов города, Международная организация «клубов на службе общества», а также «Ротари» и «Лаэнс» клубы — словом, во всех тех местах, куда он обращался за материальной помощью. Обращался в надежде и заблуждении, что доброта и богатство всегда идут рука об руку. В пылких речах взывал он к любой аудитории, могущей, по его мнению, дать денег. Он вспоминал черные дни студенческой футбольной команды, дни, когда трибуны с болельщиками «линкольнцев» были погружены в стыдливое молчание, оскорблены и пристыжены сверх всякой меры.

— Перерыв между таймами, — с горечью бормотал он, потупив глаза.

Затем вдруг выдергивал из кармана судейский свисток, подносил к губам и издавал пронзительный свист.

— А теперь выступает духовой оркестр колледжа имени Линкольна! — провозглашал он. — Полный вперед! Бум! Та-та-та-таааа! — Гельмгольтц пел, приплясывал на месте, превращался то в знаменосца, то в барабанщика, то в трубача, поочередно становился то каким-нибудь деревянным духовым инструментом, то металлофоном и так далее. Ко времени, когда он заканчивал маршировать по воображаемому футбольному полю, ведя за собой воображаемый оркестр, слушатели заводились сверх всякой меры, вытирали выступившие на глазах слезы и были готовы купить для оркестра все, что только ни потребуется.

Однако, вне зависимости от того, сколько поступало денег, оркестр постоянно сидел без средств. Когда дело доходило до закупки инструментов, Гельмгольтц превращался в настоящего транжира и мота. И соперничавшие с ним руководители других оркестров дали ему два прозвища: Азартный Игрок и Бриллиантовый Джим.

В число многочисленных и разнообразных обязанностей Стюарта Хейли, помощника директора колледжа Линкольна, входил также контроль над средствами оркестра. И когда ему предстояло провести с Гельмгольтцем очередной разговор на тему финансов, он в буквальном и фигуральном смысле старался загнать дирижера в угол, чтоб тот не мог маршировать и размахивать руками.

Гельмгольтц это знал. Вот и на этот раз, когда Хейли возник в дверях его крохотного офиса, размахивая счетом на девяносто пять долларов, почувствовал, что оказался в ловушке. Вслед за Хейли в комнату вошел мальчик-посыльный из ателье с коробкой под мышкой. В коробке находился сшитый на заказ костюм. Хейли плотно затворил за собой дверь, а Гельмгольтцу лишь ниже склонился над письменным столом с притворным видом крайнего сосредоточения.

— Гельмгольтц, — завел свою песню Хейли, — здесь у меня оказался совершенно неожиданный и абсолютно ничем не оправданный счет на...

— Тс!.. — зашипел на него Гельмгольтц. — Подождите секундочку, я сейчас. — И начал вычерчивать на диаграмме, и без того густо испещренной линиями, еще одну, пунктирную. — Как раз вношу завершающий штрих в девиз в честь празднования Дня матери. Хочу сделать его в форме стрелы, пронзающей сердце. А на стреле будет надпись: «Мамочка». Это, знаете ли, не так-то просто.

— Все это, конечно, очень мило, — заметил Хейли, продолжая потрясать счетом, — и я, как и вы, тоже очень люблю наших матерей, но вы своей стрелой пробили брешь в общественной казне размером ровно в девяносто пять долларов!

Гельмгольтц по-прежнему не поднимал на него глаз.

— Как раз собирался сказать вам об этом, — тихо сказал он, начав вычерчивать еще одну линию, — но все это связано с подготовкой к музыкальному фестивалю штата и Дню матери. А потому считаю все остальное не важным, а все расходы — оправданными. Это сейчас у нас на первом месте.

— Ничего себе, не важным! — возмутился Хейли. — Вы просто загипнотизировали нашу общественность. Заставили купить сто новых форменных костюмов для оркестра из ста человек, и вот теперь...

— Что теперь? — с самым невинным видом осведомился Гельмгольтц.

— Этот мальчик приносит мне счет на сто первый! — воскликнул Хейли. — Вам только палец дай, так вы всю руку...

Тут в дверь постучали, и Хейли умолк.

— Войдите, — сказал Гельмгольтц.

Дверь отворилась, на пороге стоял Лерой Дагган, робкий и смешной чудак, хилый второкурсник с покатыми плечами. Лерой был настолько застенчив, что когда кто-то пристально и слишком долго на него смотрел, начинал исполнять некий странный танец, прикрываясь футляром с флейтой и портфелем.

— Входи, Лерой, входи, — сказал Гельмгольтц.

— Нет, подождите за дверью, Лерой, — сказал Хейли. — Потому как дело у меня срочное.

Лерой робко отступил задом наперед, бормоча слова извинения, и Хейли затворил за ним дверь.

— Для музыкантов дверь моя всегда открыта, — заметил Гельмгольтц.

— Так оно и будет, — сказал Хейли, — как только проявится загадочная история со сто первым костюмом.

— Честно сказать, я весьма удивлен и даже обижен этим недоверием со стороны администрации, — заметил Гельмгольтц. — Руководить выдающимся коллективом из ста высокоодаренных молодых людей, задача, если вдуматься, далеко не простая.

— Простая! — фыркнул Хейли. — Кто говорит, что простая? Все уже давно поняли, что это самое запутанное, непонятное и дорогостоящее мероприятие во всей школьной системе. Вот вы только что сказали, сто молодых людей. А посыльный принес сто первый костюм! Как прикажете это

понимать? Или у духового оркестра «Десять в квадрате», у этого большого и непонятного животного, вдруг отрос хвостик?

— Нет, — ответил Гельмгольтц. — Он по-прежнему насчитывает ровно сто человек, хотя, конечно, мне хотелось бы, чтоб их было больше, гораздо больше. К примеру, я все время пытаюсь прикинуть, как исполнить «Мать Уистлера» составом в сто человек, и вижу, понимаю, что это просто невозможно. — Он нахмурился. — Вот если объединиться с клубом «Поющие девушки», тогда, пожалуй, может получиться. Вы человек умный, образованный, с отменным вкусом. Может, подкинете несколько идей на тему того, как лучше провести этот фестиваль в честь Дня матери?

Хейли потерял терпение.

— Нечего мне зубы заговаривать, Гельмгольтц! Зачем вам еще один костюм?

— Да затем, чтоб упрочить славу колледжа Линкольна! — рявкнул в ответ Гельмгольтц. — Чтобы укрепить наши позиции и навеки сохранить за собой приз фестиваля! — Тут вдруг голос его упал до шепота, и он, покосившись в сторону двери, продолжил: — А в частности, для Лероя Даггана, возможно, самого выдающегося флейтиста нашего полушария! И давайте говорить потише, потому что нельзя обсуждать этот костюм, не обсуждая при том же Лероя.

И они заговорили напряженным свистящим шепотом.

— А почему это вашему Лерою понадобилось шить костюм на заказ? Почему он не может одеть один из тех, что уже имеются? — спросил Хейли.

— Да потому, что фигура у него не стандартная, в форме колокольчика, — ответил Гельмгольтц. — И ни один из тех костюмов, что есть в наличии, ему не подходит. Все сидят плохо.

— Но здесь вам не театр на Бродвее, а колледж! — взорвался Хейли. — И у нас есть студенты с фигурами, напоминающими не только колокольчик, но и телеграфные столбы, хлопушки, есть парни с фигурами шимпанзе и сложен-

ные, как греческие боги. Ничего страшного, костюм можно подшить, как-нибудь приспособить по фигуре.

— Мои долг и обязанность, — понимаясь из-за стола, начал Гельмгольтц, — состоят в том, чтоб выжать максимум музыкальных возможностей из любого оркестранта, который ко мне поступает. И если фигура мешает мальчику выжать музыку, которую он способен выдать, тогда мой долг придать его фигуре форму, позволяющую играть, как ангел. Так было и так будет, на том стоим. — С этими словами он опустился обратно в кресло. — И если я не буду за это бороться, тогда, значит, просто не подхожу для этой работы.

— Что ж, выходит, надев специально пошитый для него костюм, Лерой будет играть лучше? — с иронией спросил Хейли.

— На репетициях, когда рядом никого, кроме его коллег, музыкантов, — ответил Гельмгольтц, — Лерой играет столь блестяще и с таким чувством, что можно зарыдать или потерять сознание. Но когда Лерой марширует по полю, где на него устремлены глаза тысяч посторонних, в особенности — девушек, он выбивается из ритма, начинает идти не в ногу, спотыкаться, запинаться. И не в состоянии сыграть даже «Плыви, плыви, моя лодочка»! — Гельмгольтц стукнул кулаком по столу. — А этого не должно случиться на музыкальном фестивале штата! Я не допущу!

Счет, зажатый в ладони Хейли, был уже весь измят и отсырел от пота. «И все равно, — заметил он, — мои претензии к вам остаются в силе. — Сколько чугунок не три, а золотым не станет. На счету у вашего оркестра осталось ровно семьдесят пять долларов, и у колледжа нет абсолютно никаких возможностей добавить недостающие двадцать, абсолютно никаких.

Он обернулся к мальчику-посыльному:

— Так и передай своему хозяину, именно такими словами, — сказал он.

— А мистер Корнблюм говорит, что он и без того потерял на этом кучу денег, — заметил мальчик. — Он говорит,

что мистер Гельмгольтц лично приходил к нему и уболтал, и прежде, чем мой хозяин...

— Ни о чем не беспокойся, — перебил его Гельмгольтц.

Достал из кармана чековую книжку и с улыбкой и самым довольным выражением лица выписал чек на двадцать долларов.

Хейли побледнел, лицо его обрело пепельный оттенок.

— Весьма сожалею, что все так обернулось, — заметил он.

Гельмгольтц проигнорировал эту его ремарку. Взял пакет из рук посыльного и позвал Лероя:

— А ну-ка, зайди, пожалуйста!

Лерой вошел — медленно, шаркая ногами, проделывая свои знаменитые манипуляции футляром для флейты и портфелем, невнятно бормоча извинения.

— Просто подумал, тебе захочется примерить новый костюм для выступления на музыкальном фестивале, Лерой, — сказал Гельмгольтц.

— Не думаю, что буду от этого лучше маршировать, — сказал Лерой. — Растеряюсь и испорчу все выступление.

Гельмгольтц с торжественным видом развернул бумагу и приподнял крышку коробки.

— Это особый костюм, специально для тебя, Лерой.

— Всякий раз, когда вижу один из этих ваших костюмов, — заметил Хейли, — на ум почему-то приходят бродяжки из «Шоколадного солдатика». Это костюм, достойный звезд эстрады или мюзикла, а у вас целая сотня таких костюмов, вернее — сто один.

Гельмгольтц помог Лерою снять пиджак. Лерой робко застыл посреди комнаты — нескладный парнишка в рубашке с короткими рукавами, лишенный футляра для флейты и портфеля, страшно комичный, но не видящий ничего комичного или смешного в том, что фигура у него напоминает по форме колокольчик.

Гельмгольтц накинул новый пиджак на узкие плечи паренька. Потом застегнул его на блестящие медные пуговицы и вспушил золотую тесьму эполет: «Ну вот, Лерой».

— Полный отпад! — воскликнул мальчик-посыльный. — Нет, ей богу, полный отпад!

Лерой переводил взгляд с одного широченного плеча на другое, затем опустил глаза и стал разглядывать резко зауженные книзу брюки.

— Ну, вылитый Роки Марчиано, — заметил Хейли.

— Давай, пройдишь немного по комнате и по коридорам, Лерой, — сказал Гельмгольтц. — С костюмом надо освоиться, привыкнуть его носить.

Лерой неловко прошел в дверь, цепляясь эполетами за косяк.

— Да боком, боком — крикнул вдогонку Гельмгольтц. — Ты должен научиться проходить в дверь боком.

— Лишь десять процентов того, что скрыто под этим костюмом, являются Лероем, — заметил Хейли, когда Лерой отошел достаточно далеко и не мог их слышать.

— Это и есть Лерой с головы до пят, — возразил ему Гельмгольтц. — Погодите, сами увидите, что начнется на площади во время фестиваля, когда мы подойдем к трибунам и Лерой заиграет на своей флейте!

Лерой возвратился в офис. Вошел он, маршируя, высоко поднимая колени. Затем замер, вытянулся в струнку и прищелкнул каблуками. Подбородок высоко поднят, грудь гордо вздымается при каждом вдохе.

— Хорошо, теперь можешь снять, Лерой, — сказал юноше Гельмгольтц. — Если тебе по-прежнему не хочется пройти маршем на фестивале, так и скажи. И забудем обо всем этом. — И он потянулся через стол, и стал расстегивать медные пуговицы.

Тут рука Лероя взметнулась вверх, защищая оставшиеся застегнутыми пуговицы.

— Пожалуйста, не надо! — взмолился он. — Думаю, что все же смогу пройти по площади маршем.

— Это можно устроить, — сказал Гемгольтц. — Я пользуюсь определенным влиянием в том, что касается оркестровых дел.

Лерой застегнул одну пуговицу.

— Класс! — прошептал он. — Я прошел мимо спортивного зала. И, завидев меня, тренер Йоргенсон вылетел отсюда пулей.

— И что же сказал этот молчаливый швед? — спросил Гельмгольтц.

— Сказал, что только в колледже с отличным духовым оркестром флейтист может быть сложен, как локомотив, — ответил Лерой. — И его секретарша тоже вышла. И тоже смотрела на меня.

— Ну и как понравился мисс Бирден твой костюмчик? — спросил Гельмгольтц.

— Не знаю, — ответил Лерой, — она ничего не сказала. Просто все смотрела и смотрела.

Позже тем же днем Джордж М. Гельмгольтц появился в кабинете у Гарольда Крейна, главы английского отделения колледжа. В руках у Гельмгольтца была тяжелая позолоченная рама для картины, и выглядел он смущенным.

— Не знаю, как и начать, — сказал Гельмгольтц. — Просто подумал... подумал, может, вы купите у меня эту раму для картины?.. — И он завертел рамой, показывая ее то с одной, то с другой стороны. — Неплохая вещица, верно?

— Да, пожалуй, — согласился Крейн. — Часто любовался ей в вашем кабинете. А в раму, если не ошибаюсь, был заключен портрет Джона Филипа Сузы*, я прав?

Гельмгольтц кивнул.

— Просто подумал, может, вы захотите вставить в раму того, кем был для меня Джон Филип Суза. Ну, скажем там, Шекспира или Эдгара Райса Берроуза**...

— Что ж, было бы неплохо, — заметил Крейн. — Но, честно говоря, не испытываю в этом такой уж острой необходимости.

---

* Суза, Джон Филип (1854—1932) — американский композитор и дирижер, автор 136 маршей, в том числе «Звездно-полосатый навсегда», его называли Королем маршей.

** Берроуз, Эдгар Райс (1875—1950) — американский писатель. Автор многочисленных приключенческих и фантастических романов.

— Она стоит тридцать девять долларов. Вам отдаю за двадцать, — сказал Гельмгольтц.

— Послушайте, — начал Крейн, — если вы попали в затруднительное материальное положение, могу ссудить вам...

— О нет, нет! — воскликнул Гельмгольтц и вскинул руку. Лицо его исказил страх. — Стоит мне начать жить взаймы, и одному богу известно, чем все это может закончиться!

Крейн покачал головой.

— Рама хорошая, даже, можно сказать, отличная рама. И цена приемлемая. Но сколь это ни прискорбно, я в данный момент приобрести ее просто не в состоянии. Сегодня днем мне предстоит купить новую покрывку за двадцать три доллара и...

— Размер? — осведомился Гельмгольтц.

— Размер? — переспросил Крейн. — Ну, шесть на семьдесят, и пятнадцать. А что?

— Продам вам одну за двадцать долларов, — сказал Гельмгольтц. — Новехонькая.

— Но где вы достанете эту покрывку? — спросил Крейн.

— Просто рука судьбы, — ответил Гельмгольтц. — У меня как раз имеется лишняя, нужного вам размера.

— Надеюсь, вы не запаску имеете в виду? — осторожно спросил Крейн.

— Ее, — ответил Гельмгольтц. — Но не волнуйтесь, она мне не понадобится. Я очень осторожно вожу машину, а буду еще осторожнее. Пожалуйста, прошу вас, купите у меня! Деньги нужны не мне. Это все для оркестра.

— Это ясно, для чего ж еще... — беспомощно произнес Крейн.

И извлек из кармана бумажник.

Гельмгольтц вернулся к себе в кабинет, и как раз занимался тем, что вставлял портрет Джона Филипа Сузы обратно в раму, как вдруг дверь отворилась и, насвистывая какую-то мелодию, вошел Лерой. На нем по-прежнему красовался пиджак с широкими плечами и золотыми эполетами.

— Ты все еще здесь, Лерой? — рассеянно спросил Гемгольц. — Я уж думал, ты давно ушел домой.

— Просто никак не мог заставить себя снять эту вещицу, — сказал Лерой. — Придумал с ней нечто вроде эксперимента.

— Вот как?

— Несколько раз прошагал в этом наряде по коридору, мимо целой толпы девочек, — сказал Лерой. — И насвистывал при этом партию флейты из «Звездно-полосатый навсегда».

— Ну и?.. — спросил Гельмгольц.

— И знаете, ни разу не споткнулся и даже не сфальшивил, — радостно заявил Лерой.

На главной улице города движение было перекрыто на целых восемь кварталов, тротуары и мостовые, огражденные флажками, чисто подметены — все для того, чтоб по ним могли пройти сливки молодежи, гордость штата, оркестры всех его колледжей. В конце этого пути марширующие должны были попасть на огромную площадь с трибунами для зрителей. А пока что оркестры расположились в узких улочках и переулках, и ждали сигнала к выступлению.

Оркестр, который, по мнению судей, смотрится и играет лучше всех, должен был получить главный приз, пожертвованный ради такого дела торговой палатой. Призу было два года, и на нем было выгравировано название колледжа Линкольна — как победившего дважды.

Затаившиеся в боковых улочках и проходах двадцать пять руководителей других оркестров готовили свое тайное оружие в надежде, что оно помешает «линкольнцам» выиграть в третий раз — разные там спецэффекты с использованием сверкающей пудры, светящихся жезлов и дирижерских палочек, хорошеньких девушек в ковбойских костюмах и минимум одной трехдюймовой пушки. Но над всеми ними темным облаком нависло предвкушение поражения — достаточно было одного взгляда на яркие плюмажи и стройные ряды оркестрантов колледжа Линкольна.

Неподалеку от этих благодушных и самодовольных рядов прохаживался Стюарт Хейли, помощник директора. Здесь же находился и Джордж М. Гельмгольтц, дирижер и руководитель оркестра, одетый, по определению Хейли, в нечто напоминающее униформу адмирала тыловой службы болгарской армии.

«Линкольнцы» делили узкий проход между глухими фасадами зданий с тремя другими оркестрами, и взвизги и рывканье настраиваемых инструментов гулким эхом отражались от каменных стен.

Одолжив у Хейли зажигалку, Гельмгольтц поджигал ей куски трута и раздавал каждому четвертому оркестранту, у которого торчала из-за пояса прямая и короткая цилиндрическая трубка хлопушки.

— Сначала поступит команда «Готовься!», — объяснял своим подопечным Гельмгольтц. — И ровно через десять секунд — «Поджигай!». И как только левая ваша нога ступит на землю, поднесете трут к фитилю, что торчит из конца хлопушки. А вы, все остальные, слушайте внимательно! Как только подойдете к трибунам, вы должны перестать играть, точно в сердце вам ударила пуля. И тут Лерой...

Гельмгольтц чуть шею не вывихнул, пытаясь увидеть, где же Лерой. И тут взгляд его упал на тамбурмажора из оркестра соперников, просто жалкого оборванца по сравнению с разодетыми, как павлины, оркестрантами из колледжа Линкольна. Тот ловил каждое его слово.

— Чем могу помочь? — холодно осведомился Гельмгольтц.

— У вас тут что, съезд гостиничных швейцаров? — насмешливо спросил тамбурмажор.

Гельмгольтц даже не улыбнулся.

— Ступайте к своим, окажете мне тем самым большую любезность, — сурово заметил он. — Вам явно недостает репетиций и элегантности, а времени до выступления осталось всего ничего.

Тамбурмажор отошел к своим, насмешливо улыбаясь и дерзко вертя в пальцах барабанную палочку.

— Кто скажет мне, куда подевался Лерой? — громко спросил Гельмгольтц. — Как только надел новую форму, так начались проблемы с дисциплиной. Стал просто неузнаваем.

— Вы имеете в виду Болтуна Даггана? — спросил Хейли. И указал на широкую спину Лероя, мелькнувшую в толпе музыкантов-соперников. Лерой оживленно беседовал о чем-то с коллегой-флейтистом, оказавшимся при более пристальном рассмотрении прехорошенькой девушкой с выбивающимися из-под шапочки золотистыми кудряшками. — Вы хотите сказать, где наш Казанова Дагган? — добавил Хейли.

— Все завязано исключительно на нем, — сказал Гельмгольтц. — Если с Лероем что-то, не дай бог, случится, мы можем рассчитывать лишь на второе место, да и то если очень повезет... Лерой!

Лерой не обратил на этот призыв ни малейшего внимания.

Лерой был слишком поглощен беседой, чтоб слышать Гельмгольтца. Он был слишком занят, чтоб видеть, что наглый тамбурмажор, только что обозвавший оркестр Гельмгольтца «съездом швейцаров», теперь с нескрываемым любопытством рассматривает его широкую спину.

Затем тамбурмажор слегка подцепил золотую эполету на плече Лероя резиновым кончиком своей барабанной палочки. Лерой не заметил, или сделал вид, что не замечает этого. Тогда тамбурмажор опустил руку на плечо Лероя, и на добрые несколько дюймов вонзил пальцы в пышную золотую эполету. Лерой, как ни в чем не бывало, продолжал разговаривать с девушкой.

Вокруг них уже начали скапливаться любопытные, и тамбурмажор несколько раз потыкал Лероя палочкой в плечо, словно обводя эполету, затем перевел ее чуть ниже, к середине, стараясь отыскать точку, где кончается накладное плечо и начинается собственно Лерой.

И вот наконец отыскал, наконец, плоть, и Лерой удивленно обернулся.

— В чем дело? — спросил он.

— Просто пытаюсь убедиться, что с набивкой у вас все в порядке, генерал, — насмешливо ответил тамбурмажор. — Нашупал дырочку, и скоро все мы по колено утонем в опилках, которые оттуда посыпятся.

Лерой покраснел.

— Не понимаю, о чем это вы, — сказал он.

— Попроси-ка своего нового дружка снять жакетик, чтоб все мы узрели его мощную мускулатуру, — сказал тамбурмажор девушке-флейтистке. И начал напирать на Лероя. — А ну, давай снимай!

— А ты попробуй, заставь! — огрызнулся Лерой.

— Перестаньте, ребята, все нормально, все в порядке, — сказал Гельмгольтц и встал между ними.

— Думаешь, не смогу? — огрызнулся тамбурмажор.

Лерой судорожно сглотнул слюну и после долгой паузы ответил:

— Знаю, что не сможешь.

Тамбурмажор оттолкнул Гельмгольтца и схватил Лероя за плечи. Одна эполета оторвалась тут же, затем в сторону отлетел витой золоченый шнур, затем — пояс. Дождем посыпались медные пуговицы, из прорехи показалась нижняя рубашка.

— А теперь, — сказал тамбурмажор, — мы просто отстегиваем вот это и...

Лерой взорвался. Ударил тамбурмажора прямо в нос, одним рывком сорвал с него пуговицы, медали и золотое шитье, потом резко пнул под дых и выхватил из его рук барабанную палочку — с явным намерением отлупить своего обидчика чуть ли не до смерти.

— Лерой! Прекрати! — отчаянно завопил Гельмгольтц. И отнял у Лероя палочку. — Ты только посмотри на себя! Посмотри, во что превратился твой костюм! Боже, все погибло, все безнадежно испорчено!.. — Дрожа с головы до пят, он ощупывал дырки, торчащие в разные стороны нитки от пуговиц, съехавшие набок накладные плечи. Потом с

безнадежным видом вскинул руки вверх. — Все кончено. Мы сдаемся. Колледж Линкольна признает свое поражение.

Лерой смотрел на него бешено расширенными глазами. — А мне плевать! — крикнул он. — Я даже рад, да!

Гельмгольтц подозвал одного из оркестрантов и протянул ему ключи от машины.

— Там, на заднем сиденье, запасной костюм, — пробормотал он. — Тащи его сюда, живо! Для Лероя.

Оркестр колледжа Линкольна под названием «Десять в квадрате» красивым строем промаршировал по улице, направляясь к площади, где возле трибун развевались яркие знамена. Джордж М. Гельмгольтц бодро улыбался, маршируя с края, рядом с обочиной, не отставая от подопечных. Но при этом чувствовал себя вконец опустошенным, отчаяние и страх переполняли, казалось, все его существо. Одним ударом жестокая Судьба лишила его всякой надежды на выигрыш приза, ничего подобного по нелепости в истории оркестра еще не случалось.

Он был просто не в силах взглянуть на молодого человека, на которого поставил все. Он и без того с удивительной ясностью представлял, как выглядит сейчас Лерой — тащится, ссутулясь, неряшливый и ободранный, утонув в бесформенном костюме, нелепый комок нервов и дорогостоящей ткани. Во время прохождения оркестра мимо трибун Лерой должен был играть один. Однако, по мнению Гельмгольтца, сейчас Лерой был не только не способен играть, но и вспомнить свое имя не смог бы.

Впереди показалась цепочка меловых отметин, которые Гельмгольтц сделал у обочины с раннего утра, они показывали оставшееся до трибун расстояние.

Проходя мимо первой отметины, Гемгольтц свистнул в свисток, и оркестр грянул «Звездно-полосатый навсегда» — громко, гордо. Казалось, от этих звуков замирает сердце, а кровь быстрее бежит по жилам. Эти звуки заставили толпу привстать на цыпочки, а щеки — зацвести румянцем, точно

розы. Судьи так и подались вперед, даже перегнулись через барьер, в предвкушении невиданного и неслыханного великолепия.

Гельмгольтц достиг второй отметки.

— Готовься! — крикнул он. И через секунду выдал вторую команду: — Поджигай!

И улыбнулся стеклянной улыбкой. Еще через пять секунд оркестр поравняется с трибунами, музыка смолкнет, из хлопушек устремятся в небо маленькие звездно-полосатые американские флажки. И тут настанет черед Лероя, и он исполнит свою патетичную партию на флейте, если, конечно, вообще сможет поднести эту самую флейту к губам.

Музыка смолкла. Хлопушки грохнули, вверх взмыли разноцветные парашютики. Оркестр колледжа Линкольна под названием «Десять в квадрате» проходил мимо трибун стройными рядами, сверкая медью, с высоко поднятыми головами, на которых колыхались плюмажи.

Гельмгольтц едва не заплакал, когда американские флажки, прикрепленные к парашютикам, повисли в небе. И среди этого взрыва, среди всего этого торжества, алмазными трелями рассыпалась флейта, исполняющая шедевр Сузы. Лерой! Лерой!..

Оркестры выстроились против трибун. Джордж М. Гельмгольтц занял место перед своими воспитанниками, рядом со знаменем колледжа Линкольна, где на алом фоне красовалась огромная черная пантера. О, славный, незабываемый момент!..

Когда его вызвали получать приз, он бодро пересек широкую площадь под звуки мелкой барабанной дробы и призывного пения флейты. А когда шел назад, стараясь не сгибаться под тридцатифунтовой тяжестью бронзы и орехового дерева, из которых был сделан приз, его оркестр заиграл «Сегодня зарыдают все Линкольна враги», слова и музыка Джорджа М. Гельмгольца.

Когда наконец парад закончился, помощник директора Хейли вылетел из толпы — пожать руку Гельмгольтцу.

— Лучше пожмите руку Лерою, — сказал ему Гельмгольтц. — Это он настоящий герой. — И, сияя улыбкой, начал высматривать Лероя в толпе, и снова увидел его рядом с хорошенькой блондинкой, девушкой-флейтисткой, причем беседа между этими двумя молодыми людьми приобрела еще более оживленный характер.

— А ей, похоже, ничуть не мешает отсутствие широких плеч, верно? — заметил Гельмгольтц.

— Это потому, что они *ему* больше не нужны, — сказал Хейли. — Теперь он настоящий мужчина, и совершенно не важно, какая у него фигура, колокольчиком или нет.

— Да он определенно отдал все ради победы колледжа Линкольна, — сказал Гельмгольтц. — Мне импонирует дух коллективизма в этом мальчике.

Хейли расхохотался.

— Да никакой это не дух коллективизма! А самая настоящая любовная песнь половозрелого американского самца. Вам вообще хоть что-нибудь известно о любви, а, Гельмгольтц?

Гельмгольтц думал о любви, когда в одиночестве брел к своей машине. Руки ныли от тяжести большого приза. Если любовь способна ослепить, одурманить, загнать человека в ловушку, словом, как утверждают многие, проделать с человеком тысячи разных самых ужасных и диких вещей, то тогда нет, такой любви он никогда не знал. Гельмгольтц вздохнул. Наверное, он все же что-то упустил в этой жизни, так и не смог испытать истинно романтического и глубокого чувства.

Подойдя в машине, он заметил, что левое переднее колесо спустило. И вспомнил, что запаски-то теперь у него нет. Но он не испытывал по этому поводу ни малейшего сожаления или раздражения. Поймал такси, уселся на заднее сиденье, поудобнее пристроил приз на коленях и улыбнулся. В ушах снова звучала музыка.

ТАБАКЕРКА ИЗ БАГОМБО

— Вроде бы новое местечко, да? — спросил Эдди Лэард. Он сидел в баре, в самом центре города. Был единственным посетителем и разговаривал с барменом.

— Что-то не припоминаю я этого местечка, — добавил он. — А ведь когда-то знал каждый бар в городе.

Лэард был крупным мужчиной тридцати трех лет с нахальной, но не лишенной приятности круглой, как луна, физиономией. Одет он был в синий фланелевый костюм, судя по всему — недавнее приобретение. И, болтая с барменом, изредка косился на себя в зеркало. И, время от времени, рука его отпускала стакан и поглаживала мягкую ткань на лацкане.

— Да не такое уж и новое, — ответил бармен, сонный толстяк лет пятидесяти. — Когда вы были последний раз в городе?

— Во время войны, — сказал Лэард.

— Какой конкретно войны?

— Какой войны? — переспросил Лэард. — Да, дела... Боюсь, вам и впрямь приходится сейчас спрашивать об этом людей, когда речь заходит о войне. Второй. Второй *мировой* войны. Наши части дислоцировались тогда в Каннингем-Филд. Вот и вырывался на уикэнд в город, когда получалось, конечно.

И нежная грусть затеплилась в его сердце при воспоминании о том, как в те дни выглядело его отражение в зеркалах разных баров, о том, как сверкали в них капитанские пряжки на орденской ленте и серебряные крылышки на нашивках.

— А этот построен в сорок шестом, — сказал бармен, — и с тех пор его еще два раза перестраивали.

— Построен, и два раза перестраивали... — в голосе Лэарда слышалось неподдельное изумление. — В наши дни все изнашивается как-то особенно быстро, многие вещи устаревают, верно? Ну, скажите, можно сейчас съесть прилично прожаренный бифштекс за два доллара, ну, допустим, в стейк-хаусе «Чарли»?

— Сгорел, — коротко ответил бармен. — Там сейчас «Джей-Си Пенни»*.

— Так где ж теперь находят приют славные ВВС США? — спросил Лэард.

— Да нигде, — ответил бармен. — И этот ваш лагерь в Каннингем-Филд давным-давно закрыли.

Лэард взял свой бокал, подошел к окну и стал смотреть на прохожих.

— Почти был уверен, что здешние женщины до сих пор носят короткие юбочки, — пробормотал он. — Но где, где, скажите на милость, все эти хорошенькие розовые коленки? — Он постучал ногтями по стеклу. Проходившая мимо женщина взглянула на него и поспешила дальше.

— А у меня тут когда-то жена обреталась, — сказал Лэард. — Как считаете, что могло с ней случиться за одиннадцать лет?

— Жена?

— Бывшая. Ну, один из военных романов. Мне было двадцать два, ей — восемнадцать. И длилось все это с пол-года.

— И почему разбежались?

---

* «Джей-Си Пенни» — компания, владеющая сетью универмагов и аптек, ведет торговлю по каталогам, занимается страхованием.

— Разбежалисьсь?... — протянул Лэард. — Просто не хотелось быть чьей-то там собственностью, вот и все. Хотел жить так — сунул зубную щетку в карман брюк, и прости-прощай. Чтоб чувствовать, что могу уйти в любой момент. А ей это не нравилось. Ну и вот... — Он усмехнулся. — Сделал ручкой. Adios. Без слез, без обид.

Он подошел к автомату-проигрывателю.

— Какая у нас сейчас самая популярная песня?

— Попробуйте номер семнадцать, — сказал бармен. — Полагаю, что смогу вынести это еще один раз. Но не больше.

Лэард поставил пластинку под номером семнадцать — это оказалась громкая слезливая баллада о потерянной любви. Он внимательно слушал. А в конце топнул ногой и поморщился.

— Налей-ка еще одну, — сказал он бармену, — и потом, клянусь богом, позвоню своей бывшенькой. — И вопросительно поднял глаза на бармена. — Ведь тут нет ничего такого особенного, верно? Почему бы не позвонить, раз вдруг захотелось? — Он расхохотался. — «Дорогая Эмили Пост*, у меня тут возникла небольшая проблема этического характера. За одиннадцать лет я не перемолвился ни единым словом со своей бывшей женой. И вот теперь, оказавшись в одном городе с ней...»

— А откуда ты знаешь, что она до сих пор здесь? — заметил бармен.

— Звонил утром одному приятелю. Прямо как только прилетел. Он сказал, что она в порядке, получила все, что хотела: раба-мужа, из которого выкачивает всю зарплату, увитый диким виноградом коттедж с большой мансардой, пару ребятишек. И еще — лужайку в четверть акра, зеленую-презеленую, прямо как Арлингтонское кладбище.

И с этими словами Лэард зашагал к телефону. В четвертый раз за день нашел в телефонной книге номер своей бывшей жены, которая теперь носила фамилию второго мужа,

---

* Пост, Эмили Прайс (1873—1960) — американская писательница, автор популярной книги «Этикет — Голубая книга хорошего тона».

достал двадцатицентовик и занес его над щелью. Но на сей раз позволил монете провалиться в нее. «Была — не была», — буркнул Лэард. И набрал номер.

Подошла женщина. В трубке было слышно, как визжат дети и бубнит радио.

— Эйми? — сказал Лэард.

— Да? — голос у нее был запыхавшийся.

Лицо Лэарда расплылось в глуповатой усмешке. «А ну догадайся, кто это?.. Эдди Лэард».

— Кто?

— Эдди Лэард. Эдди!

— Будьте добры, подождите минутку, ладно? — сказала Эйми. — Ребенок так ужасно верещит, и радио включено, и в духовке у меня шоколадные печенья с орехами, того гляди сгорят. Я ничего не слышу! Не вешайте трубку, ладно?

— Ладно.

— А ну-ка еще раз. — Она уже просто орала в трубку. — Как вы сказали ваше имя?

— Эдди Лэард.

Она так и ахнула:

— Нет, правда, что ли?

— Правда, — весело сказал Лэард. — Только что прилетел с Цейлона, через Багдад, Рим и Нью-Йорк.

— Господи боже ты мой! — пробормотала Эйми. — Вот это называется сюрприз. А я даже не знала, жив ты или уже умер.

Лэард усмехнулся в ответ. «Да нет, так и не прикончили меня. Хотя, бог свидетель, очень старались».

— Ну и чем теперь занимаешься?

— О-о-о, да так, всем понемножку. Последнее время работал по контракту с одной цейлонской фирмой. Разведывал для них береговую линию, в поисках жемчуга. Сейчас собираюсь создать собственную компанию. Есть хорошие перспективы по добыче урана в районе Клондайка. А до Цейлона охотился за алмазами в джунглях Амазонки, а до этого работал личным пилотом у одного иракского шейха.

— Господи, прямо голова закружилась, — воскликнула Эйми. — Прямо как в сказке из «Тысячи и одной ночи»!

— О нет, не хотелось бы, чтоб у тебя были иллюзии на сей счет, — сказал Лэард. — По большей части то была тяжелая, черная и опасная работа. — Он вздохнул. — Ну а как сама-то, а, Эйми?

— Я-то? — откликнулась Эйми. — Да как любая другая домохозяйка. Верчусь как белка в колесе.

Тут снова громко и надсадно заплакал младенец.

— Эйми, — поспешно начал Лэард, — скажи мне только одно. Между нами все о'кей? Без обид, да?

Голосок ее был еле слышен.

— Время лечит раны, — сказала она. — Нет, сперва мне, конечно, было очень больно... очень больно, Эдди. Но потом я пришла к пониманию, что все, что на свете ни делается, все, видно, к лучшему. Ты ведь все равно не смог бы усидеть на одном месте. Не из тех, уж таким уродился. Ты был бы как орел, запертый в клетке. Тосковал бы, рвался на волю, пока все перья не облезут.

— А ты, Эйми? Скажи, ты счастлива?

— Очень, — это прозвучало искренне, от всего сердца. — Правда, иногда так закрутишься с ребятишками, просто жуть! Но выдается свободная минутка, переведу дух и сразу понимаю, как все славно и хорошо. Именно этого я всегда и хотела. Так что, в конце концов, мы оба нашли свой путь, верно? И горный орел, и домашняя голубица.

— Эйми, — осторожно начал Лэард, — а нельзя ли приехать тебя повидать?

— Ох, Эдди, в доме жуткий бардак, а я выгляжу, как настоящая ведьма. Просто не вынесу, если ты увидишь меня в таком виде, особенно после того, как прилетел с Цейлона через Багдад, Рим и Нью-Йорк. Такой человек, как ты, будет глубоко разочарован. Стив на прошлой неделе болел корью, а малышка поднимает нас с Гарри по три раза за ночь и...

— Да будет тебе, не прибедряйся, — сказал Лэард. — Все равно, так и вижу, как ты вся светишься изнутри от счастья.

Знаешь, давай я заеду в пять, только чтоб взглянуть на тебя, и тут же смоюсь? Ну пожалуйста!

Лэард ехал в такси к дому Эйми и, ввиду предстоящей встречи, силился настроиться на сентиментальный лад. Пытался представить лучшие дни, что они провели с Эйми, но перед глазами танцевали почему-то только какие-то старлетки или нимфетки с красными губами и пустыми глазами. Эта нехватка воображения, как и все остальное, что происходило с ним сегодня, объяснялось возвращением к дням зеленой юности, службы в ВВС, когда все хорошенькие женщины казались на одно лицо.

Лэард попросил водителя подождать его.

— Я быстро. Краткий визит вежливости.

Подходя к небольшому стандартному домику Эйми, он изобразил на губах печальную улыбку умудренности, улыбку мужчины, которому немало довелось испытать в этой жизни. Который был бит, но и сам наносил удары, который сумел извлечь из этого опыта немало полезного, и даже умудрился разбогатеть на всем своем долгом и трудном пути.

Он позвонил и, ожидая, пока ему откроют, отколупывал ногтем краску с дверного косяка.

Гарри, муж Эйми, низенький крепыш с добрым лицом, пригласил его войти.

— Сейчас, только сменю малышке пеленки, — донесся из глубины помещения голос Эйми, — и буду с вами!

На Гарри явно произвели впечатление рост и осанка, а также великолепный костюм гостя. Лэард посмотрел на него сверху вниз и дружески потрепал по плечу.

— Понимаю, многие восприняли бы это превратно, — сказал он. — Но то, что было у нас с Эйми, было давным-давно. Тогда мы вели себя, как пара одуревших от любви молокососов, но с тех пор повзрослели и поумнели. Надеюсь, все мы теперь будем добрыми друзьями.

Гарри кивнул.

— Да, конечно. Почему бы и нет? — сказал он. — Хотите что-нибудь выпить? Вот только выбор у меня, боюсь, небольшой. Виски или пиво?

— Да что угодно, Гарри, на твое усмотрение — ответил Лэард. — На Майорке мне доводилось пивать каву. Пил виски с британцами, шампанское с французами, какао с племенем тупи. А с тобой готов выпить и виски, и пива. А когда я был в Риме... — Тут он опустил руку в карман пиджака и извлек оттуда табакерку, инкрустированную полудрагоценными камнями. — Вот, привез тут маленький сувенир для тебя и Эйми. — Он сунул коробочку в руку Гарри. — Это из Багомбо.

— Багомбо? — переспросил совершенно потрясенный Гарри.

— Есть такое местечко на Цейлоне, небрежно объяснил Лэард. — Я там летал на разведку жемчужных месторождений. Платили — просто фантастика, средняя температура не ниже семидесяти пяти по Фаренгейту. А вот муссоны эти мне страшно не понравились. Просто невозможно торчать в комнате на протяжении нескольких недель и ждать, когда они наконец прекратятся, эти дожди. Мужчина должен иметь возможность выйти из дома, иначе ему не жить — разжиреет, станет толстым и вялым, как старая баба.

— Гм-м, — буркнул Гарри.

Этот маленький домик, запахи кухни, весь этот гам и суета семейной жизни уже начали действовать Лэарду на нервы — захотелось поскорее убраться отсюда. — А у вас здесь очень мило, — фальшивым голосом заметил он.

— Немножко тесновато, — сказал Гарри. — Но...

— Зато уютно, — перебил его Лэард. — Слишком большое пространство, это тоже, знаешь ли, сильно угнетает. Там, в Багомбо, у меня было целых двадцать шесть комнат и двенадцать слуг, и за каждым глаз да глаз. И знаешь, это как-то не слишком радовало. И еще все просто смеялись надо мной! Но дом сдавался всего за семь долларов в месяц! Ну скажи, разве можно было устоять?

Гарри направился было к кухне, но остановился в дверях, точно громом пораженный. «Семь долларов в месяц за двадцать шесть комнат?!»

— Причем учти, плата повысилась, когда меня взяли. Жилец, снимавший дом до меня, платил всего три.

— Три... — пробормотал Гарри. — А скажи-ка мне, приятель, — нерешительно начал он, — не найдется ли там для американцев какой другой работенки, а? Они ведь нанимают людей?

— Да, но ведь ты вряд ли захочешь расстаться с семьей, верно?

На лице Гарри возникло виноватое выражение.

— О нет! Нет, конечно. Просто подумал, можно забрать туда и их.

— Не выйдет, — сказал Лэард. — Они нанимают только холостяков. Да и потом, зачем тебе туда? Вы здесь очень славно устроились. К тому же у тебя должна быть специальность, пользующаяся там спросом. За что платят по-настоящему большие деньги. Надо уметь управлять самолетом, моторной лодкой, знать язык. Кроме того, найм рабочей силы обычно происходит в барах, в Сингапуре, Алжире, разных таких местах. Кстати, теперь собираюсь лететь на урановые рудники, надеюсь прибрать их к рукам и завести собственное дело. Это в Клондайке, и мне нужно пару хороших техников, умеющих управляться со счетчиками Гейгера. Ну, скажи, ты можешь починить счетчик Гейгера?

— Не-а, — ответил Гарри.

— В любом случае, я все равно буду брать мужчин, не обремененных семейством, — добавил Лэард. — Клондайк — просто замечательное местечко, там полным-полно лосей и семги. Но дикое. Не слишком подходящее для женщин или там детей. Ну, а ты чем промышляешь?

— О!.. — ответил Гарри. — Работаю по оформлению кредитов в универмаге.

— Гарри! — крикнула Эйми из глубины дома, — подогрей, пожалуйста, бутылочку со смесью для малышки. И заодно проверь, может, бобы уже готовы?

- Да, дорогая, — ответил Гарри.
— Что ты сказал, милый?
— Я сказал «да»! — злобно рявкнул в ответ Гарри.
И в доме воцарилось неловкое молчание.

А потом вошла Эйми, и Лэард освежил память. Поднялся из кресла и смотрел на нее. Красивая женщина с черными волосами и умными карими глазами, которые так и лучились добротой. Эйми все еще была молода, но выглядела усталой. Принарядилась во что-то симпатичное, нарядилась и держалась спокойно и с чувством собственного достоинства.

— Ах, Эдди, страшно рада тебя видеть! — весело воскликнула она. — Выглядишь на все сто!

— Ты тоже, — сказал Лэард.

— Правда? А чувствую себя просто старухой.

— Ты это брось, — сказал Лэард. — Семейная жизнь явно пошла тебе на пользу.

— Да, знаешь, мы и правда очень счастливы, — сказала Эйми.

— Да ты хорошенькая, прямо, как куколка. Как какая-нибудь парижская модель или итальянская кинозвезда.

— Ты это не всерьез, — засмушалась Эйми. Но, похоже, была страшно довольна комплиментом.

— Очень даже всерьез, — сказал Лэард. — Так и вижу тебя в костюме от «Мейнбошер», так и слышу, как ты, прогуливаясь по Елисейским полям, эдак шикарно постукиваешь высокими каблучками, и нежный парижский ветерок развеивает твои красивые темные волосы, и все мужчины так и пожирают тебя глазами, а жандармы отдают честь!

— Ах, Эдди! — простонала Эйми.

— Была когда-нибудь в Париже? — спросил Лэард.

— Нет, — ответила Эйми.

— Не важно. В каком-то смысле Нью-Йорк теперь стал еще более экзотическим местом. Прямо так и вижу тебя там, в театральной толпе, и каждый мужчина при виде тебя умол-

кает и долго провожает глазами. Когда была в Нью-Йорке последний раз?

— Что? — рассеянно спросила Эйми, глядя в пустоту.

— Когда была в Нью-Йорке последний раз?

— Да вообще ни разу ни была. Гарри, тот ездил. По делам.

— Так почему не брал тебя с собой? — картинно возмутился Лэард. — Так и молодость может пройти, а в Нью-Йорке не побываешь. Нью-Йорк — это город для молодых людей.

— Ангел? — окликнул жену из кухни Гарри. — А как узнать, готовы эти самые бобы или нет?

— Да потыкай в них этой чертовой вилкой, и все дела! — заорала в ответ Эйми.

Гарри возник в дверях с напитками, обиженно моргая.

— С чего это ты вдруг надумала на меня орать?

Эйми потерла глаза.

— Извини, — сказала она. — Просто устала, наверное. Мы оба устали.

— Да, никак не получается выспаться, — сказал Гарри. И похлопал жену по спине. — Всю дорогу оба на нервах.

Эйми поймала руку мужа и нежно сжала в своей. И в доме вновь воцарились мир и покой.

Гарри раздал бокалы. И Лэард предложил тост.

— Ешьте, пейте, веселитесь! — воскликнул он. — Ибо, как знать, может, завтра мы все умрем.

Гарри и Эйми растерянно заморгали и осушили свои бокалы до дна.

— Он привез нам в подарок табакерку из Багомбо, милая, — сказал Гарри. — Я правильно произнес?

— Ну, маленько на американский лад, — сказал Лэард. — Надо вот так, — он сложил губы колечком: — *Багомбо*.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Эйми. — Поставлю на свой туалетный столик, а детям скажу, чтоб не смели трогать. Багомбо...

— Именно! — воскликнул Лэард. — Вот она произнесла это слово абсолютно правильно! Забавно все же. У одних

людей есть языковой слух, у других отсутствует напрочь. Первым стоит только услышать иностранное слово, и они тут же могут произнести его правильно, с малейшими звуковыми оттенками. А другим прямо-таки медведь на ухо наступил, тем ни за что не произнести, сколько ни старайся. Так, давай слушай, Эйми, и повторяй за мной: *«Тоули! Пак-ка сахн небул рокка та. Си нотте лони джин та тоник»*.

Эйми медленно и осторожно повторила за ним.

— Отлично! Знаешь, что это означает на наречии буна-симка? «Молодая женщина, ступай, укрой ребенка и принеси мне джин с тоником на южную террасу». А теперь, Гарри, твоя очередь. Давай, повторяй за мной! *«Пилла! Сибба ту бэнг-бэнг. Либбин хру донна стейк!»*.

Гарри, сосредоточенно хмурясь, повторил предложение.

Лэард откинулся в кресле и сочувственно улыбнулся Эйми.

— Прямо не знаю, что и сказать, Гарри. Нет, на наш слух, оно, конечно, ничего, сойдет. Но все дикари просто обхотятся у тебя за спиной.

Гарри был потрясен.

— А что я такого сказал?

— «Мальчик, — начал переводить Лэард. — Дай мне ружье! Там впереди, среди деревьев, тигр».

— *«Пилла!»* — снова начал сначала Гарри. — *«Сибба ту бэнг-бэнг. Либбин хру донна стейк!»*. — И он сделал жест, показывая, будто тянется за ружьем, и пальцы его затрепетали, как выброшенные на песок рыбки.

— А вот так уже лучше, гораздо лучше! — сказал Лэард.

— Очень хорошо, — подбодрила мужа Эйми.

Гарри лишь отмахнулся от всех этих комплиментов. И смотрел задумчиво и мрачно.

— Скажи-ка, — после паузы спросил он, — а что, в окрестностях этого самого Багомбо действительно проблема с тиграми?

— Иногда, когда дичи в лесах становится меньше, тигры подходят к окраинам деревень, — объяснил Лэард. — Ну и тогда берешь ружье и идешь с ними разбираться.

— А у тебя были в Багомбо слуги, да? — спросила Эйми.

— Да. Платил по шесть центов в день каждому мужчине, и по четыре — женщине. Вот так! — ответил Лэард.

Тут за окнами послышался шорох гравия — к дому подкатил велосипед.

— Стив приехал, — сказал Гарри.

— Я хочу в Багомбо! — воскликнула Эйми.

— В такие места детишек не берут, — заметил Лэард. — Один, но существенный недостаток.

Дверь отворилась, и с гостиную вошел симпатичный и мускулистый мальчик лет девяти — весь потный, с покрасневшими щеками. Накинул кепку на крючок возле входной двери и начал подниматься по лестнице.

— Повесь свою шляпу как следует, Стив! — крикнула вдогонку Эйми. — Я вам не прислуга, подбирать разбросанные по всему дому вещи.

— И не топай, как слон! — добавил Гарри.

Мальчик медленно спустился вниз по ступенькам, раскисший и смущенный. — Чего это на вас вдруг нашло? — спросил он.

— Не хами, — сказал Гарри. — Лучше подойди и поздоровайся с мистером Лэардом.

— Майор Лэард, — представился гость.

— Привет, — сказал Стив. — А чего это вы не в форме, раз майор?

— Комиссовали. Я теперь в запасе, — ответил Лэард. И засмутился под циничным взглядом честных и дерзких глаз ребенка. — А я смотрю, славные ребята у вас тут водятся.

— А-а... — протянул Стив. — Так значит, вы из *тех еще* майоров. — Тут он заметил табакерку и схватил ее.

— Стиви, — сказала сыну Эйми, — поставь на место. Это теперь мамино сокровище, и я не позволю портить и ломать эту вещь, как все остальное в доме. Положи на место, я сказала.

— О'кей, о'кей, — пробормотал Стив. И с подчеркнутой осторожностью поставил табакерку на место. — Просто не знал, что это такая драгоценность.

— Майор Лэард привез ее из Багомбо, — сказала Эйми.

— С Цейлона, Стив, — добавил Гарри. — Багомбо находится на Цейлоне.

— Тогда почему там на дне надпись «Сделано в Японии»? Лэард побледнел:

— Они экспортируют эти штуки в Японию, а там уже делают такие пометки, — сказал он. — Таковы правила тамошнего рынка.

— Понял, Стив? — заметила Эйми. — Хотя чему-то новому научишься сегодня.

— И все равно, почему они не пишут, что это сделано на Цейлоне? — не унимался Стив.

— Логику людей Востока понять сложно, — заметил Гарри.

— Именно, — подхватил Лэард. — Тебе, Гарри, удалось уловить сам дух восточной цивилизации, и выразить в одном предложении.

— Так значит, они отправляют все эти штуки пароходом из Африки в Японию? — спросил Стив.

Лэард почувствовал, что в полном смятении. Карта мира завертелась перед глазами, континенты наползали друг на друга и меняли очертания, и вместе с ними остров под названием Цейлон успел побывать в семи разных морях. Лишь две точки в этом мире оставались неподвижны — то были беспощадные голубые глаза Стива.

— Мне всегда казалось, это где-то рядом с Индией, — заметила Эйми.

— Забавно. Чем усердней иногда думаешь или вспоминаешь какую вещь, тем более странные шутки проделывает с тобой память, — заметил Гарри. — Я, по всей видимости, спутал Цейлон с Мадагаскаром.

— И еще Суматрой и Борнео, — вставила Эйми. — Вот что бывает с людьми, которые никогда никуда не ездят.

Теперь уже целых четыре крупных острова плыли по бурным морям памяти Лэарда.

— Так каков же правильный ответ, Эдди? — спросила Эйми. — Где находится Цейлон?

— Это остров неподалеку от берегов Африки, — уверенно и твердо заявил Стив. — Точно знаю, мы в школе проходили.

Лэард оглядел присутствующих — у каждого на лице застыло озадаченное выражение. У всех, кроме Стива. Лэард откашлялся и хрипло сказал:

— Мальчик прав.

— Сейчас принесу атлас и покажу! — с гордостью заявил Стив, и помчался наверх.

Лэард поднялся, чувствуя слабость в коленках.

— Мне, пожалуй, пора.

— Так скоро? — удивился Гарри. — Что ж, в любом случае от души желаю найти целые горы урана. — Он избегал смотреть жене в глаза. — Да я правую руку готов отдать на отсечение, лишь бы оказаться там с вами.

— Настанет день, дети вырастут, — начала Эйми, — может, и мы будем тогда еще не слишком старыми и съездим посмотреть Нью-Йорк, и Париж, и разные другие интересные места. И, чем черт не шутит, осядем на старости лет в Багомбо.

— От души надеюсь, — сказал Лэард. И чуть ли не пулей вылетел из дверей, а потом торопливо зашагал по дорожке, которая показалась бесконечной, к ожидавшему его такси. — Поехали! — бросил он водителю.

— А они там вам что-то кричат, — сказал таксист. И опустил стекло, чтоб Лэарду было слышно.

— Эй, майор! — орал Стив. — Мама была права, а все мы ошибались! Цейлон рядом с Индией!..

Семья, в которую Лэард только что внес нешуточный разлад, вновь объединилась, дружно столпилась на крылечке, провожая гостя.

— *Пилла!* — весело кричал Гарри. — *Сибба ту бэнг-бэнг. Либбин хру донна стейк!*

— *Толли!* — вторила мужу Эйми. — *Пакка сахн небул рок-ка та. Си нотте лони джин та тоник!*

Машина наконец отъехала.

* * *

В тот же вечер Лэард сделал из своего гостиничного номера междугородний звонок. Звонил он своей второй жене Сельме, проживавшей в маленьком домике в Левиттауне, что на Лонг-Айленде, в Нью-Йорке — словом, далеко-далеко отсюда.

— Ну, каковы успехи у Артура? — спросил он. — Стал читать лучше?

— Учительница считает, что он совсем не тупой. Просто ленивый, — ответила Сельма. — И еще говорит, что он вполне может догнать класс, но только если захочет.

— Потолкую с ним по душам, когда приеду домой, — сказал Лэард. — Ну а близнецы? Хоть дают тебе поспать немножко?

— Ведут себя маленько потише, если их разделить. Иначе заводят друг друга. — Сельма громко зевнула. — Ну а как твое путешествие?

— Помнишь, как все говорили, что картофельные чипсы в Дьюбук продаваться ни за что не будут?

— Да.

— Так вот, ничего подобного, — заявил Лэард. — Я их всех сделал. Просто переворот в истории этого штата. Я весь этот вшивый городок еще поставлю на уши!

— Скажи-ка, — осторожно начала Сельма, — а ты... Ты ведь собираешься звонить *ей*, да, Эдди?

— Не-а, — лениво ответил Лэард. — К чему ворошить прошлое?

— Неужели тебе не интересно знать, как она и что?

— Не-а. Да мы и тогда едва знали друг друга. Люди меняются, меняются. — Он прищелкнул пальцами. — Ой, чуть не забыл! А что сказал дантист насчет зубов Доны?

Сельма вздохнула.

— Сказал, ей нужно поставить скобки.

— Так поставь. Займись этим, Сельма. Ладно, давай прощаться. Надеюсь, жизнь теперь у нас повернется к лучшему. Да, кстати, я купил себе новый костюм.

— Давно пора, — сказала Сельма. — Бог знает сколько в старом проходил. Ну и как он, хорошо на тебе сидит?

— Вроде бы да, — ответил Лэард. — Я люблю тебя, Сельма.

— Люблю тебя, Эдди. Спокойной ночи.

— Страшно по тебе соскучился, — сказал Лэард. — Спокойной ночи.

НЕЖНО-ГОЛУБОЙ ДРАКОН

Худой молодой человек с испачканными руками вышел из агентства по продаже автомобилей, где он работал, и, перейдя размякший асфальт главной улицы приморской деревушки, вошел на почту. Когда-то деревушка была портом китобойных судов. Теперь ее жители обслуживали хозяев и арендаторов особняков на пляже.

Молодой человек отправил несколько писем и купил марок для босса. Затем по своим делам зашел в соседнюю аптеку. Когда он входил в аптеку, из нее вышли два дачника его возраста, мужчина и женщина. Он хмуро глянул на них, как будто их здоровье, их богатство и ленивая самоуверенность несли в себе насмешку над ним.

Он попросил аптекаря, который хорошо его знал, оплатить ему его собственный чек на пять долларов. Чек был выписан на его счет в банке соседнего города. В деревушке банка не было. Его звали Кайе. Кайе перевел свои деньги с накопительного счета на чековый. Чек, который Кайе протянул аптекарю, был первым, который Кайе вообще выписывал. Это был чек номер один. Кайе вовсе не были нужны пять долларов. Он хотел быть уверенным, что чек, выписанный им, представляет собой настоящие деньги, что им можно расплачиваться.

— Мое имя написано там наверху, — сказал он.

— Я вижу, — сказал аптекарь. — Ты выходишь в люди.

— Не беспокойтесь, — сказал Кайе, — все в порядке.

Да что там в порядке! Кайе подумал, что аптекарь упал бы в обморок, если бы знал, что значит этот чек.

— Почему я должен беспокоиться по поводу чека от самого честного и работающего парня нашего города? — Аптекарь поправил себя: — Счет в банке делает тебя таким же значительным человеком, как Дж. П. Морган.

— На какой машине он ездит? — спросил Кайе.

— Кто?

— Дж. П. Морган.

— Он умер. Ты что, судишь о человеке по машине, на которой он ездит? — Аптекарь было семьдесят лет, он очень устал и искал человека, который купил бы его магазин. — Ты, должно быть, весьма невысокого обо мне мнения, я ведь езжу на подержанном «Шеви». — Он протянул Кайе пять купюр по доллару.

Кайе немедленно назвал модель «Шеви»:

— Малибу.

— Похоже, что работа у Даггетта сделала тебя психом по части машин.

Даггетт был хозяином агентства напротив, где он торговал спортивными машинами. И у него был еще магазин в Нью-Йорке.

— Где ты еще работаешь, кроме Даггетта?

— На бензозаправке. И обслуживаю столы по уик-эндам на Шканцах.

Кайе был сиротой, он жил в меблированных комнатах. Его отец служил у подрядчика по садовым работам, мать была горничной в «Хауард Джонсон» на выезде из города. Они погибли при столкновении лоб в лоб, прямо перед «Хауард Джонсон», когда Кайе было шестнадцать лет. Полиция сказала, что катастрофа произошла по их вине. У его родителей не было денег, их подержанный «Плимут

Фьюри» был полностью разбит, так что даже машины не осталось.

— Кайе, я тревожусь за тебя, — сказал аптекарь. — Только работа и никакой радости. Все еще не накопил на машину?

В деревне все знали, что Кайе так много работает, чтобы купить машину. У него не было девушки.

— Слышали когда-нибудь о «Мариттима-фраскати»?

— Нет. И думаю, что вообще никто о такой не слыхивал.

Кайе с сожалением посмотрел на аптекаря.

— Два года подряд выигрывала гонки в Авиньоне — была лучше «ягуаров», «мерседесов» и всех остальных. Гарантированно делает сто тридцать по прямой. Самая прекрасная машина в мире. У Даггетта есть одна такая в нью-йоркском магазине. — Кайе привстал на цыпочки. — У нас здесь никто ничего подобного не видел. Никто.

— Почему ты не хочешь поговорить о «форде» или «шевроле» или еще о чем-нибудь, что мне известно? «мариттима-фраскати»?

— Не тот класс. Вот почему я о них не говорю.

— Класс! Вы только послушайте, кто рассуждает о классе! Он моет полы, драит машины, обслуживает столы, заливает бензин и ему нужен класс или ничего!

— У вас свои мечты, у меня — свои, — сказал Кайе.

— Я мечтаю о том, чтобы быть молодым, как ты, и жить в деревне такой же милой и приятной, как эта, — сказал аптекарь. — Ты можешь получить класс и...

Когда Кайе вошел, осанистый Даггетт, типичный житель Нью-Йорка, который держал открытым это отделение своего магазина только летом, продавал машину джентльмену в твиде, с изысканными манерами.

— Мистер Даггетт, я вернулся, — сказал Кайе.

Даггетт не обратил на него никакого внимания. Кайе уселся на стул ждать и мечтать. У него сильно колотилось сердце.

— Понимаете, это не для меня, — сказал посетитель. Он с удивлением смотрел на МГ, приземистую спортивную машину. — Это моему мальчику. Он говорил об одной из этих штучек.

— Прекрасная машина для молодого человека, — сказал Даггетт. — И для спортивной машины вполне разумная цена.

— Он сейчас бредит какой-то другой машиной, что-то вроде Мара...

— «Мариттима-фраскати», — сказал Кайе.

Казалось, Даггетт и посетитель удивились, обнаружив рядом с собой Кайе.

— М-м, да, именно это, — сказал покупатель.

— У меня в городе есть одна такая. В начале недели я мог бы доставить ее сюда.

— Сколько?

— Пятьдесят шесть сотен и пятьдесят один доллар, — сказал Кайе.

Даггетт вяло, с досадой ухмыльнулся.

— У тебя, Кайе, хорошая память.

— Пятьдесят шесть сотен! — сказал покупатель. — Я люблю моего мальчика, но у любви есть пределы. Беру эту. — Он вынул из кармана чековую книжку.

Длинная тень от Кайе легла на чек, который выписывал Даггетт.

— Кайе, будь добр. Ты загораживаешь свет.

Кайе не двинулся.

— Кайе, что тебе нужно? Почему бы тебе не подмести заднюю комнату или заняться бы еще каким-нибудь делом?

— Я просто хотел сказать, — сказал Кайе, часто дыша, — что когда вы закончите с этим джентльменом, я хотел бы заказать «Мариттима-фраскати».

— Ты что? — сердито спросил Даггетт.

Кайе вынул свою чековую книжку.

— Отстань! — сказал Даггетт.

Покупатель засмеялся.

— Вы поняли, что у меня к вам серьезное дело? — сказал Кайе.

— Я займусь тобой, детка. А сейчас сядь и подожди. Кайе сидел, пока покупатель не ушел.

Тогда Даггетт медленно, со сжатыми кулаками двинулся к Кайе.

— Ну-с, молодой человек, твое дурацкое дело чуть не сорвало мне продажу.

— Мистер Даггетт, даю вам две минуты на то, чтобы позвонить в банк и узнать, есть ли у меня деньги, или я куплю себе машину в каком-нибудь другом месте.

Даггетт позвонил в банк.

— Джордж, это Билл Даггетт. — Он презрительно хихикнул. — Слушай, Джордж, Кайе Хиггинс хочет выписать мне чек на пятьдесят шесть сотен долларов... Вот и я говорю. Ручаюсь, что он... О'кей, я подожду. — Он постукивал пальцами по столу и старался не смотреть на Кайе.

— Прекрасно, Джордж. Спасибо. — Он повесил трубку.

— Ну? — спросил Кайе.

— Я позвонил, чтобы удовлетворить свое любопытство, — сказал Даггетт. — Поздравляю. Я поражен. Вернемся к делу.

— Это мои деньги. Я их заработал, — сказал Кайе. — Я работал и копил их четыре года, четыре долгих паршивых года. Теперь я хочу эту машину.

— Я думал, ты шутишь.

— Я не могу думать ни о чем, кроме этой машины, и вот теперь она может стать моей. Этот проклятуший автомобиль, которого здесь никто отродясь не видел.

Даггетт еле сдерживал раздражение.

— «Мариттима-фраскати» — это игрушка для махараджи или для Техасского нефтяного барона. Парень! Пятьдесят шесть сотен долларов! Что у тебя останется на счете?

— Хватит на страховку и несколько баков горючего. — Кайе встал. — Если вы не хотите иметь со мной дела...

— Ты, должно быть, болен, — сказал Даггетт.

— Вы, мистер Даггетт, поняли бы, если бы выросли здесь, а ваши родители разбились бы насмерть.

— Вздор! Да что такого особенного в этой деревушке? Ты еще не пожил в городе. Как бы то ни было, для чего тебе эта машина?

— Эта машина чертовски много значит для меня — и как раз вовремя. Я собираюсь начать жить, мистер Даггетт. Так что в начале следующей недели, мистер Даггетт?

Послеполуденная тишина деревни была нарушена жужжанием стартера и благородным рокотом великолепного мотора.

Кайе погрузился в лимонно-желтое кожаное кресло нежно-голубой «Маритtima-фраскати», вслушиваясь в сладчайший шум, который следовал за каждым ласковым нажатием носка его ботинка. Кайе ослеплял чистотой, его волосы были только что пострижены.

— Не гони, пока не пройдешь тысячу миль, слышишь? — сказал Даггетт. У него было приподнятое настроение, пришедшее на смену удивлению от причудливого поступка Кайе. — Там под капотом — драгоценность высокой пробы, и лучше обращаться с ней по всем правилам. Первую тысячу — не превышай шестидесяти, потом до трех тысяч — не больше восьмидесяти. — Он засмеялся. — И не пытайся понять, на что она действительно способна, пока не проедешь на ней пять тысяч. — Он хлопнул Кайе по плечу. — Смири свое нетерпение, парень. Не беспокойся — все будет в порядке!

Кайе снова включил зажигание. Казалось, он вовсе не обращает внимания на собравшуюся вокруг него толпу.

— Как вы думаете, сколько таких во всей стране? — спросил Даггетта Кайе.

— Десять—двенадцать. — Даггетт подмигнул. — Не волнуйся. Все они в Далласе или в Голливуде.

Кайе спокойно кивнул. Ему хотелось выглядеть человеком, который сделал разумное приобретение и теперь, довольный вложением своих денег, собирается отвезти покуп-

ку домой. Он переживал прекрасный, радостный момент, но он не улыбался.

Он впервые выжал сцепление. Это было легко.

— Прошу прощения, — сказал он стоящим у него на пути. Он предпочел газануть, а не гудеть.

Когда Кайе вывел машину на шестиполосную магистраль, он перестал чувствовать себя самозванцем в этом мире. Он был такой же его частью, как облака и море. Со снисходительной усмешкой бога, путешествующего инкогнито, он позволил Кадиллаку с откинутым верхом проехать мимо него. Симпатичная девушка, сидевшая за рулем машины, улыбнулась ему.

Кайе слегка нажал на газ и пронесся мимо девушки. Он засмеялся, увидев в зеркало заднего вида, как она превратилась в пятнышко. Стрелка температуры поползла вверх. Кайе сбавил скорость «Мариттима-фраскати» и тут же простил себя. Только разок — можно рискнуть. Вот это жизнь!

Девушка и Кадиллак снова проехали мимо него. Она улыбалась и пренебрежительно указывала на крышку своего капота. Ей нравилась его машина. Она ненавидела свою.

У въезда на идущую по кругу дорогу к отелю, девушка посигналила, помахала рукой и свернула внутрь. «Мариттима-фраскати» последовала за ней, мурлыча при въезде на стоянку, будто она приехала домой. Человек в униформе помахал рукой, ласково улыбнулся и указал Кайе место рядом с Кадиллаком. Кайе проследил, как девушка исчезла в вестибюле, каждым своим шагом приглашая следовать за ней.

Когда Кайе проходил по площадке, усыпанной белым гравием, на солнце наполнило облако и, вздрогнув от неожиданного холода, Кайе замедлил шаг. Он снова почувствовал себя самозванцем в этом мире. Он остановился на ступеньках вестибюля и посмотрел через плечо на машину. Низкая, утонченная, пожирающая расстояние машина ожидала своего хозяина — Кайе Хиггинса.

* * *

Умывшись, Кайе спустился в прохладный вестибюль. Девушка в одиночестве сидела в угловой кабинке. Она, опустив глаза, развлекалась, играя палочками для размешивания коктейлей. В комнате не было больше никого, кроме бармена, который читал газету.

— Кого-то ищешь, сынок?

Сынок? Кайе показалось, что он въехал а «Мариттима-фраскати» прямо в бра. Хотелось надеяться, что девушка не слышала.

— Дайте мне джин с тоником, — сказал он холодно, — и не забудьте лайм.

Девушка подняла глаза. Кайе панибратски улыбнулся, у него было преимущество в лошадиных силах, на дороге.

Удивившись, девушка снова наклонила голову и вернулась к своим палочкам.

— Получай, сынок, — сказал бармен, ставя перед ним выпивку. Он схватил свою газету и уткнулся в нее.

Кайе сделал глоток, прокашлялся и сказал девушке:

— Хорошая погода.

Девушка будто бы и не слышала, что Кайе что-то сказал. Кайе обернулся к бармену, как если бы с самого начала обращался к нему.

— Вы любите ездить на машине?

— Иногда, — сказал бармен.

— Такая погода дает человеку почувствовать, что в самом деле можно выжать из его машины.

Бармен, не отвечая, перевернул страницу.

— Но я еще пока только укрощаю свою, и не должен превышать пятидесяти.

— Полагаю, так и надо.

— Соблазн велик, если знаешь, что она точно делает сто тридцать.

Бармен раздраженно опустил газету.

— О чем это вы?

— О моей новой машине, моей «Мариттима-фраскати».

Девушка заинтересованно подняла голову.

— Ваше что? — сказал бармен.

— Моя «Мариттима-фраскати». Это итальянская машина.

— Название точно не американское. Вы у кого шофером?

— У кого я шофером?

— Ага. Кто ее хозяин?

— Как вы думаете, кто ее хозяин? Я ее хозяин.

Бармен снова поднял газету.

— ОН ее хозяин. Он ее хозяин и она делает сто тридцать. Счастливый паренек.

В ответ Кайе повернулся к нему спиной.

— Хелло, — сказал он девушке и подумал, что сказал это слишком уверенно. — Как Кад обходится с вами?

Девушка засмеялась.

— Мой автомобиль, мой жених или мой отец?

— Ваш автомобиль, — сказал Кайе, почувствовав себя дураком, который не смог найти ответа поостроумней.

— Кады всегда хорошо со мной обходятся. Я теперь вас вспомнила. Это вы были в той миленькой голубой штучке с желтыми сиденьями. Я как-то не связала вас с той машиной. Вы с ней так не похожи. Как вы ее называли?

— «Мариттима-фраскати».

— М-м. Никогда не смогу это произнести.

— В Европе эта машина очень известна, — сказал Кайе. Все шло, как по маслу. — Знаете, она дважды выигрывала гонки в Авиньоне.

Она улыбнулась чарующей улыбкой.

— Нет! Я этого *не* знала.

— Ручаюсь, что идет со скоростью сто тридцать.

— Господи! Я и не думала, что машина может развивать такую скорость.

— Таких в стране только двенадцать.

— Всего-то? Позволено ли мне спросить, сколько стоит эта великолепная машина?

Кайе вытянулся у стойки.

— Готов ответить. Кажется что-то между пятью и шестью.

— О, вот как? Точно между тем и этим...

— О, я думаю, она того стоит. У меня нет ощущения, что я выбросил деньги на ветер.

— Это существенно.

Кайе радостно кивнул и уставился в изумительные глаза, в которых он видел бездну восторга. Он открыл рот, чтобы сказать что-нибудь еще, чтобы продолжать и продолжать восхитительную игру, как вдруг обнаружил, что ему нечего сказать.

— Славная погодка.

В ее взгляде промелькнула скука.

— Не скажете ли, который час? — спросила она у бармена.

— Да, мэм. Семь минут пятого.

— Что вы сказали? — спросил Кайе.

— Четыре, сынок.

Прокатиться, подумал Кайе, может быть, она хочет прокатиться.

Распахнулась дверь. Бодрый, уверенный в себе, привлекательный молодой человек в теннисных шортах, прищуриваясь, с улыбкой оглядел комнату.

— Марион! — воскликнул он. — Слава богу, ты еще здесь. Ты просто ангел, что дождалась меня!

Ее лицо излучало обожание.

— Ты не так уж сильно опоздал, Пол. Я тебя прощаю.

— По глупости дал себя вовлечь в парную игру, и это длилось бесконечно. В конце концов я просто бросил играть. Я испугался, что потеряю тебя навсегда. Чем ты занималась, пока ждала меня?

— Дай вспомнить. Ну, я играла с палочками для размешивания коктейля и, ух — ууууух! Я познакомилась с чрезвычайно интересным джентльменом, у него машина, которая едет со скоростью сто тридцать миль в час.

— Ну, дорогая, тебя ловко обманули, этот джентльмен наврал насчет своей машины.

— Ты слишком резок, — сказала Марион.

— Да ну? — изумился Пол.

— Принимая во внимание, что джентльмен, которого ты назвал лжецом, находится в этой комнате.

— О господи, — Пол оглядел комнату с выражением наигранного страха на лице.

Его взгляд скользнул по бармену и Кайе.

— Нас здесь всего лишь четверо.

— Вон тот парень. Не расскажите ли Полу о вашей Ванила Фраппе?

— «Мариттима-фраскати».

— Хорошо, — сказал Пол, — должен сказать, что это звучит так, будто она проходит двести в секунду. Она здесь?

— На стоянке, — ответил Кайе.

— Я это и имел в виду, — сказал Пол. — Я должен выучиться изъясняться точнее. — Он посмотрел на стоянку. — Ого, вижу. Маленькая голубая штучка. Оч-чень хорошенькая, странная, но роскошная. И она ваша?

— Я же сказал.

— Должно быть вторая по скорости машина в этой части страны. Возможно.

— В самом деле? — саркастически сказал Кайе. — Хотел бы посмотреть на первую.

— Хотели бы? Она тоже на стоянке. Вон та, зеленая.

Это был «Бритиш Хэмптон». Кайе хорошо знал эту машину. До того, как Даггетт показал ему картинки «Мариттима-фраскати», он начинал копить деньги на нее.

— Моя ее сделает, — сказал Кайе.

— Сделает? — Пол засмеялся. — Держу пари на что угодно, моя одолеет вашу.

— Послушайте, — сказал Кайе. — Я даю голову на отсечение, что моя машина обогнала бы вашу, если бы я ее уже объездил.

— Жаль, — сказал Пол. — Отложим до другого раза. — Он обернулся к Марион. — Еще не обкатана. Пойдем?

— Пол, я готова, — сказала она. — Нужно предупредить служителя, что я вернусь за Кадиллаком, не то он подумает, что меня похитили.

— И он будет прав, — сказал Пол. — Увидимся, Ральф, — обернулся он к бармену.

Они были знакомы.

— Пол, я всегда рад тебя видеть, — сказал Ральф.

Таким образом Кайе узнал имена всех троих, но никто не знал, как его зовут. Никто не спросил. Им было неинтересно. Не все ли равно, какое у него имя?

Кайе видел в окно, как Марион разговаривала со служителем на стоянке и потом уселась в распластавшийся Хэмптон.

Ральф обратился к безымянному посетителю:

— Вы механик? Кто-то попросил вас проверить машину на трассе? Советую поднять крышу, собирается дождь.

Гравий, брызнувший из-под задних колес нежно-голубого дракона с лимонно-желтыми кожаными сиденьями, ударил по ногам служителя автостоянки. Привратник у выезда еле успел отпрыгнуть, чтобы спасти свою жизнь.

Кайе, нежно подбадривая машину, приговаривал:

— Все хорошо, поехали, поехали. Я тебя люблю... — и так далее. Он менял передачу так, что машина ускоряла ход, хотя он чувствовал — в его действиях нет необходимости, машина лучше, чем он, знает, куда ехать и что делать, именно для этого она была рождена.

«Мариттима-фраскати» так неслась по дороге, что казалось, будто другие автомобили и грузовики стоят неподвижно. Стрелка показателя температуры на приборном щитке уже дрожала против черточки на краю красной зоны.

— Хорошая девочка, — сказал Кайе. Иногда он разговаривал с машиной как с мальчиком, иногда, как с девочкой.

Машина обогнала Хэмптон, когда была уже на волоске у предела скорости. «Мариттима-фраскати» слегка замедлила ход так, что стала двигаться вровень с Хэмптоном, и Кайе погрозил пальцем Марион и Полу.

Пол покачал головой и помахал Кайе рукой, затем нажал на тормоз и оказался далеко позади. Никаких гонок.

— У него не хватило выдержки, бэби, — сказал Кайе. — Давай-ка покажем всему свету, что такое настоящий характер. — Он до упора выжал педаль газа.

Мотор пронзительно завизжал в агонии, и Кайе, как о случившемся факте, сказал:

— Взрываись, взрываись.

Но мотор не взорвался, не загорелся. Его точнейшие, ювелирно подогнанные детали просто сцепились друг с другом, и мотор перестал быть мотором. Все в нем замерло. За счет последнего ничтожного усилия инерции движения удалось откатить машину на обочину автострады.

Хэмптон, с Полом и Марион на борту, так и не появился. Они, должно быть, свернули где-то далеко позади, подумал Кайе.

Кайе оставил машину там, где она погибла. Автостопом он добрался до деревни, даже не выдумав никакой истории, чтоб объяснить, почему его подвезли. Он вернулся в магазин к Даггетту и стал вести себя так, как если бы пришел работать. МГ все еще стояла в зале. Человек, который сказал, что купит ее для своего сына, передумал.

— Я отпустил тебя на весь день, — сказал Даггетт.

— Я знаю, — сказал Кайе.

— Ну и где же машина?

— Я погубил ее.

— Ты, что?

— Я довел до сорока пяти, когда было сказано, что можно только до тридцати пяти.

— Ты шутишь.

— Сами увидите, — сказал Кайе. — Увидите мертвый спортивный автомобиль. Вы должны послать, чтобы его отбуксировали.

— Господи, мальчик, почему ты это сделал?

— Зовите меня Кайе.

— Кайе, — повторил Даггетт, решивший, что имеет дело с безумцем.

— Кто знает, почему человек совершает тот или иной поступок? — сказал Кайе. — Я не знаю, почему я ее убил. Я только знаю, что рад, что она умерла.

ПОДАРОЧЕК СВЯТОМУ БОЛЬШОМУ НИКУ

Люди болтали: типа, Большой Ник — самый что ни на есть настоящий наследник Аль Капоне, только на современный лад. Он слухов таких не отрицал — да и не подтверждал тоже. И правильно, чего самому на себя криминал возводить.

Покупал он — что душе приглянется: особняк в двадцать три комнаты в пригороде Чикаго, а второй — в семнадцать комнат — в Майами. Лошадок там скаковых, яхту в девяносто футов длиной. Одних костюмов — сто пятнадцать. А еще, среди прочего, вкладывал он денежки в одного боксера среднего веса, в Берни О'Хэйра по прозвищу Вышибала из Шенандоа.

И даже когда тот О'Хэйр на один глаз ослеп — на тернистом пути к вершине боксерской карьеры, значит — не бросил его Большой Ник, а включил в маленькую армию своих телохранителей.

А Большой Ник — он ведь каждый год, незадолго до Рождества, праздник устраивал. Для детишек своих ребят. Ну, вот. Стало быть, праздник на вечер намечен, а утром Берни О'Хэйр, Вышибала из Шенандоа, со своей половиной, Вандой, и с сынишкой своим четырехлетним, Уилли, в дорогой торговый квартал Чикаго за покупками отправился.

Present for Big Saint Nick

© Перевод. Н. Эристави, 2010.

Приходят это они втроем в ювелирный магазин — и тут вдруг малыш Уилли ныть принялся и за штаны отцовы цепляться — что твой пьяный звонарь за веревку колокола.

Берни, мужик молодой, но крутой, исполнительный, вся морда — в шрамах, подносик бархатный с часами отложил, брюки за ремень ухватил, поправил.

— Штаны мои отпусти, Уилли! Отпусти, слышь? — И к Ванде поворачивается. — Вот ты мне скажи: как прикажешь Большому Нику подарочек к Рождеству выбирать, ежели Уилли вот-вот штаны с меня стащит? Убрала б ты его от меня, а, Ван? Что вообще на пацана накатило?

— Здесь где-то, верно, Санта-Клаус, — отвечает Ванда.

— Откуда бы взяться Санта-Клаусам в ювелирных магазинах, — говорит Берни, а потом к продавцу поворачивается: — У вас тут Санта-Клаусов ведь никаких нет, так?

— Что вы, сэр, — продавец говорит. Тут на его морде улыбочка так и расцветает, перегибается он через прилавок и — Уилли: — Но если этому мальчугану вдруг захочется побеседовать со старым добрым святым Ником, мне так кажется, что он найдет этого веселого повелителя эльфов прямо в...

— Еще чего, — буркнул Берни.

Продавец аж побелел.

— Сэр, я всего лишь пытаюсь объяснить, что Санта-Клаус есть в соседнем универмаге, и ваш малыш...

— Ты чё — не видишь, что только сильнее пацана раздраживаешь? — рычит Берни. Присаживается он на корточки перед Уилли. — Уилли, парень, никаких таких Санта-Клаусов на милю вокруг не сыскать. Этот чувак просто волну тебе гонит. Нету никакого Санты в соседнем доме.

— Да вон же, пап, вон! — кричит Уилли. И тычет пальчиком в крошечную фигурку в красном, что стоит на больших часах позади прилавка.

— Умереть, не встать! — говорит тут Берни с изумлением, аж по коленке себя прихлопнув. — У пацана-то, как до Санта-Клаусов доходит, глаз прям орлиный. — И ухмыля-

ется этак успокоительно: — Да чего ты, Уилли, сынок, я на тебя прямо удивляюсь. Этот Санта — маленький, к тому же — пластмассовый. Ничего он тебе не сделает.

— Ненавижу его, — хнычет Уилли.

— Сколько хотите за эту штуковину? — спрашивает Берни.

— Это вы о пластмассовом Санта-Клаусе, сэр? — переспрашивает продавец, изумленный до крайности. — Боже, да это же всего лишь праздничное украшение. Вы, я уверен, сколько угодно таких за пять — десять центов в любой дешевой лавчонке купите.

— А мне надо этого, — рыкнул Берни. — И немедленно. Продавец фигурку ему протянул.

— Совершенно бесплатно, сэр, — говорит. — Подарок от магазина.

Берет Берни Санта-Клауса, швыряет на каменный пол.

— Гляди, — говорит, — Уилли, сынок, че щас папка твой с этим старым бородатым хрычом сделает.

И каблуком с размаху — по фигурке:

— И — эхх!

Уилли сначала улыбнулся этак бледненько, а потом, глядя, как каблук отцовский на статуэтку снова и снова обрушивается, и смеяться стал.

— А теперь сам давай, Уилли, — говорит Берни. — Кто его, на фиг, боится, да?

— Я его старую башку разобью, — лепечет счастливый Уилли. — В куски его расколочу!

И сам давай скакать по Рождественскому Деду.

— Умно с твоей стороны, умнее некуда, — зашипела тут Ванда. — Сначала целый год требуешь, чтоб я приучила его хорошо относиться к Санте, а потом сам же этикие фокусы выкидываешь!

— Должен же я был сделать хоть что-нибудь, чтоб заставить его заткнуться малость! — огрызается Берни. — Ну ладно, ладно уж. Может, теперь побудем малек в тишине и в

покое, чтоб я мог хорошенько часы рассмотреть? Вон те, с бриллиантами на циферблате, — сколько?

— Триста долларов, включая налоги, сэр, — говорит клерк.

— А в темноте они светятся? Мне надо, чтоб светились.

— Разумеется, сэр, циферблат — светящийся.

— Тогда беру, — кивает Берни.

— Триста баксов! — стонет Ванда с отчаянием. — Господи милосердный, Берни...

— Че ты имеешь в виду под «господи милосердный», женщина?! — ревет Берни. — Да мне со стыда бы сгореть, что дарю ему такой вот никчемушный кусок дерьма. Что самому Большому Нику эта дешевка паршивая, часы всего за триста баксов? Ты че-то рот открываешь, а вот не слыхал я, чтоб ты особо рот открывала по случаю бабок, которые на счет наш банковский так и текут. Большой Ник нам — самый настоящий Санта-Клаус, нравится тебе или нет!

— Не нравится, — отвечает Ванда. — Ни мне не нравится, ни Уилли. Посмотри на бедного малыша — у него же все Рождество испорчено!

— А-а, вон ты про что, — Берни говорит. — Да все не так уж и плохо. Со стороны Большого Ника это очень даже добросердечно — праздник для детишек устраивать. Я чё в виду имею — одно дело, что из этого получается, а другое — хочет-то он, как лучше.

— Да уж, доброе у него сердце! — усмехается Ванда. — Как лучше, точно! Выряжается в костюм Санта-Клауса, чтоб детишки вокруг него собачонками прыгали. А он попутно у них всю подноготную их родителей выпрашивает.

Покивал Берни покорно.

— Все так, а что поделаешь?

— Завяжи, — говорит Ванда. — Другую работу себе найди.

— Да что еще я делать-то умею, а, Ван? Всю жизнь же только и делал, что дрался. И потом — где я найду такие бабки, как те, что Большой Ник мне платит? Вот ты скажи — где?

К соседнему прилавку подходит тут высокий, расфуфыренный господин с усами, в поводу — жена, вся в норке, и сынок. Примерно Уиллиных лет сынишка, — все сопел да на дверь входную оглядывался с опаской.

— Ишь ты, — Берни говорит, — да это ж мистер и миссис Пуллман. Ты, Ван, поди их помнишь с прошлого Рождества.

— Бухгалтер Большого Ника, да? — спрашивает Ванда.

— Не-е, адвокат его. — Берни рукой Пуллману помахал — в знак приветствия. — Здравьте, мистер Пуллман.

— А-а, добрый вечер, — поздоровался и Пуллман, без особой, надо заметить, теплоты. А супруге объяснил: — Теплохранитель Большого Ника. Ты, должно быть, помнишь его с прошлого Рождества.

— Вы, гляжу я, как все добрые люди — тоже рождественские подарки в последний момент покупаете, — говорит Берни.

— Да уж, — отвечает Пуллман и на сынишку своего, Ричарда, косится. — Можешь ты перестать наконец сопеть?

— У ребенка это психосоматическое, — встряла миссис Пуллман. — Стоит ему увидеть Санта-Клауса — и все, сразу же начинается сопение. Но ведь невозможно же привести ребенка незадолго до Рождества в торговый район — и не встретить *ни единого* Санта-Клауса! Вот один только минуточку назад вышел прямо из кафе. Перепугал бедняжку Ричарда до полусмерти.

— Не нужен мне сын-сопляк, — прогремел тут Пуллман. — Ричард! Возьми себя в руки! Санта-Клаус — друг и тебе, и мне, и вообще всем нам.

— Лучше бы он у себя на Северном полюсе так и сидел, — отвечает Ричард.

— Чтоб у него там нос отмерз, — подбавляет Уилли.

— И чтоб его ведьмедь полярный сожрал, — подытоживает Ричард.

— Не «ведьмедь», а медведь. Полярный медведь, — поправляет миссис Пуллман.

— Зачем ты поощряешь ненависть мальчика к Санта-Клаусу?! — возмутился Пуллман.

А миссис Пуллман ему:

— А к чему притворство? *Наш* Санта-Клаус — грязный, вульгарный, грубый, дурно пахнущий сквернослов.

У продавца глаза мало из орбит не выкатились.

— Порой, дорогуша, — замечает Пуллман, — мне кажется, что ты уже подзабыла, в каком положении мы находились, пока не повстречали нашего рождественского эльфа. В весьма плачевном.

— Мое мнение — или самоуважение, или смерть, — огрызнулась миссис Пуллман.

— Большие деньги — подмоченная совесть, — отвечает Пуллман. — Одно приходит вместе с другим. И мы все в одной лодке. — Поворачивается он к продавцу, говорит: — Мне, пожалуйста, что-нибудь дико дорогое и совершенно безвкусное, — и неплохо было бы, чтоб оно еще светилось в темноте и обладало встроенным барометром. — Складывает большой и указательный пальцы — жеманно так. — Понимаете примерно, какую вещицу я ищу?

— С сожалением признаю: вы обратились именно туда, куда надо, — кивает продавец. — У нас есть модель «Мэйфлауэра». Сплошная хромированная сталь, а иллюминаторы изнутри красными лампочками подсвечены. Правда, маленькая незадача: встроены в нее часы, а не барометр. А барометр встроен в статуэтку храброго воина. Серебряная статуэтка, и у воина вместо глаз — рубины. Гм.

— Я вот думаю, — вступает миссис Пуллман, — а нельзя ли поставить статуэтку храброго моряка на палубу «Мэйфлауэра»?

— В правильном направлении мыслишь, — одобрил Пуллман. — Даже удивительно, право. И подумать не мог, что ты однажды научишься понимать Большого Ника столь глубоко. — Потер он устало глаза. — Господи, — говорит, — да что ж ему все-таки нужно, что нужно?! Берни, у тебя какие-нибудь идеи есть?

— Ничего ему не надо, — отвечает Берни. — У него всего на свете — куры не клюют. Только он говорит — мол, все равно подарки получать любит. Для того, значит, чтоб они ему про всех его друзей напоминали, сколько ни есть.

— Видимо, он считает, что таким путем друзей легче *пересчитать*, — усмехается Пуллман.

— Не, — отвечает Берни, — Большому Нику друзья и впрямь важны. Ему по сто раз на дню надо толковать, как его все любят, а то он из себя выходит, мебель крушить принимается, во как.

Пуллман покивал задумчиво.

— Ричард, — сказал сынишке, — ты помнишь, что должен сказать Санта-Клаусу, когда тот тебя спросит, как мамочка с папочкой относятся к дяде Большому Нику?

— Мамочка с папочкой любят Большого Ника, — гундосит Ричард. — Мамочка с папочкой считают, что он — настоящий джентльмен.

— А ты, Уилли, че скажешь? — спрашивает Берни своего отпрыска.

— Мамочка с папочкой говорят, мы дяде Большому Нику всем обязаны, — пищит Уилли. — Большой Ник — он добрый, щедрый.

— Все вокруг любят Большого Ника, — отчеканила Ванда.

— А кто не любил — тот отдыхает на дне озера Мичиган, надежно упакованный в цемент, — добавил Пуллман и мило улыбнулся продавцу, что как раз поднес ему модель «Мэй-флауэра» и статуэтку бравого моряка. — В самый раз, как раз то, что нужно. Последний вопрос: а в темноте они светятся?

В день детского праздника Берни О'Хэйр стоял на страже у парадного входа в особняк Большого Ника. В данный момент он как раз мистера и миссис Пуллман с сынишкой приветствовал.

— Хо-хо-хо, — шепнул Берни.

— Хо-хо-хо, — Пуллман ему в ответ.

— Ну, чё, Ричард, — говорит Берни Пуллману-младшему, — я гляжу, ты сегодня вроде как утихомирился?

— Мне папочка половинку снотворной таблетки дал, — пишит Ричард.

— Что, — спрашивает миссис Пуллман, — хозяин дома принял уже достаточную дозу горячительного напитка?

— Извиняйте, не попал? — дивится Берни.

— Я вас спрашиваю: он уже нажрался?

— А рыбы в воде живут или как? — хмыкает Берни.

— А солнце каждый день встает? — подтягивает Пуллман.

Тут загудел маленький телефон внутренней связи на стене.

— Чё, Ник? — говорит Берни.

— Они все уже? — интересуется кто-то сурово.

— Точно, Ник. Только что Пуллманы прибыли, а они — последние. Остальные в гостиной уже дожидаются.

— Займись там, — бурчит Ник и вешает трубку.

Вздыхнул Берни тяжело. Гирлянду колокольчиков из стенного шкафа вытащил, систему сигнализации вырубил, спрятался в кусты на лужайке.

Потряс колокольчики. Заорал во всю мочь:

— Эй, ребята! Санта-Клаус прибыл! И олешки его — Большерогий, Быстроногий, Серебряное копытце и Золотой глазок! Люди добрые! Прямо у нас на крыше приземлились-то! А вон Санта уже и в дом залазит — через окошко спальни!

А после в дом зашел, колокольцы снова в шкаф упрятал, дверь на все засовы и запоры запер, систему сигнализации обратно включил, а после — прямоком в гостиную, где двенадцать ребятшек и восемь пар папаш с мамами сидели тихонечко.

Все мужики, что там были, на Ника работали. И Берни — тот единственный из них был, что типичным «быком» смотрелся. Остальные на вид — ни дать, ни взять, респектабельные, честные предприниматели. Трудились они у Ника в штаб-квартире, где никаким насилием и жестокостью даже

не пахло. Типа бухгалтерские книги вели, финансовые и юридические консультации предоставляли, а так же разъясняли Нику, как с преступной его деятельностью управляться самими что ни на есть современными, значит, научными методами. Белая кость среди его людей, короче. Плюс у всех — детишки, достаточно мелкие, чтоб еще в Санта-Клауса верить.

— С Рождеством вас всех! — хрипло ревет Санта-Клаус, и его тяжелые черные ботинки грохочут вниз по лестнице.

Уилли из объятий материнских вывернулся. Бросился к Берни — отец всяко лучше защитит.

Внизу лестницы Санта-Клаус на перила облокотился. Борода — из ваты, а из-под белых усов сигара торчит. Запывшие глазки хитро косят, перебегают по лицам приглашенных. Толстый этот Санта-Клаус, и лицо — бедное, отечное. А перегаром от него так и разит.

— Вот сей момент приперся из собственной мастерской на Северном полюсе, — сообщает этак с вызовом. — Чё тут, никто даже и не поздоровается с самим святым Ником?

Родители, что в комнате сидели, так и зашикали на детишек, сидевших, ровно каменные, — давайте, мол.

— Громче уже! — ревет Санта. — Не в мертвецкой сидим.

И пальцем-сосиской на Ричарда Пуллмана кажет:

— Ты, сынок, хорошим пацаном был, точно?

Мистер Пуллман сынишку стиснул, точно волынщик — инструмент свой.

— Да-а! — взвизгнул Ричард.

— Без базара? — спрашивает Санта подозрительно. — С папой-мамой не борзел?

— Не-ет! — кричит Ричард.

— Лады, — говорит Санта. — Прикинь, может, я тебе электрическую железную дорогу привез. А может, и нет.

Порылся он в грудe разноцветных свертков под огромной елкой.

— Куда ж я задевал эту гребаную железную дорогу, а? — а после вдруг нашел сверток, на котором имя Ричарда было написано. — Ну, чё, — хочешь?

— Ага, — шепчет Ричард.

— Ну, тогда и веди себя так, чтоб я это понял! — ворчит Санта.

Малыш Ричард, бедняга, только слюну сглотнул.

— Ты, пацан, прикинь вообще, сколько эта дорога стоит? — говорит Санта. — Сто двадцать четыре бакса с мелочью! — Выдерживает драматическую паузу. — И это — ежели только *оптом* брать.

Наклонился он над Ричардом:

— Ну, сынок, скажи теперь спасибо!

Мистер Пуллман снова бока Ричарда сжал.

— Спа-асибо, — протянул Ричард.

— Да уж точно «спасибо», без базара, — ухмыльнулся Санта с таким горьким сарказмом. — Со своего старика ты железную дорогу за сто двадцать четыре пятьдесят хрен когда получишь, век свободы не видать. Слышь, пацан, я те вот че скажу: кабы не я, папаша твой по сей день не знал бы, как за больничные счета расплатиться и чем кредиты отдавать. Я так понимаю, это здесь все помнят.

Мистер Пуллман зашептал что-то сынишке.

— Че за хрень такая? — спрашивает Санта. — Ну, пацан, говори — че тебе твой папаша шепнул?

— Папа сказал: «Камень ударит, а злое слово — так пролетит», — похоже, Ричарду было неловко за отцовы высказывания. Не говоря уж про миссис Пуллман — она так устыдилась, что только воздух ртом хватать могла.

— Ха! — ухмыльнулся Санта. — Мощно сказано. Башку об заклад поставлю — он эту фразочку раз десять на дню изрекает, не меньше. Ну ладно, — а вот чё он про Большого Ника дома болтает, а? Давай, Ричард, — ты с самим Санта-Клаусом базаришь, а у меня там на Северном полюсе особая книжка заныкана — про детишек, которые неправду говорят. Так и че твой папашка по-настоящему думает про Большого Ника?

Пуллман взор в никуда устремил — с таким, значит, видом, ровно ему и дела нет до того, что Ричард ответит.

— Мамочка с папочкой, — выдал Ричард урок, как по нотам, — говорят: Большой Ник — истинный джентльмен. Мамочка с папочкой любят Большого Ника.

— Ладно, сынок, — заулыбался Санта, — вот тебе твоя дорога железная. Хороший ты пацан.

— Спасибо, — пищит Ричард.

— А тут у меня еще огромная кукла для красотули Гвен Зерба, — говорит Санта, очередной сверток из-под елки извлекая. — Только ты, Гвен, сначала сюда выйди. Давай на ушко с тобой пошепчемся, а, детка? Чтоб никто нас с тобой не подслушивал?

Главный бухгалтер Большого Ника, так поддал дочурке в спину — она к Санта-Клаусу прямо бегом выбежала. А папаша сам — маленький он был, толстенький такой — ухмыльнулся двусмысленно, уши наострил, да и позеленел слегка. Кончились вопросы. Выдохнул Зерба с облегчением, снова малость порозовел. Санта-Клаус до ушей улыбается, Гвен куклу в свой угол тащит.

— Уилли О'Хэйр! — возглашает Санта-Клаус. — Говори Санте все, как на духу, — получишь клевый кораблик. Что твои старичок со старушкой там треплят про Большого Ника?

— Говорят — они ему многим обязаны, — отвечает Уилли покорно.

Санта-Клаус так хохотом и взорвался.

— Да уж без балды — обязаны, сынок! Прикинь, Уилли, где бы твой папашка был сейчас без Большого Ника? Со всем бы крышей поехал, сам с собой болтал бы, в башке — пустота кромешная, мозги наперекосяк. Вот тебе, пацан, твой кораблик. И это — с Рождеством тебя.

— Вам тоже счастливого Рождества, — ответил воспитанный Уилли. — Извиняюсь, а тряпочку мне можно?

— Тряпочку? — подивился Санта.

— Пожалуйста, — тянет Уилли. — Мне бы кораблик потереть.

— Уилли! — так и ахнули хором Берни с Вандой.

— Тихо, тихо, без понтов, — говорит Санта. — Пускай пацан выскажется. Тебе *зачем* кораблик протереть надо, а, Уилли?

— Грязь с него стереть бы и кровь, — отвечает Уилли.

— Кровь?! — рычит Санта. — Грязь?!

— Уилли! — вопиет Берни.

— Мама говорит: все, что мы от Санты получаем, кровью заляпано, — объясняет Уилли и указывает на миссис Пуллман. — А вон там тетя говорит: Санта грязный.

— Ничего, ничего подобного я в жизни не говорила! — визжит миссис Пуллман.

— Говорила-говорила, — вступает Ричард, — я сам слышал.

— А мой папочка, — светски нарушает Гвен Зерба неловкое молчание, — говорит: что собаку целовать, что Санта-Клауса.

— Гвен! — стонет ее отец.

— А я собачку свою каждый день целую, — продолжает Гвен, явно намеренная мысль свою до конца довести, — и ни разу не заболела. Вот.

— Наверно, мы кровь с грязью и дома отмыть сумеем, — говорит Уилли задумчиво.

— Ах, ты чистоплюй мелкий, сучонок! — ревет Санта-Клаус и уже замахивается — вмазать, значит, Уилли.

Берни тут вскочил молнией — и руки Санты накрепко перехватил.

— Пожалуйста, — говорит. — Пацан ничего такого в виду не имел.

— Руки поганные от меня убери! — орет Санта. — Тебе чё — совсем жить надоело?!

Отпустил Берни Санта-Клауса.

— Чё, — спрашивает Санта, — и «извиняюсь» не скажешь? Я-то думал, уж на извинения тебя хватит.

— Прости меня, Санта-Клаус, пожалуйста, — говорит Берни... и тут же кулак свой огромный в зубы Санты впечат-

тывает, прямехонько, значит, в сигару. И влетает Санта точно в рождественскую елку, а после и вниз сползает, за гирлянды цепляясь и срывая их.

Детишки так завопили от восторга — в комнате больше ничего не слышать стало. А Берни только ухмыльнулся широко — да руки победным жестом над головой вскинул, дескать, вот он, пояс мой чемпионский!

— Заткните детишек, вы! — зарычал Санта-Клаус. — Щас же заткните — или все вы, считай, покойники!

Папаши с мамашами кинулись было к ребятам, да куда — как их утихомиришь! Вырвались из рук — прыгают, кричат, свистят, над поверженным Сантой измываются...

— Пускай он бороду свою сожрет, Берни!

— Северным оленям его скорми!

— Сволочи вы бескультурные! Все — покойники! — в голос орет Санта, так и лежа на полу. — Да я таких, как вы, оптом по двадцать пять баксов за нос закажу, так мне еще и скидка выйдет — по пятеро трупов за сотню! Валите отсюда!

Как же счастливы были детишки! Даже пальтишки не стали надевать — так и выбежали, танцуя, из дома. И распевали при этом «Бубенцы, бубенцы... чтоб те, старый хрыч», «Мишурю подавись, старый Санта-Клаус»*, и еще всякое, в том же духе. Слишком они юны и невинны были, чтоб понять: ни черта не изменилось в общей экономической структуре, в которой отцы их по горло увязли. Слишком часто они в кино видали: один хороший хук главного героя в челюсть главного злодея — и ад превращается, значит, в истинный рай на земле.

Санта-Клаус — тот, размахивая руками, следом за детишками родителей из дома выставял.

— Я вас достану, куда бы вы ни схоронились! — орал. — Я вам столько добра сделал — а вы вон как мне заплатили!

---

* Автор иронически обыгрывает популярные рождественские песенки «Бубенцы, бубенцы радостно звенят» и «Ты явись, явись, явись, старый Санта-Клаус».

Что ж, и я вам заплачу, да еще и с лихвой. Я ваши задницы с лица земли сотру!

— А мой папка Санте врезал, так врезал! — вопил Уилли.

— Все, я покойник. — О'Хэйр супружнице шепнул.

А она в ответ:

— Видать, и я покойница. Только дело, почитай, того стоило. Ты только глянь, до чего ж ребятишки радуются!

Что их ждало? Ясное дело — смерть от пуль киллера, ежели, конечно, не успеют забиться в какую ни то богом забытую глушь, до которой у мафии руки еще не дошли. К Пуллманам, кстати, это тоже относилось.

Святой Николай снова в дом вбежал, а после опять выскочил, в руках — цельная кипа свертков в ярких праздничных упаковках. По белой бороде — алые потеки крови, что у него из носа хлестала. Сорвал он с одного подарочка упаковку. Зажигалку вытащил — большую, в виде рыцаря в полном доспехе. Прочитал карточку, к ней приложенную, а там — «Большому Нику, моему дорогому и единственному. Люблю тебя безумно». И — подпись знаменитой кинозвезды голливудской.

После раскрывает еще один пакет, красивее даже.

— Ага, — говорит, — долгий путь проделал подарочек от дорогого друга в Италии!

Рванул изо всех сил алую ленточку. Взрыв раздался — не только бороду окровавленную и шапочку красную, мехом отороченную, с него снес, но и нос с подбородком заодно. Ну, и бардак же! Стоило б сказать — что за жуткое зрелище для бедных малышей, но нет — кто-кто, а уж дети такую картинку на все блага мира не променяли бы.

Уехала полиция, увезла в морг труп, от шеи вниз разряженный на манер Криса Крингла*. А супружница О'Хэйра вот что мужу сказала:

* Крис Крингл — одно из многочисленных американских прозвищ Санта-Клауса.

— Я так понимаю, это Рождество ребятишки не скоро позабудут. Сердцем чую — так оно и будет.

Сынишка же их, Уилли, тот и сувениром обзавелся — на память. Поздравительная открытка то была, что к бомбе прилагалась. И написано на ней было: «Счастливого Рождества самому славному парню на свете». А подписано коротко — «Семья».

Так вот жестко и закончилась эта сказка. А папашам детишек еще и новую работу пришлось искать. Хо-хо-хо!

БЕСПЛАТНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

Большинство замужних дам не встречаются со своими бывшими, чтобы пропустить по коктейльчику, не посылают им открыток на Рождество и не всегда способны взглянуть им в глаза. Но если этот бывший занимается чем-то нужным — удаляет аппендиксы или продает оконные жалюзи, — они готовы на голубом глазу вновь вломиться в его жизнь, ради крупной скидки или рассрочки.

Если бы Дон Жуан решил открыть магазин бытовой техники, прежние пассии разорили бы его в пух и прах где-то за год.

Я зарабатываю на жизнь консультациями по купле-продаже акций и облигаций. Я представляю известную инвестиционную компанию, и мои бывшие возлюбленные, даже совсем-совсем бывшие, приходят ко мне со всеми финансовыми вопросами.

Я холостяк, поэтому в благодарность за дельные советы, которые мне, в сущности, ничего не стоят, мои бывшие иногда одаряют меня бесценными подношениями — домашней едой.

Крупнейший инвестиционный пакет, который я анализировал в обмен на ностальгию и жареную курицу, принадлежал Селесте Дивайн. Наши пути разошлись еще в стар-

шей школе, и в течение семнадцати лет мы вообще не общались, пока она неожиданно не позвонила мне в офис:

— Привет, давно не виделись.

Селеста Дивайн — певица. У нее черные кудрявые волосы, большие карие глаза и полные, блестящие губы. В гриме, блестках и золотой парче она еженедельно появляется перед телевизионными камерами и целый час объясняется в любви всему миру. За эту общественную нагрузку она получает пять тысяч долларов в неделю.

— Давно хотела с тобой повидаться, — сказала Селеста. — Что скажешь насчет домашней курятины, печеной картошки и земляничного пирога?

— Мм-м... — ответил я.

— А после ужина, — продолжала Селеста, — вы с Гарри засядете перед жарким камином и вспомните старые добрые времена.

— Блеск, — сказал я.

Мне сразу представились отблески пламени на колонках цифр, «Уолл-стрит джорнал», рекламные проспекты и финансовые графики. Я явственно слышал, как Селеста и ее муж Гарри мурлычат о свежескошенной траве, привилегированных акциях «Америкен Брейк Шу», отражении полной луны в тихих водах реки Уабаш, трехпроцентных займах «Эдисон Консолидейтед», ячменном хлебе и Чикаго, Милуоки, святом Павле и сети универмагов «Пасифик».

— Нас тут не было всего пару лет, а словно вечность прошла, столько всего случилось, — говорила Селеста. — Так приятно общаться с земляком, старым другом...

— Да, карьера у тебя просто головокружительная, — согласился я.

— Чувствую себя Золушкой. Еще вчера мы с Гарри с трудом сводили концы с концами на его зарплату автомеханика, а сегодня все, к чему я прикасаюсь, превращается в золото.

Уже повесив трубку, я задумался о положении, в котором оказался Гарри.

Собственно, из-за этого самого Гарри мы в свое время и расстались с Селестой. Я помню его невысоким, симпатичным, немного сонным парнем, которому в жизни не нужно было ничего, кроме первой красавицы города и честной работы в автосервисе. Через неделю после окончания школы он получил и то и другое.

В назначенный день я позвонил в дверь дома Дивайнов, и сама Селеста, с телом богини любви и идеальным кукольным личиком, впустила меня внутрь.

Парочка свила свое гнездышко в старом особняке у реки, огромном и уродливом, как вокзал в Скенектади.

Селеста протянула мне руку для поцелуя, и я, окутанный красотой и запахом духов, покорно поцеловал ее.

— Гарри! Гарри! — крикнула она. — Смотри, кто к нам пришел!

Я почему-то подумал, что сейчас ко мне выйдет не Гарри, а его жалкие останки, труп или даже скелет. Но Гарри не вышел вообще.

— Он у себя в кабинете, — сказала Селеста. — Если о чем-то задумается — все, считай, он на другой планете.

Она осторожно приоткрыла дверь.

— Видишь?

Гарри возлежал на полосатом ковре «под тигра» и тарасился в потолок. В руках он сжимал пустой стакан, а рядом на полу стоял запотевший графин с мартини. Гарри отрешенно гонял по дну стакана одинокую оливку, туда-сюда, туда-сюда.

— Милый, — мягко сказала Селеста, — я не хотела тебя беспокоить, но...

— Что? Что такое? — Гарри встрепенулся и сел. — Ой! Прошу прощения. Я не слышал, как ты пришел.

Он вскочил на ноги и затряс мою руку в крепком рукопожатии. Я отметил, что прошедшие годы его практически не затронули.

Гарри был чем-то возбужден, но из-под его внешней бурливости проглядывало все то же сонное довольство, которое я помнил со школьных времен.

— Я не могу даже расслабиться. Не имею права, — тараторил он. — Вся эта чертова индустрия только и делает, что расслабляется. Если и я тоже расслаблюсь, все рухнет. Десять тысяч человек лишатся работы. — Он взял меня под локоть. — А прибавь сюда их семьи — и вот тебе выйдет немаленький такой город на кону.

— Ничего не понимаю. На каком кону, что вообще происходит?

— Отрасль! — воскликнул Гарри.

— Какая отрасль?!

— Производство кетчупа, — пояснила Селеста.

Гарри уставился на меня.

— Вот что такое кетчуп, по твоему? Соус? Приправа? Томатная паста?

— Когда как, наверное.

Гарри стукнул ладонью по кофейному столику.

— Вот тебе яркий пример дури в кетчупной индустрии. Они сами не понимают, что выпускают! Если мы не способны договориться даже об определении продукта, мы так и будем барахтаться порознь.

Гарри наполнил свой стакан, усадил нас в кресла, а сам улегся обратно на «тигровую шкуру».

— Гарри нашел себя, — улыбнулась Селеста. — Я прямо не нарадуюсь. Он столько времени был сам не свой. Когда мы только сюда переехали. Скандалили не переставая, помнишь, Гарри?

— Я был незрелым, признаю.

— А потом, — продолжала Селеста, — когда все стало уже совсем плохо, Гарри вдруг расцвел! Я увидела совершенно нового мужа!

Гарри надергал шерсти из ковра, скатал ее в шарик и кинул в камин.

— У меня был комплекс неполноценности, — сказал он. — Мне казалось, что быть механиком — это предел моих скромных возможностей, и дальше мне не продвинуться.

Он отмахнулся от наших с Селестой попыток возразить.

— Потом я обнаружил, что банальный здравый смысл — главный дефицит в мире бизнеса. По сравнению с большинством из тех, кто сейчас занимается кетчупом, я Эйнштейн.

— Кстати, насчет цветения — Селеста все хорошеет и хорошеет.

— Мм-м?

— Я говорю, что Селеста — настоящее сокровище, одна из самых знаменитых красавиц страны. Повезло тебе, — сказал я.

— Да-да, конечно, — пробормотал Гарри, думая о чем-то своем.

— Ты ведь знала, чего хотела, и получила это? — спросил я Селесту.

— Я... — начала она.

— Скажи мне, Селеста, какая теперь у тебя жизнь? Бурлит, наверное — телевидение, выступления в ночных клубах, известность, все дела.

— Это, — сказала Селеста. — Это не...

— Это как в производстве кетчупа, — перебил Гарри. — Шоу должно продвигаться, струиться, кетчуп должен продвигаться, струиться. Им нужно все здесь и сейчас. Вот чтобы по первому слову. Раз — и оно сразу же появилось. Они не успевают задуматься о том, как оно там появилось. Их это не интересует. — Он хлопнул рукой по бедру. — Но без сотен и сотен людей, которые рвут пупок, чтобы все изготовить и доставить по адресу, не будет ни телевидения, ни кетчупа!

— Селеста, мне очень понравилось твое исполнение «Одиночества», — сказал я. — Там, в последнем куплете, ты...

Гарри хлопнул в ладоши.

— Она отлично поет. Мы бы стали ее спонсорами, если бы индустрия могла хоть о чем-то договориться. — Он пе-

ревернулся на живот и уставился на Селесту. — Мамуся, как насчет пожрать?

Разговоры за ужином плавно перетекали от одной темы к другой, но, как шарик на мошеннической рулетке, неизменно возвращались к производству кетчупа.

Селеста пыталась заговорить о вложении своих денег, но этот вопрос, обычно животрепещущий и насущный, раз за разом захлебывался и тонул в кетчупном море.

— Сейчас я зарабатываю по пять тысяч в неделю, — говорила Селеста, — и вокруг меня, наверное, миллион всяких советчиков, знающих, как распорядиться моими деньгами. Но я хотела спросить совета у друга, у старого друга.

— Все зависит от того, чего ты ждешь от своих инвестиций, — ответил я. — Роста? Стабильности? Быстрого возврата вложений?

— Главное — не надо вкладывать деньги в производство кетчупа, — встрял Гарри. — Если они очнутя, то есть, если я смогу их растормошить, то первый скажу — вкладывайся в кетчуп и не вздумай выходить. Но пока все остается как есть, можешь с тем же успехом вложить свои деньги в мавзолей генерала Гранта.

— Эм-м... Селеста, мне кажется, что при твоей структуре налогов важнее вложиться в рост, а не ждать немедленных дивидендов.

— Ой, эти налоги! — воскликнула Селеста. — Гарри посчитал, что ему выгоднее работать вообще бесплатно.

— За любовь, — кивнул Гарри.

— А в какой компании ты работаешь?

— Я консультирую индустрию в целом, — заявил Гарри. Зазвонил телефон. Вошла служанка и сказала, что просят Селесту — на линии был ее агент.

Я остался один на один с Гарри и обнаружил, что мне не приходит в голову ничего, что не казалось бы банальным и мелким перед лицом надвигающегося краха индустрии кетчупа.

Чувствуя себя неудобно, я начал смотреть по сторонам и обнаружил, что стена за моей спиной украшена множеством солидного вида документов с сургучными печатями, лентами и витиеватыми подписями с кучей вензелей.

Они были выданы самыми разными объединениями человеческих существ, и общего в этих бумагах было одно: они все славословили Селесту. Она была и «Образцом для подрастающего поколения», и «Телевизионным открытием года». Она участвовала в Неделе пожарной безопасности, давала концерты в армии...

— Какая женщина, — сказал я.

— Видишь, как надо придавать веса подобным вещам? — спросил Гарри. — У этих бумаг такой вид, будто они действительно чего-то стоят.

— Да, как договора о ненападении, — согласился я.

— Люди, вручающие кому-то такие штуки, считают их ценными — даже если это никчемная бумажка, да еще и с орфографическими ошибками. Им это приятно. Они чувствуют собственную значительность.

— Может быть, — кивнул я. — Но все-таки эти дипломы выражают какую-то признательность и уважение.

— Поэтому их надо вручать за толковые предложения. Я пытаюсь пробить эту идею. Если кто-то придумал, как улучшить некий процесс, дайте ему сертификат, грамоту, любую финтифлюшку, чтобы он мог вставить ее в рамку, повесить на стену и хвастаться перед знакомыми.

В комнату вернулась Селеста — она явно была чем-то взволнована.

— Дорогой, — сказала она Гарри.

— Я рассказываю ему про награды за дельные предложения, — сказал Гарри. Он снова повернулся ко мне. — Прежде, чем ты сумеешь понять, в чем они состоят, тебе надо понять, как делается кетчуп. Все начинается на ферме, с помидоров, так?

— Дорогой, — повторила Селеста. — Извини, что я тебя перебиваю, но мне только что предложили роль жены президента.

— Соглашайся, если хочешь, — ответил Гарри. — Не хочешь — откажись. Так на чем мы остановились?

— На кетчупе, — подсказал я.

Уехав от Дивайнов, я никак не мог отделаться от ощущения обреченности.

Беспокойство Гарри о судьбе индустрии кетчупа перешло и мне тоже, стало частью меня. Один вечер с Гарри приравнялся к году одиночного заключения в баке с кетчупом. Человек, переживший такое, просто не может не обзавестись вполне определенным мнением насчет этого продукта.

— Гарри, может, мы как-нибудь пообедаем вместе, — предложил я, уходя. — Давай свой рабочий номер, созвонимся.

— Его нет в справочнике, — пробурчал Гарри и весьма неохотно записал номер на бумажке. — Не надо его никому давать, ладно?

— Иначе ему будут постоянно звонить и капать на мозги, — подтвердила Селеста.

— Спокойной ночи, Селеста. Я очень рад за тебя, за твой успех. С другой стороны, чего ожидать при таком-то лице, таком голосе и имени? Даже менять ничего не пришлось, правда?

— В отличие от кетчупа, — подключился Гарри. — Изначально кетчуп не имел ничего общего с тем, что мы сейчас называем кетчупом. Тогда его делали из грибов, каштанов и множества других ингредиентов. Все началось в Малайе. «Кетчуп» на малайском означает «вкус». Мало кто это знает.

— Я точно не знал. Ну ладно, спокойной ночи!

Несколько недель мне было не до Гарри, но потом ко мне зашел крупный клиент, мистер Артур Дж. Бантинг, благородный старый джентльмен, высокий, осанистый, с седыми усами и пронзительными глазами старого индейского охотника.

Мистер Бантинг продал завод, которым владели три поколения его семьи, и теперь просил у меня совета о наилучшем вложении вырученных денег. Его завод производил кетчуп.

— Меня всегда интересовало, — сказал я, — как бы приняли в этой стране кетчуп, сделанный по настоящему малайскому рецепту.

За секунду до этого мистер Бантинг выглядел усталым пожилым человеком, подводящим итоги своей жизни. А тут он весь просиял.

— Вы интересуетесь кетчупом?

— Как любитель, не более.

— Кто-то из вашей семьи им занимается?

— Один друг.

Лицо мистера Бантинга вновь стало печальным.

— Я, мой отец и отец моего отца делали лучший кетчуп, который когда-либо видел мир, — сказал он тихо. — Мы никогда не экономили на качестве.

Он вздохнул.

— Я так жалею, что продал завод! На моем примере можно писать трагедию: «Человек продает нечто бесценное за цену, перед которой не в силах устоять».

— Сейчас такое нередко случается, — сказал я.

— Производить кетчуп сейчас немодно. Многие считают это глупостью, — продолжал мистер Бантинг. — Но бога ради, если бы все делали свою работу с тем же тщанием, что и мой дед, мой отец и я сам, этот мир был бы идеальным! Вот что я вам скажу!

Я кивнул, снял трубку телефона и набрал рабочий номер Гарри.

— У меня есть друг, с которым я бы очень хотел вас познакомить, мистер Бантинг. Надеюсь, он сможет с нами пообедать.

— Да, да, отлично, — согласился он. — А теперь жизнь трех поколений находится в руках чужаков.

Трубку взял мужчина с хриплым голосом.

— Да?

— Мистера Гарри Дивайна, пожалуйста.

— Он вышел на обед. Вернется к часу.

— Жаль, — я повесил трубку. — Мистер Бантинг, было бы замечательно свести вас вместе.

— А кто он, ваш друг?

— Кто он? — рассмеялся я. — Ну как же, мой друг Гарри — сам мистер Кетчуп!

Мистер Бантинг дернулся, словно ему выстрелили в живот.

— Мистер Кетчуп? — потерянно пробормотал он. — Так когда-то звали меня. У кого он работает?

— Он консультирует индустрию в целом.

Уголки рта у старика горестно опустились вниз.

— Я даже не слышал о нем. Господи, как быстро все меняется...

Весь обед мистер Бантинг никак не мог успокоиться.

— Мистер Бантинг, поверьте, — говорил я. — «Мистер Кетчуп» в данном случае — большое преувеличение. Я уверен, что Гарри не претендует на этот титул. Я просто имел в виду, что кетчуп занимает большое место и в его жизни тоже.

Мистер Бантинг мрачно опустошил свой стакан.

— Новые имена, новые лица. Молодые выскочки, молоко на губах не обсохло, а уже знают ответы на все вопросы и встают у руля. Но понимают ли они, что в их руках — богатейшее наследие, которое нужно уважать и защищать? — Его голос дрожал. — Или они все разрушат, даже не спросив причины, по которой все было выстроено именно так?

По ресторану прокатился гул. В дверях стояла Селеста, райская птица, виновница всеобщего возбуждения.

Рядом с ней, развлекая супругу бурным разговором, шел Гарри.

Я помахал им рукой, и они направились к нашему столу, используя метрдотеля в качестве лоцмана. Последний, конечно же, был доволен сверх всякой меры.

Гарри, который, казалось, абсолютно не замечал взглядов, направленных на его жену со всех концов ресторана, кричал ей что-то про производство кетчупа.

— И знаешь, что я им сказал? — выпалил он, добравшись до нашего столика.

— Нет, дорогой, — ответила Селеста.

— Я сказал, что у них есть только один выход — сжечь к чертовой матери все заводы по производству кетчупа. А потом, когда мы начнем отстраивать их заново, то на этот раз сделаем все с умом!

Мистер Бантинг вскочил со стула, белый как мел. Каждый мускул его тела, казалось, был напряжен до предела.

Я смущенно представил вновь прибывших.

— Польщен знакомством, — сказал мистер Бантинг.

Селеста тепло улыбнулась ему, но опешила, когда мистер Бантинг уставился на Гарри с нескрываемой ненавистью.

Гарри был слишком возбужден, чтобы замечать, что творится вокруг.

— Я сейчас пишу историческое исследование об индустрии кетчупа. Хочу выяснить, застряла ли она в Средневековье или все-таки вышла и тут же откатилась обратно.

У меня вырвался идиотский смешок.

— Мистер Бантинг, вы, я думаю, не раз видели Селесту по телевизору. Она...

— Телерадиовещание, — встрял Гарри, — достигло таких высот, что они могут в долю секунды разослать изображение моей жены по сорока миллионам домов. А производство кетчупа безнадежно увязло в попытках побороть тиксотропию.

Мистер Бантинг не выдержал.

— А людям нужно, чтобы с тиксотропией боролись? — взорвался он. — Может, им нужен просто хороший кетчуп, и плевать на тиксотропию! Им нужен аромат! Им нужно качество! Избавьтесь от тиксотропии, и вы получите какую-то красную бурду под старым благородным именем!

Его буквально трясло от ярости.

Гарри остолбенел.

— Вы знаете, что такое тиксотропия?

— Разумеется, я знаю! — прорычал Бантинг. — И я знаю, что такое хороший кетчуп. И еще я знаю, кто вы такой: наглое, пронырливое, самовлюбленное ничтожество!

Он повернулся ко мне.

— Скажи мне, кто твой друг... Прощайте!

Он величественно покинул ресторан.

— У него были слезы на глазах, — сказала пораженная Селеста.

— Вся его жизнь, жизни его отца и деда были посвящены кетчупу, — объяснил я. — Мне казалось, что Гарри должен его знать. Мне казалось, что все в этой отрасли знают Артура Дж. Бантинга.

На Гарри было жалко смотреть.

— Я его обидел, да? Я не специально, честное слово.

Селеста взяла его за руку.

— Дорогой, ты как Луи Пастер. Он ведь тоже, наверно, обидел многих старых докторов.

— Да, — согласился Гарри. — Я похож на Луи Пастера.

— Конфликт поколений, вечная тема.

— Он был важным клиентом? — спросил Гарри.

— Да, весьма.

— Извини. Честное слово, мне очень жаль. Я ему позволю и все объясню.

— Гарри, я не хочу, чтобы ты шел против своих убеждений. Только не из-за меня.

На следующий день мистер Бантинг позвонил мне и сказал, что принял извинения Гарри.

— Он объяснил мне, как попал в индустрию кетчупа, и обещал покончить с этим. Насколько я понимаю, вопрос закрыт.

Я тут же позвонил Гарри.

— Гарри, дорогой! Работа с мистером Бантингом не настолько для меня важна. Если ты прав насчет кетчупа, а Бантинги ошибаются, ты должен стоять на своем и бороться!

— Да все о'кей, — сказал Гарри. — Мне уже так надоел этот кетчуп. Я все равно собирался заняться чем-нибудь другим.

Он повесил трубку. Я перезвонил, но на том конце сказали, что он ушел на обед.

— А вы не скажете куда?

— Да тут через дорогу. Я вижу его в окно.

Я записал адрес ресторана и поймал такси.

Ресторан оказался дешевой и грязной столовкой через дорогу от автосервиса. Я осмотрелся и заметил Гарри на табурете у прилавка — он наблюдал за мной сквозь стекло автомата по продаже сигарет.

На Гарри был измазанный комбинезон. Он развернулся и протянул мне руку с ногтями в черных траурных рамках.

— Разрешите представиться, новый король птичьих кормов.

Его рукопожатие было по-прежнему крепким.

— Гарри, ты работаешь автомехаником?

— Не более, чем полтора часа назад человек со сломанным бензонасосом благодарил господу за это. Присаживайся.

— А что с производством кетчупа?

— Оно спасло мой брак и мою жизнь, — ответил Гарри. — И я благодарен его основателям, таким, как Бантинги.

— И ты все бросил, вот так, сразу?

— Так ничего и не было, — признался Гарри. — Бантинг дал слово не распространяться, и того же я жду от тебя.

— Но ты столько знаешь о кетчупе!

— В течение полутора лет, с того момента, как Селеста стала богатой и мы переехали сюда, я болтался по улицам и искал работу, достойную мужа знаменитой красавицы Селесты.

При воспоминании о том мрачном времени он потер переносицу и потянулся за кетчупом.

— Когда я замерзал, промокал или уже валился с ног от усталости, то заходил в публичную библиотеку и читал книги о разных разностях, которыми люди зарабатывают на жизнь. В том числе и о производстве кетчупа.

Он начал яростно трясти бутылку над гамбургером в своей тарелке. Бутылка была почти полной, но кетчуп не выходил.

— Видишь? Если трясти кетчуп вот так, он ведет себя, как твердое вещество. А если встряхнуть по-другому, он превращается в жидкость.

Гарри нежно покачал бутылку, и на гамбургер легла солидная капля кетчупа.

— Знаешь, как это называется?

— Нет, — признался я.

— Тиксотропия, — он со смехом хлопнул меня по плечу. — Видишь, кое-чему ты сегодня научился.

DER ARME ДОЛЬМЕТЧЕР*

В один из дней 1944 года, посреди ада, разверзшегося на линии фронта, пришло удивительное известие — меня назначали переводчиком, — *дольметчером*, если угодно, целого батальона, и квартировать мне предстояло в доме бельгийского бургомистра аккурат в пределах досягаемости артиллерийского огня с Линии Зигфрида.

Я и помыслить не мог, что обладаю навыками, необходимыми *дольметчеру*. Все свои познания я приобрел, выжидая, пока нас перебросят из Франции на линию фронта. Еще будучи студентом, я зазубрил первую строфу из поэмы Генриха Гейне «Die Lorelei» — все благодаря соседу по комнате, и, случалось, бездумно декламировал фрагменты, в поте лица трудясь поблизости от начальства. Полковник (до войны — частный детектив из Мобила) спросил у подполковника (в прошлом — галантерейщика из Ноксвилля), на каком языке это стихотворение. Подполковник пришел в замешательство, пока я не озвучил: «Der Gipfel des Berges foo-unk-kelt im Abendsonnenschein».

— Да это же язык фрицев, — объявил он.

Моя собственная интерпретация слов единственного немца, с которым я оказался знаком, звучала следующим

Der Arme Dolmetscher

© Перевод. Д. Шкаев, 2010.

* «Военный переводчик».

образом: «Не знаю, что значит такое, что скорбью я смущен; Давно не дает покою мне сказка старых времен. Прохладой сумерки веют, и Рейна тих простор; в вечерних лучах алеют вершины дальних гор»*.

Успешно справляясь со своей ролью, полковник чувствовал необходимость принимать решения быстро и своевременно. Прежде, чем пехота Вермахта была отброшена, он свершил немало достойных дел, но то, что произошло в этот раз, я ценю значительно выше.

— Если язык фрицев, какого черта этот парень возится со шваброй? — поинтересовался полковник.

Два часа спустя ротный писарь приказал мне бросить ведро и тряпку, поскольку теперь я был новым военным переводчиком.

Приказ о передислокации не замедлил поступить. Начальство было слишком вымотано, чтобы выслушивать мой самоотвод.

— С фрицами ты болтаешь вполне сносно, — заявил подполковник. — А кроме того там, куда мы направляемся, длительных бесед с ними не будет. — Он любовно огладил мою винтовку. — Вот она тебе и поможет переводить как следует, — сказал он. У подполковника, ставшего тенью шефа, была точка зрения, что американская армия только что задала трепку бельгийцам, и я должен поселиться у бургомистра, чтобы быть уверенным в том, что он нас не надует. — Кроме того, — завершил свою мысль подполковник, — у нас тут больше никто с фрицами болтать не умеет.

Я отправился на ферму бургомистра на грузовике в компании трех злобных голландцев из Пенсильвании, которые в течение нескольких месяцев добивались назначения переводчиками. После моего объяснения, что я им не конкурент, а также выразил надежду, что они от меня избавятся в течение двадцати четырех часов, те смягчились и сообщили, что выступить я должен в роли *долметчера*. По моей просьбе они также перевели «Die Lorelei», что дало мне приблизительно сорок слов (на уровне двухлетнего ребен-

---

* Пер. А. Блока.

ка), но никакой возможности их составлять у меня по-прежнему не было.

Каждый километр приносил новый вопрос: «А как будет «армия»?.. А как спросить, где туалет?.. Как сказать «мне плохо»?.. «я здоров»?.. «блюдо»?.. «брат»?.. «обувь»?» В конце концов мои флегматичные наставники утомились, а один из них вручил мне брошюру, облегчающую изучение немецкого для человека, сидящего в окопе.

— Часть первых страниц отсутствует, — пояснил бывший владелец, когда я выпрыгнул из грузовика у каменного особняка бургомистра. — Мы пустили их на самокрутки.

Раннее утро. Я постучался в дверь, застыв на ступеньках, точно второстепенный персонаж, ожидающий своего выхода за кулисами. Дверь распахнулась.

— Дольметчер, — представился я.

Передо мной предстал бургомистр собственной персоной, старый, худой, в ночной рубашке. Он сопровождал меня в отведенную мне спальню на первом этаже, изъясняясь языком жестов с такой же легкостью, с какой приветствовал меня, а я, не задумываясь, повторял «Danke schon» при каждом удобном случае, готовясь прервать дальнейшее общение словами «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten, dass ich so traurig bin». Эта фраза отправляла бы его почивать, убедив, что у него в гостях речистый, но при этом переполненный Weltschmerz*, *дольметчер*. Но моя военная хитрость была излишней. Он оставил меня отдыхать и собираться с силами.

Главным моим оружием была искалеченная брошюра. Я изучал уцелевшие страницы как драгоценность, восхищенный простотой переложения английского на немецкий. С этим разговорником, все, что я должен был делать, — провести пальцем по левой колонке, пока не находилась необходимая мне английская фраза, а затем по слогам озвучить белиберду, напечатанную напротив. Например, фраза «Сколько у вас минометов?» на немецком звучала как «Ви филь гренада варфар хабн зи?» Немецкий аналог вопроса «Где ваша

---

* «Мировая скорбь».

танковая колонна?» оказался ничуть не сложнее: «Во зинт ирэ панцер шпицн?» Я изрекал фразы вроде: «Где ваши гаубицы?» «Сколько у вас автоматов?» «Сдавайтесь!» «Не стреляйте!» «Где вы спрятали мотоцикл?» «Руки вверх!» «Из какого вы подразделения?»

Брошюра быстро подошла к концу, и мое отличное настроение сменилось депрессией. Голландец из Пенсильвании скурил первую половину брошюры и все приложения, практически ничего мне не оставив, кроме инструкции ручкопашного боя.

И вот, пока я не смыкал глаз, лежа на кровати, драма, в которой я мог бы играть, родилась в моем воспаленном воображении...

ДОЛЬМЕТЧЕР (обращаясь к **ДОЧЕРИ БУРГОМИСТРА**): Я не знаю, что случится со мной, я в печали. (*Заклучает ее в объятия.*)

ДОЧЬ БУРГОМИСТРА (с трогательной застенчивостью): Прохладой веют сумерки, и тих простор Рейна...

(**ДОЛЬМЕТЧЕР** *подхватывает* **ДОЧЬ БУРГОМИСТРА** *на руки, несет ее в свою комнату.*)

ДОЛЬМЕТЧЕР (*мягко*): Сдаюсь.

БУРГОМИСТР (*размахивая парабеллумом*): Ах! Руки вверх!

ДОЛЬМЕТЧЕР и **ДОЧЬ БУРГОМИСТРА**: Не стреляй!

(*Из нагрудного кармана БУРГОМИСТРА выпадает карта диспозиции первой американской армии.*)

ДОЛЬМЕТЧЕР (*в сторону, по-английски*): Что это бургомистр союзников делает с картой диспозиции первой американской армии? И почему это я должен разговаривать с бельгийцем на немецком языке? (*Он выхватывает парабеллум из-под подушки и целится в БУРГОМИСТРА.*)

БУРГОМИСТР и **ДОЧЬ БУРГОМИСТРА**: Не стреляй! (*БУРГОМИСТР опускает «люггер», съезживает, усмехается*)

ДОЛЬМЕТЧЕР: Из какого вы подразделения? (**БУРГОМИСТР** *угрюмо молчит.* **ДОЧЬ БУРГОМИСТРА** *подходит*

к нему, тихо плачет. ДОЛЬМЕТЧЕР поворачивается к ДОЧЕРИ БУРГОМИСТРА.) Где Вы спрятали мотоцикл? (Оборачивается к БУРГОМИСТРУ.) Где ваши гаубицы, а? Где ваша танковая колонна? Сколько у вас минометов?

БУРГОМИСТР (уступая): Я... Я сдаюсь.

ДОЧЬ БУРГОМИСТРА: Как все это печально...

(Появляется КОНВОЙ, состоящий из голландцев из Пенсильвании, совершая обычный обход, как раз вовремя, чтобы услышать как БУРГОМИСТР и ДОЧЬ БУРГОМИСТРА сознаются, что они — агенты нацистов, десантированные в тыл американской армии.)

Сам Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер, и тот не написал бы лучше, прибегнув к тем же выражениям, а ведь это были единственные слова, что я знал. У меня не было ни малейшего шанса выпутаться из этой истории, и я не видел никакой радости в том, чтобы, став военным переводчиком в канун Рождества, не знать при этом даже как сказать «Поздравляю!».

Я застелил постель, завязал тесемки вещмешка, и, раздвинув шторы, растворился в ночи.

Неусыпные часовые направили меня в штаб батальона, где я застал большинство офицеров, — одни возились с картами, другие заряжали оружие. Всюду ощущался дух приближающегося праздника, и знакомый подполковник, затачивая восемнадцатидюймовую финку, напевал под нос веселую песенку.

— Черт бы меня побрал! — воскликнул он, заметив меня в дверном проеме. — К нам явился наш «Шпрехен зи дичь». Ну, рассказывай. Ты разве сейчас не должен торчать в доме мэра?

— Смысла нет, — ответил я. — Там говорят на диалекте, а я-то — на литературном немецком!

Подполковник был впечатлен:

— Ты слишком хорош для них, ага? — Он провел по лезвию ножа указательным пальцем. — Но у меня такое чув-

ство, что очень скоро мы с твоими литераторами встретимся, — сказал он и затем добавил: — Мы окружены!

— Мы их оприходуем, как принято у нас, в Северной Каролине и Тенесси, — заявил полковник, который никогда не проигрывал на маневрах дома. — Ты остаешься тут, сынок. Я подумываю сделать тебя своим личным переводчиком.

Спустя двадцать минут я снова оказался в шкуре дольметчера. Четыре «тигра» подкатили к самым дверям штаба, и два десятка немецких пехотинцев окружили нас с автоматами наперевес.

— Скажи же что-нибудь! — приказал полковник, наконец собравшись с духом.

Я пробежался глазами по левой колонке разговорника, пока не наткнулся фразу, наиболее четко отражавшую наши чувства.

— Не стреляйте! — произнес я.

Ввалился немецкий офицер из танковой бригады, — взглянуть на пленников. В руке его была брошюра, чуть тоньше моей.

— Где ваши гаубицы? — спросил он.

ЮНЫЙ ЖЕНОНЕНАВИСТНИК

Джордж М. Гельмгольтц, учитель музыки и дирижер оркестра средней школы имени Линкольна, умел изобразить, почитай, любой музыкальный инструмент. Захочет — завопит, точь-в-точь кларнет, а захочет — забормочет на манер тромбона либо заорет, как труба. Надует свой внушительный живот — и заревет фанфарами, вытянет нежно губы, прикроет глаза и засвишет флейтой-пикколо.

Вот, значит, как-то раз в среду, часиков так в восемь вечера, он этим и занимался — маршевым шагом нарезал круги по репетиционному залу школьного оркестра, усиленно выстанывая, выборматывая, вывизгивая, выревывая и вывистывая мелодию «Semper Fidelis».

Труда особого для Гельмгольтца в этом не состояло. Сорок лет ему — и едва не двадцать из них он только тем и занимался, что создавал оркестры из полноводного потока мальчишек, струившегося через школьные коридоры — от первого звонка к последнему. Уж в такт им попадать он научился. Так хорошо научился попадать в такт, так наострился жить радостями и печалью своих оркестров, — всю свою жизнь в музыкальных терминах только и воспринимал.

А рядом с раскрасневшимся с натуги, возбужденным руководителем оркестра вышагивал неуклюжий парнишка лет шестнадцати, бледный от напряжения и серьезности проис-

ходящего. Берт Хиггинс его звали — длинноносый, под глазами синяки, и ходил он как-то валко, ни дать ни взять — самка фламинго, представляющаяся раненой, чтоб крокодила от гнезда своего подальше отвести.

— Трам-пам, тарарам, тратам, тарам-пам-пам! — выпевал Гельмгольтц. — Левой, правой! Левой, Берт! Локти к корпусу прижми, Берт! Под ноги смотри, Берт! В ногу, Берт, в ногу! Головой не верти, Берт! Левой, правой, Берт, — левой! Стой — раз, два!

С улыбкой Гельмгольтц сообщил:

— Можно считать, кое-какого прогресса мы добились. Пожалуй.

— Практиковаться с вами, мистер Гельмгольтц, и впрямь очень помогает, — закивал Берт.

— Пока ты готов не жалеть усилий, буду только рад поспособствовать, — сказал Гемгольц.

Перемены, которые произошли с Бертом за последнюю неделю, поражали его невыразимо. Казалось, мальчишка разом помолодел на два года и снова стал таким, каким был в средних классах — неловким, трусоватым, одиноким, унылым...

— Берт, — заговорил Гельмгольтц, — ты совершенно уверен, что недавно не падал, не ушибался, не болел? — Уж кого-кого, а Берта он знал хорошо. Два года на трубе играть мальчишку учил! На глазах его рос — и вырос в стройного парня с отличной осанкой. И вдруг — такое падение духа, такая утрата уверенности в себе и координации движений, поверить невозможно!

Всерьез призадумавшийся над вопросом Берт по-детски надул щеки. От этой скверной привычки Гельмгольтц, кстати сказать, его тоже давным-давно уже отучил, а теперь — извольте, все по новой.

С шумом выдув воздух, паренек отвечал:

— Да вроде как нет.

— Я научил маршировать тысячи мальчиков, — покачал головой Гельмгольтц, — и никто, кроме тебя, еще никогда не забывал, как это делается.

На краткий миг вся эта тысяча чередой прошла перед мысленным взором Гельмгольтца: мальчишки маршировали стройными, прямыми, словно солнечные лучи, рядами, тянувшимися в светлую даль.

— Может, нам будет лучше обсудить твою проблему со школьной медсестрой? — предположил Гельмгольтц, и вдруг его ровно молнией поразило. — Или, может, у тебя неприятности с девочками?

Берт поковырял пол одной ногой, потом — другой.

— Да вроде как нет, — сказал он. — Нет у меня никаких таких неприятностей.

— А ведь она хорошенькая, — похвалил Гельмгольтц.

— Кто она-то? — удивился Берт.

— А та куколка со щечками, как розы, которую ты до-мой провожаешь, — уточнил Гельмгольтц.

Берт поморщился.

— А-а, вот вы про кого. Да это ж Шарлотта.

— Что — не по душе тебе Шарлотта? — полюбопытствовал Гельмгольтц.

— Сам не пойму. Не-е, она вроде ничего так. Точно, — нормальная девчонка. Не сказать, чтоб она мне чем не нравилась. А вообще... нет, не знаю.

Гельмгольтц ласково потряс Берта за плечо — словно надеялся, что выскочившие из пазов шарики встанут на место.

— Ты вообще помнишь хоть что-нибудь? Помнишь, что чувствовал раньше, когда так замечательно умел маршировать? Ну, до того, как... заболел?

— Сейчас, кажется, кое-что возвращается, — выговорил Берт.

— Ты участвовал в третьем составе оркестра, потом — во втором. Ты научился маршировать преотлично, — настаивал Гельмгольтц.

Речь шла об учебных составах — тренировочной стадии, которую обязан был пройти каждый из сотни парней — участников оркестра «Десять рядов» средней школы имени Линкольна.

— Да я сам не врубаюсь, в чем проблема, — признался Берт. — По всему сказать — так это оттого, что нервничаю

я, что наконец в «Десять рядов» попал. — Он снова надул щеки. — А может, потому, что вы со мной заниматься перестали.

Три месяца назад, как только игра Берта достигла уровня, подходящего для оркестра «Десять рядов», Гельмгольтц передал его лучшему учителю игры на трубе в городке — Лари Финку, на предмет наведения окончательного глянца и изящества.

— Скажи-ка, тебе что тяжело приходится с Финком? В этом дело? — спросил Гельмгольтц.

— Да нет. Он классный мужик. — Берт вздохнул. Возвел глаза к небу. — Мистер Гемгольц, честно, нам бы с вами еще пару раз помаршировать вместе, потренироваться — и со мной все будет в порядке, точно.

— Господи, Берт, — застонал Гельмгольтц, — я ведь даже не представляю себе, куда тебя втиснуть! Как только тобой занялся Финк, я взял на твое время другого мальчика. Просто так вышло — сегодня он плохо себя чувствует. Но на будущей неделе!..

— Что за мальчик? — полюбопытствовал Берт.

— Нортон Шейкли, — сообщил Гемгольц. — Знаешь, маленький такой, губы зеленою обметаны. Точь-в-точь — ты, когда только-только начинал. Никакой уверенности в себе. Сам не верит, что рано или поздно войдет в основной состав оркестра «Десять рядов». А он войдет. Войдет!

— Точно войдет, — согласился Берт. — Тут и сомнений никаких нет.

Гельмгольтц потрепал Берта по руке — надо ж хоть как-то приободрить парня.

— Уши торчком! — протрубил он. — Хвост пистолетом! Иди забирай куртку, я тебя домой подброшу.

Пока Берт застегивал куртку, Гельмгольтц размышлял: какие неприятные окна у мальчика дома, пустые, словно глаза мертвеца. Отец Берта ушел, бросил семью много лет назад, а мамаша вечно шляется незнамо где. А не в этом ли и следует искать причину случившегося? — осенило его вдруг.

Гельмгольтцу стало грустно.

— Хочешь, можем заехать куда-нибудь, попить лимонаду? А потом поедem ко мне, поиграем у меня в подвале в настольный теннис? — предложил он.

Раньше, когда он еще давал Берту уроки игры на трубе, они частенько так и поступали — останавливались в какой-нибудь забегаловке, пили лимонад, а после — резались в настольный теннис.

— Хотя, — поддразнил Гельмгольтц, — с Шарлоттой, наверное, интереснее повидаться?

— Вы смеетесь?! — воззвал Берт. — Да она иногда слово скажет — и у меня уши вянут!

Следующим утром Гельмгольтц таки переговорил со школьной медсестрой мисс Пич. Вышел этакий военный совет двух полнеющих добродушных полководцев, каждый из которых прямо-таки лучился чистоплотностью и здравомыслием. В дальнем углу, обнаженный по пояс, смущенный и угловатый, маячил Берт.

— Под «отключился» вы подразумеваете, что Берт потерял сознание? — спросила мисс Пич.

— Вы что же — не видели, как он упал в обморок в прошлую пятницу во время игры в Уайтстоуне? — подивился Гельмгольтц.

— Нет, на той игре меня не было, — призналась мисс Пич.

— Это было как раз после того, как мы выстроились буквой «Л» и маршировали по футбольному полю, чтобы перестроиться в фигуру, которая потом разбилась бы на пантеру — герб школы имени Линкольна — и орла с герба Уайтстоуна, — разъяснил Гельмгольтц.

Орлу надлежало закричать, а пантере — его сожрать.

— Так и что же натворил Берт? — напомнила мисс Пич.

— Сначала он маршировал вместе со всеми, так, что любо-дорого было смотреть, — объяснил Гельмгольтц. — А потом на него словно затмение какое-то нашло. Оторвался от оркестра и принялся маршировать сам по себе.

— И что ты при этом чувствовал, Берт? — спросила мисс Пич.

— Сначала, — отвечал Берт, — совсем как во сне. Так здорово мне было, понимаете? А потом я вроде как проснулся, смотрю — а я там совсем один. — Он мученически улыбнулся. — И все кругом надо мной смеялись.

— Так, Берт, а аппетит у тебя нормальный? — поинтересовалась мисс Пич.

— Вчера вечером гамбургер в единый миг слопал и стаканом газировки запил, — поклялся Гельмгольтц.

— А во время занятий спортом, Берт, как у тебя с координацией движений? — не сдавалась мисс Пич.

— Да я спортом не увлекаюсь, — сказал Берт. — Знаете, сколько времени уроки на трубе отнимают?

— А вместе с отцом вы во дворе никогда мяч не гоняете? — настаивала мисс Пич.

— У меня и отца-то нет, — сообщил Берт.

— Вчера в настольный теннис он меня обставил играючи, — вставил Гельмгольтц.

— Ну, не важно. Значит, вчера вы как следует гульнули? — улыбнулась мисс Пич.

— В свое время мы каждую среду так развлекались, — сообщил Берт.

— Мы проводим время подобным образом со всеми мальчиками, которым я даю уроки, — сказал Гельмгольтц.

— И с Бертом, значит, тоже? — мисс Пич заинтересованно вскинула голову.

— А теперь я занимаюсь с мистером Финком, — вздохнул Берт.

— Как только юноша достигает уровня оркестра «Десять рядов», — воскликнул Гельмгольтц вдохновенно, — степень его подготовки превосходит ту, которую могут обеспечить индивидуальные занятия со мной. В этот момент он перестает быть ребенком в моих глазах. Я считаю его взрослым человеком. И не просто человеком, а человеком искусства. Отныне право учить его чему-то принадлежит лишь подлинным артистам — таким, как Финк.

— Оркестр «Десять рядов», — задумчиво протянула мисс Пич. — Это из-за того, что в каждом ряду — по десять человек, а всего музыкантов — сто? И все в одинаковых костюмах, и маршируют слаженно, как винтики в отлично отработанном механизме?

— Одинаковые, как почтовые марки! — кивнул Гельмгольтц с удовлетворением.

— Ага, понятно, — мисс Пич что-то обдумывала. — И что же, все они занимаются с вами лично?

— Бог ты мой! Нет, конечно! — ужаснулся Гельмгольтц. — Откуда у меня столько времени? Я только и могу, что давать индивидуальные уроки пяти мальчикам за раз.

— Повезло же, однако, этой вашей пятерке, — усмехнулась мисс Пич. — Но ненадолго, верно?

Тут, впрочем, дверь распахнулась и в медицинский кабинет пожаловал сам завуч Стюарт Хейли. Когда-то его почитали юношей, подававшим надежды на самую блистательную карьеру. Но... пронеслось десять лет. Десять лет чрезмерных требований и слишком маленьких зарплат. И блеск юности постепенно поблек, словно сияние новой пивной кружки в баре. Немалая же, кстати, часть этой энергии была растратчена как раз в нескончаемых словесных баталиях с Гельмгольтцем — по поводу того, во сколько обходится школе его оркестр.

Хейли потрясал зажатым в руке счетом.

— Итак, Гельмгольтц, — загремел он, — знай я заранее, что найду вас здесь, не поленился бы прихватить с собой еще одну квитанцию, более любопытную. Пять катушек армейских проводов для полевой связи. Пригодных для действия в боевых условиях. В комплекте с каркасами. Вам это ни о чем не напоминает?

— Напоминает. — Мистер Гельмгольтц был невозмутим. — Однако позвольте вам заметить...

— Чуть позже, — усмехнулся Хейли. — Сейчас предмет моего обсуждения связан не с вами, а с мисс Пич, и ситуация такова, что ваши неправомерные затраты в сравнении с ней — детский лепет.

Грозная длань, сжимающая счет, устремилась к мисс Пич.

— Мисс Пич, это вы на днях заказали ни с чем не сообразное количество бинтов?!

Медсестра побледнела, но устояла.

— Да, я и вправду заказала тридцать ярдов стерильной марли, — ответствовала она холодно. — Заказ прибыл сегодня утром. Все тридцать ярдов. И марля — самая что ни на есть стерильная.

Хейли опустил на белый табурет.

— Странно, — заявил он. — А вот сообразно этой квитанции, кто-то в нашем почтенном учебном заведении отправил и получил заказ на двести ярдов серебристой нейлоновой ленты. В три дюйма шириной. Со свойством фосфоресцирования в темноте.

С каждым словом этой речи он взирал на Гельмгольца все невиннее. Однако к финалу взор его сделался острее, а щеки покрылись румянцем.

— Ах, вот оно что, Гельмгольтц!

— Что же? — спросил Гельмгольтц.

— Кокаинчику вам, стало быть, тогда не хватило? — предположил Хейли.

— Кокаина?! — подивился Гельмгольтц.

— Разумеется, кокаина! — взвыл Хейли. — А то где же еще нормальный человек может заработать глюки о том, чтоб обвинить все живое нейлоновой лентой? С фосфоресцирующим эффектом?!

— Между прочим, — сообщил Гельмгольтц с достоинством, — сияние во тьме стоит совсем не так уж дорого, как представляется большинству из нас.

Хейли вскочил с табурета.

— Так все-таки это были вы!!! — заорал он.

Гельмгольтц погладил взбешенного завуча по плечу. Заглянул ему в глаза.

— Стюарт, — сказал он доверительно, — у всех на устах ныне один вопрос: сможет ли оркестр «Десять рядов» пре-

взойти свой прошлогодний триумф на той знаменитой игре в Уэстфилде?

— Э, нет, — фыркнул Хейли. — Вопрос в другом — как может обычная средняя школа со скромным бюджетом позволить себе содержать помпезную музыкальную машину с размахом, достойным Сесила Демилла*? И ответ на сей вопрос, — тут завуч приосанился, — никак не может!

Он яростно замотал головой.

— Форма оркестрантов — по девяносто пять долларов комплект! Огромнейший барабан на весь штат! Светящиеся жезлы, светящиеся шляпы! Черт возьми, еще и что-то с фосфоресцирующим эффектом! Господи милостивый!

Завуч сделал широкий жест.

— Мы что — самый большой на свете музыкальный автомат?!

Сей суровый перечень Гельмгольца, впрочем, лишь обрадовал.

— Да ведь вам это нравится, — улыбнулся он. — И всем нравится. Погодите, вы еще не знаете, что мы собираемся сделать с этими проводами и лентами!

— Ждать, — простонал Хейли, — снова ждать...

— Положим, — сиял Гельмголец, — составлять живые буквы может сейчас любой оркестр. Это, должно быть, самый древний трюк в нашем деле. Но — насколько я понимаю — наш оркестр сейчас — единственный, обладающий необходимой экипировкой, позволяющей выписать в воздухе рукописный текст!

Зависло мрачное молчание. Всеми позабытый Берт внезапно встал. Надел рубашку. И спросил:

— А со мной вы как? Закончили?

— Можешь идти, Берт, — заторопилась мисс Пич. — Никаких проблем со здоровьем я у тебя не обнаружила.

---

* Демилл, Сесил — величайший режиссер американского немого кино, снимавший на библейские и мифологические темы. Прославился, среди прочего, фантастической дороговизной и масштабностью постановок.

— Тогда пока — Берт взялся за дверную ручку. — Пока, мистер Гельмгольтц.

— Увидимся, — отвечал Гельмгольтц. — Так, — он обернулся к Хейли, — и что же вы думаете об услышанном? Рукописный текст, а?

За дверью, тем временем, с Бертом, словно случайно, столкнулась Шарлотта — розовощекая красотка, которую он частенько провожал до дома.

— А, Берт, — сказала Шарлотта, — а мне так и сказали, что ты тут, внизу. Я подумала — может, ты упал, ушибся? Ты вообще как?

Берт оттолкнул ее плечом и молча промчался мимо, ссутулившись, словно за дверью его ожидали ледяной ветер и ливень.

— Что я думаю о вашей ленте? — Хейли глядел на Гельмгольца. — Думаю, что с этого места безбожные траты на оркестр «Десять рядов» прекратятся!

— Причем это — не единственное, что расходуется впустую и что необходимо прекратить, — вдруг вставила мрачно мисс Пич.

— Что вы имеете в виду? — удивился Гельмгольтц.

— В виду, — заявила мисс Пич, — я имею то, как вы беспощадно играете чувствами этих пареньков. — Она насупилась. — Джордж, я наблюдаю за вами много лет. Я вижу: нет на свете такого способа управлять чужими эмоциями, какого вы не пустили бы в ход, чтоб только заставить своих мальчиков играть и маршировать!

— Я просто стараюсь общаться с ними по-дружески, — сообщил Гельмгольтц безмятежно.

— Нет уж. Вы стараетесь добиться много, много большего, — не уступала мисс Пич. — Вы даете ребенку именно то, в чем он больше всего нуждается. Кто бы ни был ему нужен — отец или мать, сестра или брат, собака, раб или Бог — вы готовы сыграть эту роль. Не удивительно, что оркестр наш — лучший на свете. Меня другое удивляет — как

это беда, случившаяся с Бертом, страхась в первый, а не в тысячный раз!

— Так все же — что гнетет Берта? — вскинулся Гельмгольтц.

— Вы, — сказала мисс Пич горько, — его заполучили. Вот что случилось. Ставки сделаны, карты на стол — и он ваш, душой и телом.

— Ну, он, конечно, мне симпатизирует, — кивнул Гельмгольтц. — По крайней мере смею надеяться, что симпатизирует...

— Да любит он вас, — фыркнула мисс Пич. — Как отца родного любит, честной сыновней любовью. А для вас ведь это — так, обычное дело.

Гельмгольтц попросту никак не мог уразуметь, в чем суть спора. Все, о чем толковала мисс Пич, ему представлялось самоочевидным.

— Да ведь это же попросту естественно, разве не так? — удивился он. — У Берта нет отца, вот он и ищет для себя отцовскую фигуру. Конечно же, очень скоро он встретит какую-нибудь девушку, попадет к ней под каблучок, и...

— Не соблаговолите ли вы наконец-то прозреть и осознать, до какой степени искалечили жизнь Берта?! — вскричала мисс Пич. — Вы только взгляните, на что он пошел, чтобы привлечь ваш интерес — после того, как вы ввели его в основной состав оркестра «Десять рядов», а потом бросили на руки мистеру Финку и позабыли о его существовании! Ему же все равно было — пусть все вокруг его на смех поднимают, лишь бы только вы снова внимание на него обратили!

— Процесс взросления — вообще штука болезненная, это общеизвестно, — заметил Гельмгольтц. — Быть малышом — одно, стать мальчишкой — другое, а уж сделаться мужчиной... Переход из каждой предыдущей стадии в последующую — кошмар, кто об этом не знает? — Он изумленно распахнул глаза. — Да если не нам в этом разбираться, — кому тогда?

— Взросление не должно превращаться в кромешный ад, — возразила мисс Пич.

Гельмгольца подобная постановка вопроса ошеломила.

— Так и что же вы мне предлагаете?

— Не мое дело давать вам советы, — огрызнулась мисс Пич. — Это решать вам — и только вам. Причем вы сами позаботились о том, чтоб дела обстояли именно так. Вы же так работаете! Но, полагаю, минимум того, что вы все же способны сделать — это внушить себе, что привязывать к себе мальчика — это вам не руку лентой обвязать. Ленту вы всегда можете разорвать. Разорвать узы, связавшие вас с мальчишкой, — нет.

— Кстати, к вопросу о ленте, — вступил Хейли.

— Запакуем в коробки и отошлем обратно, — рассеянно ответил Гельмголец. Лента на данный момент перестала волновать его совершенно. Когда он выходил из медицинского кабинета, уши его горели огнем.

Походка, осанка Гельмгольца — ничто не выдавало того, что он чувствует себя виноватым. Но в действительности чувство вины тяжким грузом легло ему на плечи. В своем крошечном кабинете за дверью репетиционного зала он первым делом отодвинул пюпитры с нотами, загораживавшие дорогу к раковине в углу, и долго плескался под струей ледяной воды, — в тщетной надежде сбросить этот камень с плеч хоть на ближайший час. Ведь на этот самый час было назначено не что-нибудь, а очередная репетиция оркестра «Десять рядов»!

Своему лучшему другу Ларри Финку, учителю игры на трубе, Гельмголец позвонил по телефону.

— Ну, что на сей раз приключилось, Джордж? — терпеливо спросил Финк.

— Наша школьная медсестра только что раскатала меня в тонкий блинчик — дескать, я чрезмерно добр со своими мальчишками. Она говорит — я слишком крепко привязываю их к себе. А это очень опасно.

— Что, правда?

— Психология — прекрасная наука, — признал Гельмголец уныло. — Не будь ее, люди только и делали бы, что

совершали одни и те же чудовищные ошибки, снова и снова — то бишь, были бы чрезмерно добры друг к другу.

— И в чем суть сей драмы? — заинтересовался Финк.

— В Берте, — сказал Гельмгольтц.

— А, — фыркнул Финк. — На прошлой неделе я не выдержал — отмучился с ним, наконец. Он совершенно не занимался дома, на занятия являлся не подготовившись. Джордж, хочешь честно? Я знаю: ты ставишь этого парня очень высоко, но талант у него — ниже среднего. Да и музыку, насколько я могу судить, он не так чтоб любил больше всего на свете.

— Этот паренек начал со второго вспомогательного состава, — яростно запротестовал Гельмгольтц, — и менее чем за два года поднялся до основного состава «Десяти рядов»! Да для него музыка — все равно что для рыбы — вода!

— На мой взгляд он в музыке петрит, как свинья в апельсинах, — хмыкнул Финк. — Несчастный парень просто выворачивается наизнанку, чтоб тебе, Джордж, угодить. А ты потом еще и сердце его вдребезги разбил — мне его отдал. Права ваша школьная медсестра: неплохо бы тебе поосторожнее выбирать, с кем стоит быть добрым, а с кем — не очень.

— Да, но он даже разучился маршировать. Сбил с шага, испортил все построение фигуры. А во время перерыва на игре с Финдлейским техническим училищем забыл, в каком направлении ему надо двигаться, застыл на полушаге.

— Он мне про это рассказывал, — припомнил Финк.

— И что, объяснял он это хоть как-то?

— Он дико удивился, как это вы с медсестрой не догадались, что произошло. Хотя... сестра-то, наверное, разобралась, что к чему, только решила никого больше не посвящать.

— О чем ты — я даже в толк не могу взять, — сказал Гельмгольтц.

— Пьяный он был, Джордж. Так и сказал: впервые в жизни напился. И клялся, что этот раз — не только первый, но и последний. Только я, к несчастью, не очень-то верю, что на подобные клятвы можно полагаться.

— Но он не может маршировать и теперь! — вскричал шокированный Гельмгольтц. — Даже когда мы тренируемся только вдвоем и никто нас не видит, он совершенно не способен попасть со мной в ногу. Он что же — постоянно пьян?

— Джордж, — вздохнул Финк, — ты, в своей святой невинности, хотел сделать музыканта из человека, лишенного таланта к музыке, а вместо этого превратил его в актера.

Меж тем из репетиционного зала, неподалеку от кабинета Гельмгольтца, доносился грохот и шорохи — участники «Десяти рядов» расставляли стулья для репетиции. Занимались этим, как водится, те из музыкантов, кто сумел прийти пораньше. Обычно последующий час был лучшим временем в жизни руководителя оркестра — он словно парил в невесомости, напевая партию то одного, то другого инструмента, в тон игре остальных оркестрантов. Но сегодня ему было страшно.

Предстояла новая встреча с Бертом — и это после того, как ему успели разъяснить, насколько сильно, должно быть, он обидел мальчика. Или — кто знает — не только его одного? Вот превратится, допустим, Берт в алкоголика — что ж, это — тоже его вина? Гельмгольтц вспомнил о тысяче или около того парнишек, с которыми он вел себя по-отечески — без разницы, были у них настоящие отцы или нет. Насколько он знал, некоторые из них, в разное время, и впрямь сделались пьяницами. Двое отбывали срок за наркотики, один — за вооруженный грабеж. А о том, как сложились судьбы почти всех остальных, он и знать не знал. После выпуска его заходили проводить очень немногие. И об этом тоже неплохо бы задуматься.

Пришли, однако, и остальные оркестранты — и Берт среди них. Гельмгольтц, словно со стороны услышал, что говорит ему тишайшим шепотом: «Можешь после занятий прийти ко мне в кабинет?» О чем им там говорить — он не имел представления.

После он подошел к режиссерскому пульта в центре зала, постучал по нему палочкой. Оркестр почтительно примолк.

— Давайте-ка начнем с «Сегодня зарыдают все Линкольна враги».

Авторство слов и музыки этого произведения принадлежало самому Гельмгольтцу. Создал он его, когда пребывал на посту руководителя школьного оркестра только год, — а количество музыкантов, участвовавших в парадах и спортивных мероприятиях, едва приравнялось к пятидесяти. Форма оркестра сидела на них ни шатко ни валко, — а посему и выглядели они, как прямо сказал тогда Гельмгольтц, «точь-в-точь — уцелевшие после Вэлли-Фордж»*. Но с тех пор пронеслось уже двадцать лет.

— Все готовы? — спросил он. — Отлично. Фортиссимо! С чувством! На раз-два-три-четыре!

На этот раз Гельмгольтц никуда не воспарял. Он весил целую тонну.

Когда Берт пришел после занятий к нему в кабинет, Гельмгольтц успел уже выработать план действий. Он должен уговорить парня перестать ненавидеть бедняжку Шарлотту. Кажется, девочка она — теплая, добрая, сумеет объяснить Берту, что человеческое времяпрепровождение отнюдь не ограничивается оркестром и Гельмгольтцем. А еще, — думал он, — необходимо обсудить с Бертом тему опасности общения с алкоголем.

Увы, разговор пошел вовсе не так, как планировалось, и Гемгольтц осознал, что так оно и будет, стоило только Берту усесться. От парня веяло чувством собственного достоинства — да таким мощным, что Гельмгольтц у него ничего подобного в жизни не наблюдал. Должно быть, подумал Гельмгольтц, произошло что-то важное. Берт смотрел ему прямо в глаза, дерзко и вызывающе, словно на

---

* Вэлли-Фордж — место легендарной зимовки участников Войны за независимость в 1775—1776 гг., где они страдали и сотнями гибли от холода и голода.

равного, совершенно не как положено мальчишке глядеть на взрослого мужчину.

— Берт, — начал Гельмгольтц, — не стану ходить вокруг да около. Мне известно: во время того футбольного матча ты был пьян.

— Это вам мистер Финк сказал?

— Да. И это меня встревожило.

— Что ж вы, когда все случилось, ничего не заметили?! — вскинулся Берт. — Все заметили. Все, кроме вас! Да над вами люди хохотали, когда вы подумали, что мне худо стало!

— Мне на тот момент было о чем подумать, — отрезал Гельмгольтц.

— Да уж. О музыке. — Берт выплюнул слово «музыка», точно грязное ругательство.

— Конечно, о музыке — согласился ошеломленный Гельмгольтц. — Но, бог ты мой...

— О музыке — и *только* о ней! — глаза Берта вонзили в Гельмгольтца два лазерных луча.

— Чаше всего — именно о ней, а почему бы и нет? — И снова Гельмгольтц добавил растерянно: — Но, боже мой...

— Права была Шарлотта.

— Мне казалось, ты ее не выносишь?

— Она мне всегда страшно нравилась — во всем, кроме того, что про вас болтала. А теперь я понял: права она была, во всем права. Она мне не просто нравится — я ее люблю.

Внезапно Гельмгольтцу сделалось страшно — совершенно непривычное для него чувство. Мерзкая выходила сцена.

— Что бы она обо мне ни говорила, не думаю, чтоб это меня заботило. Не настолько, чтобы мне захотелось это выслушивать.

— А я вам и не скажу. Все равно вы ничего, кроме музыки своей, не слышите!

Берт положил футляр с трубой на стол руководителя школьного оркестра. Труба была казенная, принадлежала школе.

— Вот. Отдайте, кому захотите. Кому-нибудь, кому она понравится больше, чем мне, — бросил он. — Мне-то она нравилась только из-за вас. Из-за того, что вы меня просили. Из-за того, как добры вы ко мне были.

Берт поднялся.

— До свидания, — сказал он.

Он уже почти подошел к двери, когда Гельмгольтц окликнул его и попросил остановиться, обернуться, посмотреть ему в глаза и рассказать, что же все-таки говорила о нем Шарлотта.

Берту только того и надо было. Гнев душил его — словно Гельмгольтц в чем-то жестоко его обманул.

— Она сказала — вы знать не знаете, что такое настоящая жизнь. А люди вас на самом деле не интересуют, это вы просто притворяетесь. Она сказала — да плевать вы хотели на все, кроме своей музыки. Даже если рядом с вами никто по-настоящему не играет, музыка у вас все равно в голове звучит. Псих вы — вот что она сказала.

— Псих? — переспросил недоумевающий Гельмгольтц.

— Я ей сказал, чтоб не смела болтать такое, — отрезал Берт, — только вы потом сами показали — больной вы на всю голову.

— Прошу тебя — в чем же заключается мое безумие? Мне необходимо знать, — сказал Гемгольтц. Но симфонический оркестр у него в мозгу тем временем исполнял увертюру к «1812 году» Чайковского, рокочущую громом пушек. Только на то его и хватило, чтоб не начать подпевать вслух.

— Когда вы маршировать меня тренировали, — горько говорил Берт, — и я пьяного из себя корчил, вы ж не заметили даже, что все это — полный бред. Да чего там, вас ведь со мной и не было!

Музыка, звучавшая в сознании руководителя школьного оркестра, достигла крещендо — и ненадолго стихла. Гельмгольтц спросил:

— Да откуда эта девчонка вообще что-то обо мне знает?

— А она частенько с вашими оркестрантами гуляет, — отвечал Берт. — И всегда просит парней рассказывать ей про вас все самое смешное.

В тот же день, на закате, когда настало время отправляться домой, Гельмгольтц нанес визит школьной медсестре, сказал, что ему совершенно необходимо кое-что с ней обсудить.

— Что, опять этот ваш Берт Хиггинс? — усмехнулась она.

— Боюсь, на сей раз — тема еще более личная, — вздохнул Гельмгольтц. — Речь пойдет обо мне. Обо мне, понимаете? Обо мне.

ЭТОТ СЫН МОЙ

Фабрика производила лучшие на свете центробежные насосы, и владел ей Мерле Ваггонер. Он ее основал. «Дженерал Фордж энд Фаундри» только что предложила за нее два миллиона долларов. У Мерле не было акционеров, и никому он ни цента не задолжал. Ему было пятьдесят один, он был вдовцом, и у него имелся наследник — сын. Мальчика звали Франклин. Его называли в честь Бенджамина Франклина.

Однажды в пятницу отец с сыном вышли из конторы Мерле в цех. Они прошли по проходу к токарному станку Руди Линберга.

— Руди, — сказал Мерле, — мой мальчик приехал на три дня домой из университета, и я подумал, может, вам с сынишкой и нам с Франклином поехать завтра на ферму, пострелять по тарелочкам.

Руди обратил небесно-голубые глаза на Мерле и молодого Франклина. Он был одних с Мерле лет и обладал глубоким и стесненным чувством собственного достоинства человека, который рано узнал, где его предел, — и никогда не пытался за него шагнуть. Его мир ограничивался его инструментами, его флейтой и его обрезом.

— Можно попробовать по воронам, — сказал он.

Руди стоял навытяжку, как brave солдат, каким и являлся. И как старый солдат, делал он это без покорности,

умя дать понять, кто здесь победитель. Когда-то он первым нанялся к Мерле. Тогда за две тысячи долларов он мог бы стать партнером. А деньги у Руди водились. Но предприятие показалось ему рискованным. Теперь он как будто не жалел.

— Можем установить мою сову, — сказал Руди. У него было чучело совы, чтобы приманивать ворон. Он его смастерил со своим сыном Карлом.

— На ворон нам понадобится винтовка, — ответил Мерле. — Они про вашу с Карлом сову давно знают. Думаю, они нас и на полмили не подпустят.

— Интересно было бы подобраться к ним с телескопическим прицелом, — негромко сказал Франклин.

Он был высоким и худым, в кашемире и серой фланели. От робости и сознания вины он смотрелся почти глуповато. Он только что сказал отцу, мол, хочет стать актером, мол, фабрика ему не нужна. Собственные слова так его потрясли, что он услышал, как невольно добавляет чудовищно пустую фразу: «Но все равно спасибо».

Отец никак не отреагировал — пока. Разговор тускло сошел на ферму, стрельбу по тарелочкам, на Руди и Карла, на новый фургончик Руди и Карла, а теперь на ворон.

— Пойдем, спросим моего мальчика, какие у него планы на завтра, — сказал Карл.

Это была формальность. Карл всегда делал то, что хотел от него отец, и делал это с искренней любовью.

Руди, Мерле и Франклин пошли к токарному станку в тридцати футах. Мерле задира л подбородок. Руди смотрел прямо перед собой. Франклин смотрел в пол.

Карл был точной копией своего отца. Он так хорошо ему подражал, что у него словно бы ныли суставы от возраста. Он казался отрезвленным пятьюдесятью одним годом жизни, хотя прожил всего двадцать. Он словно бы инстинктивно побаивался возможных травм на производстве, вероятность которых на фабрике исчезла к тому времени, когда он научился ходить. Карл стоял навтыжку без покорности — в точности, как его отец.

— Хочешь поедem завтра постреляем? — спросил Руди.

— Кого постреляем? — спросил Карл.

— Ворон. Тарелочки, — сказал Руди. — Может, сурков.

— Я не против, — ответил Карл. Он коротко кивнул Мерле и Франклину. — Буду рад.

— Можем взять с собой стейки и там поужинать, — сказал Мерле. — Приготовишь соус, Руди?

— Я не против, — сказал Руди. Он прославился своим соусом и передал его секрет сыну. — Буду рад.

— Я бутылку двадцатилетнего бурбона для особого случая приберегал, — сказал Мерле. — Думаю, завтра достаточно особый. — Он закурил сигару, и Франклин увидел, что рука у отца дрожит. — Устроим вечеринку.

Мерле неумело дал Франклину по почкам, — чтобы взбодрить его по-мужски. И сразу об этом пожалел. Он громко рассмеялся, чтобы показать, мол не важно, рассмеялся, хотя сигарный дым ел ему глаза. Смех загнал дым глубоко в легкие. Удовольствие пропало. Смех все длился и длился.

— Только посмотри на него, Руди! — сказал Мерле, бичуя остальных весельем. — На фут выше своего старика и президент чего-то там в Корнеллском университете?

— Совета братств, — сконфуженно пробормотал Франклин.

Они с Карлом избегали встречаться взглядом. Отцы брали их с собой пострелять раз сто, наверное. Но мальчики почти друг с дружкой не разговаривали, обменивались обычно безрадостными кивками на попадания или покачиванием головой на промахи.

— И сколько в Корнеллском братств? — поднажал Мерле.

— Шестьдесят два, — ответил Франклин еще тише.

— И сколько человек в братстве? — нажал Мерле.

— Сорок, наверно, — сказал Франклин. Он подобрал с пола острый, блестящий завиток стальной стружки. — Красивый, — сказал он. Он знал, что реакция отца наступит как раз сейчас. Он слышал первые предупредительные вибрации в его голосе.

— Скажем, шестьдесят братств, — сказал Мерле. — Скажем, сорок человек в каждом. Это будет две тысячи четыреста мальчишек под началом у моего, Руди! В его годы под моим началом было не больше шести.

— Они не под моим началом, отец. Я никем не управляю, — сказал Франклин. — Я просто председатель на заседаниях совета и...

И... ожидаемый взрыв:

— Нет, управляешь! — взревел Мерле. — Жеманничай сколько хочешь, но ты всем управляешь!

Остальные промолчали.

Мерле постарался улыбнуться, но улыбка скукожилась, словно он вот-вот расплачется. Он взялся за лямку комбинезона Руди и потер вылинявшую джинсу между большим и указательным пальцами. Он взглянул в небесно-голубые глаза Руди.

— Мальчик хочет стать актером, Руди, — сказал он. А потом снова взревел: — Он так сказал!

Повернувшись, он бросился бегом в контору.

Только Франклин собрался уходить, как Руди заговорил, словно ничего не произошло:

— У вас патронов достаточно? — спросил он.

— Что? — переспросил Франклин.

— Патронов достаточно? Хотите, чтобы мы за ними заехали?

— Нет, — сказал Франклин. — Патронов у нас уйма. Полкоробки было, когда я прошлый раз проверял.

Руди кивнул. Он осмотрел работу на станке Карла и постучал себя пальцем по виску. Это постукивание служило сигналом, который Франклин много раз видел на стрельбах. Он означал, что Карл все делает как надо.

Руди легко коснулся локтя Карла. Это был сигнал Карлу возвращаться к работе. Руди и Карл оба подняли согнутый палец и друг дружке им отсалютовали. Франклин знал, что и это значит. Это значило: «Пока, люблю тебя».

Франклин стал ставить одну ногу перед другой и пошел искать собственного отца.

Мерле сидел за столом, опустив голову, когда вошел Франклин. В левой руке он держал стальную пластинку площадью в шесть дюймов. В середине пластинки было отверстие площадью в два дюйма. В правой руке он держал стальной кубик, который в точности подходил к отверстию.

На столе лежали два черных бархатных мешочка — один для пластинки, другой для кубика. Каждые десять секунд Мерле продевал кубик в пластину.

Франклин нерешительно сел на жесткий стул у стены. За годы, что он тут бывал, контора не слишком изменилась. Это было обычное фабричное помещение с голыми трубами над головой: холодные потели, горячие оставались сухими. Между стальными коробами змеились провода. Зеленые с кремовым стены местами были бугристыми, как слонова шкура, от перемежающихся слоев краски и грязи, краски и грязи. Никогда не находилось времени соскрести слои, его едва-едва хватало, чтобы за ночь наскоро наляпать свежую краску.

Франклин все еще видел контору глазами ребенка. Для него она была игровой комнатой. Он помнил, как отец рылся по полкам в поисках игрушек, чтобы позабавить своего мальчика. Игрушки еще лежали здесь: макеты насосов, образцы для коммивояжеров, магниты, треснувшие очки безопасности, которые когда-то спасли небесно-голубые глаза Руди Линберга.

И игрушки, которые Франклин помнил лучше всего, — помнил лучше всего потому, что отец их ему показывал, но никогда не давал трогать. Сейчас Мерле в них играл.

Мерле еще раз продел кубик в квадратное отверстие.

— Знаешь, что это? — спросил он.

— Да, сэр, — сказал Франклин. — Это то, что Руди Линберг изготовил, когда заканчивал обучение в Швеции.

Кубик можно было пропустить через отверстие двадцатью четырьмя разными способами и так, что кубик не пропускал ни малейшего лучика света.

— Невероятное мастерство, — сказал Франклин уважительно. — Таких мастеров больше не делают.

Особого уважения он не испытывал. Он просто говорил то, что, как он знал, хочет слышать отец. Кубик и отверстие представлялись ему преступной растратой времени и полнейшей скукой.

— Невероятное, — повторил он.

— Невероятное, когда понимаешь, что не Руди их сделал, — сказал Мерле, — когда понимаешь, к какому поколению принадлежит тот, кто их сделал.

— Да? — спросил Руди. — И кто их сделал?

— Сын Руди, — сказал Мерле. — Одного с тобой поколения. — Он затушил сигару. — Он подарил их мне на прошлый день рождения. Они лежали у меня на столе, мальчик, ждали моего прихода. Лежали бок о бок с теми, которые много лет назад подарил мне Руди.

Франклин на тот день рождения прислал телеграмму. Предположительно, телеграмма тоже ждала на столе. В телеграмме говорилось: «С днем рождения, отец».

— Я едва не расплакался, мальчик, когда увидел эти две пластины и эти два кубика рядышком, — сказал Мерле. — Ты это понимаешь? — спросил он. — Ты понимаешь, почему я едва не заплакал?

— Да, сэр, — сказал Франклин.

Глаза Мерле расширились.

— А потом, наверно, я правда пустил слезу — одну, может, две, — сказал он. — Потому что... знаешь, что я обнаружил, мальчик?

— Нет, сэр?

— Кубик Карла проходил через отверстие Руди! — сказал Мерле. — Они взаимозаменяемы!

— Надо же! — сказал Франклин. — Будь я проклят. Правда?

А теперь ему самому захотелось расплакаться, потому что ему было все равно, потому что его это не трогало, а ведь он правую руку бы отдал, лишь бы тронуло. Фабрика ухала, и бухала, и визжала в чудовищной ненужности: франклиново, все франклиново, скажи он только слово.

— Что ты с ними сделаешь? купишь театр в Нью-Йорке? — сказал вдруг Мерле.

— С чем, сэр? — спросил Франклин.

— С деньгами, которые я получу за фабрику, когда ее продам. С деньгами, которые оставлю тебе, когда умру, — сказал Мерле. Слово «умру» он произнес с нажимом. — Во что превратятся «Насосы Ваггонера»? В «Театры Ваггонера»? В Школу актерского мастерства Ваггонера? В Приют для неимущих актеров Ваггонера?

— Я... я об этом не думал, — сказал Франклин.

Мысль превратить «Насосы Ваггонера» в нечто равно сложное не приходила ему в голову и сейчас ужаснула. От него требовалось проявить страсть к чему-то, равную страсти отца к фабрике. А у Франклина не было такой страсти — ни к театру, ни к чему-либо еще.

У него не было ничего, кроме горько-сладких, почти бесформенных мечтаний. Слова, мол он хочет стать актером, придавали мечтаниям притягательность большую, чем они вправду имели. Слова были скорее поэзией, нежели чем-то еще.

— Не могу не испытывать толики интереса, — сказал Мерле. — Ты не в обиде?

— Нет, сэр, — сказал Франклин.

— Когда «Насосы Ваггонера» станут очередным подразделением «Дженерал Фордж энд Фоундри», и из головного офиса пришлют ушлых парней все тут переналадить, надо же мне будет чем-то себя отвлечь, — чем бы ты ни собрался заниматься.

Франклин сидел как на иголках.

— Да, сэр, — сказал он. Он посмотрел на часы и встал. — Если мы завтра на ферму, мне, наверное, стоит сегодня поехать к тете Маргарет.

Маргарет была сестрой Мерле.

— Давай, — сказал Мерле. — А я позвоню «Дженерал Фордж энд Фаундри» и скажу, что мы принимаем их предложение. — Он провел пальцем по адресной книге, пока не нашел имя и номер телефона. — Они сказали, мол, если решим продавать, нужно позвонить кому-то по имени Гай Фергюсон по добавочному пять-ноль-девять куда-то под названием «Дженерал Фордж энд Фаундри» где-то в Илиуме, Нью-Йорк. — Он облизнул губы. — Скажу ему, он и его друзья могут забирать «Насосы Ваггонера».

— Ради меня не продавай, — попросил Франклин.

— А ради кого мне ее держать? — спросил Мерле.

— Разве обязательно продавать сегодня? — сказал Франклин с ужасом.

— Я всегда говорю, куй железо, пока горячо, — сказал Мерле. — Сегодня день, когда ты решил стать актером, и так уж повезло, нам дают прекрасную цену за дело моей жизни.

— А нельзя подождать?

— Чего? — спросил Мерле. Теперь он развлекался.

— Отец! — воскликнул Франклин. — Во имя неба, отец, пожалуйста! — Он повесил голову, потрянул ею. — Я не знаю, что делаю, — сказал он. — Я еще не знаю наверняка, что хочу делать. Я просто ношусь с разными идеями, пытаюсь найти себя. Пожалуйста, отец, не продавай дело своей жизни, не выбрасывай только потому, что я не уверен, что хочу делать с моей! Пожалуйста! — Франклин поднял глаза. — Я не Карл Линберг, — сказал он. — Я ничего не могу с собой поделать. Мне очень жаль, но я не Карл Линберг.

Стыд омрачил лицо отца, но облако прошло.

— Я... никаких гадких сравнений не делал, — сказал Мерле.

Эти самые слова он произносил множество раз раньше. Франклин его к этому вынуждал, в точности, как вынудил сейчас, извинившись за то, что он не Карл Линберг.

— Я не хочу, чтобы ты был как Карл, — сказал Мерле. — Я рад, что ты таков, каков ты есть. Я рад, что у тебя соб-

ственная большая мечта. — Он улыбнулся. — Задай им жару, мальчик... и будь самим собой! Это ведь все, чему я тебя учил, верно?

— Да, сэр, — сказал Франклин.

Последний клочок веры в какую-либо собственную мечту у него вырвали. Он никогда бы не сумел мечтать на два миллиона долларов, не смог бы мечтать ни о чем, что стоило бы смерти отцовской мечты. Актер, газетчик, социальный работник, морской капитан — Франклин был не в состоянии задать кому-либо жару.

— Пожалуй, пора поехать к тете Маргарет, — сказал он.

— Давай. А я подожду со звонком Фергюсону или как там его до понедельника.

Мерле, казалось, пребывал в мире с самим собой.

По пути через парковку к своей машине Франклин прошел мимо нового фургончика Руди и Карла. Его отец им восторгался, и сейчас Франклин присмотрелся к нему внимательнее, — он всегда присматривался к тому, что нравилось отцу.

Фургончик был немецкий, ярко-синий, с белыми покрышками и мотором сзади. Выглядел он как настоящий маленький автобус: без капота спереди, высокая плоская крыша, раздвижные двери и ряды квадратных окошек по бокам.

Внутренность была шедевром аккуратности и столярного мастерства Руди и Карла. Там было место для всего, и все было на своем месте: ружья, рыболовная снасть, кухонная утварь, плитка, холодильник, одеяла, спальные мешки, фонари, аптечка. Там были даже две ниши — бок о бок — для закрепленных на ремнях футляров с кларнетом Карла и флейтой Руди.

Пока он восхищенно глядел в окошко, у Франклина возникла любопытная цепочка ассоциаций. Мысли о фургончике смешались с мыслями об огромном корабле, который выкопали в Египте и который тысячи лет провел под пес-

ком. Корабль был оснащен всем необходимым для путешествия в рай — всем мыслимым, кроме средств туда добраться.

— Миста Вагон-а, сэ-а! — произнес голос, и взревел мотор.

Франклин обернулся и увидел, что охранник на парковке его заметил и подогнал ему машину. Франклина избавили от необходимости пройти последние пятьдесят метров.

Охранник вышел и лихо отсалютовал.

— Эта зверюга, правда, делает сто двадцать пять, как написано на спидометре? — спросил он.

— Никогда не пробовал, — ответил Франклин, садясь.

Машина была спортивная, шумная и норовистая — на двух человек. Он купил ее подержанной, против воли отца. Отец ни разу в ней не ездил. Для своего путешествия в рай она была оснащена тремя бумажными носовыми платками со следами губной помады, открывалкой для пива, полной пепельницей и картой Иллинойса.

Франклин смутился, увидев, как охранник протирает лобовое стекло собственным носовым платком.

— Не надо, — сказал он. — Не надо. Бросьте.

Ему казалось, он помнит имя охранника, но он засомневался. Потом все же рискнул:

— Спасибо за все, Гарри.

— Джордж, сэ-а! — ответил охранник. — Джордж Мирамар Джексон, сэ-а!

— А, конечно, конечно, — сказал Франклин. — Извини, Джордж. Забыл.

Джордж Мирамар Джексон сверкнул улыбкой.

— Никаких обид, миста Вагон-а! Просто запомните на следующий раз — Джордж Мирамар Джексон, сэ-а!

Во взгляде Джорджа полыхала мечта о будущих временах, когда Франклин станет босом, и внутри откроется большой новый пост. В этой мечте Франклин говорил секретарше: «Мисс Такая-то? Пошлите за...» И выкатывалось волшебное, великолепное, незабываемое имя.

Франклин выехал с парковки без мечты, сравнимой хотя бы с мечтой Джорджа Мирамара Джексона.

* * *

За ужином, после анестезии двух крепких коктейлей и водоворота забот тети Маргарет Франклин сказал отцу, что хочет со временем перенять фабрику. Он станет Ваггонером в «Насосах Ваггонера», когда отец будет готов отойти от дел.

Без боли и труда Франклин тронул своего отца так же глубоко, как Карл Линберг своими стальной пластинкой, стальным кубиком и, один бог знает, сколькими годами терпеливого стачивания ножовкой.

— Ты единственный... ты это знаешь? — захлебнулся Мерле. — Единственный... клянусь!

— Единственный в чем, сэр? — спросил Франклин.

— Единственный сын, кто держится за то, что построил его отец или дед, а иногда даже прадед. — Мерле горестно качнул головой. — Никаких больше Хадсонов в «Пилах Хадсона», — сказал он. — Сомневаюсь, что сегодня «хадсоном» можно хотя бы сыр нарезать. Никаких Флеммингов в «Инструментах и красках Флемминга». Никакого Уорнера в «Мостовых Уорнера». Никакого Хоукса, никакого Хинкли, никакого Боумена в «Хоукс, Хинкли и Боумэн».

Мерле махнул на запад.

— Ты никогда не задумывался, кто все эти люди с большими новыми домами в том предместье? Такие дома, а мы с их владельцами никогда не встречались, даже не видели никого, кто с ними знаком? Это они перенимают, а не сыновья. Город выставлен на продажу, и они скупают. Теперь это их город — людей по фамилии Фергюсон из мест под названием Илиум.

— Что происходит с сыновьями? — сказал Мерле. — Они же твои друзья, мальчик. Ты с ними вырос. Ты знаешь их лучше, чем собственные отцы. В чем дело? В двух войнах? В выпивке?

— Не знаю, отец, — сказал Франклин, выбирая самый удобный выход. Он сложил салфетку с аккуратной окончательностью. Он встал. — В клубе сегодня вечером танцы, — сказал он. — Я думал сходить.

— Давай, — сказал Мерле.

Но Франклин не пошел. Он доехал до стоянки кантри-клаба, но внутрь не пошел.

Ему вдруг не захотелось видеть своих друзей — убийц мечты отцов. Их молодые лица был лицами стариков, висящих вниз головами, их выражения — гротескными и тупыми. Подвешенные вниз головой, они раскачивались из бара в бальный зал, оттуда к столам с игрой в кости, оттуда назад в бар. Никто не жалел их на той великой человеческой колокольне, потому что они станут богаты, если уже не разбогатели. Им не надо мечтать, не надо и пальцем шевелить.

Франклин пошел в кино один. Кино не сумело предложить способ, как бы ему улучшить свою жизнь. Оно предлагало быть добрым, любящим и скромным, а Франклин если и был кем, то добрым, любящим и скромным.

Ферма на следующий день была цветов соломы и мороза. Земля принадлежала Мерле и была плоской как бильярдный стол. Куртки и шапки Мерле и Франклина, Руди и Карла сложились в скоплении ярких пятнышек посреди поля.

Франклин стоял на коленях в щетине скошенных стеблей, взводя устройство, которое посылало тарелочку, иначе называемую «голубем», скакать по полю.

— Готово, — сказал он.

Мерле вскинул на плечо ружье, прищурился вдоль ствола, скривился и снова опустил.

— Тяни! — сказал он.

Франклин вырвал вытяжной шнур. Вылетела тарелочка.

Мерле выстрелил из одного ствола, потом, когда тарелочка была уже вне досягаемости, дурачась, из второго. Он промахнулся. Он промахивался весь день. И как будто не слишком расстраивался. Он ведь оставался боссом.

— Отстаю в счете, — сказал Мерле. — Наверное, чересчур стараюсь. — Он разломил ружье, выпрыгнули пустые гильзы.

— Кто следующий? — сказал он. — Карл?

Франклин зарядил в устройство еще тарелочку. «Птичку» ждет скорый конец. И следующую тоже. Карл весь день не промахивался, а за Карлом последовал Руди, который не промахивался тоже.

Удивительно, но не промахивался и Франклин. Равнодушный к происходящему, он словно бы слился со вселенной. Как оказалось, в такой бездумной гармонии он просто не может промахнуться.

Если бы выстрелы Мерле не приходились так далеко мимо цели, разговор свелся бы к мерному ритму «Готово... Тяни... Готово... Тяни». Ничего не было сказано про убийство маленькой мечты Франклина — мечты стать актером. Мерле не сделал победного объявления, мол, мальчик точно однажды переймет фабрику.

В мирке съездившегося человечка Франклин взводил и взводил устройство с кошмарным ощущением, что они уже годы и годы стреляют по тарелочкам, что ничего кроме этого в жизни нет, и конец этому может положить только смерть.

Ноги у него заledenели.

— Готово, — сказал Франклин.

— Тяни! — сказал Карл.

Вылетела птичка. Выстрелило ружье, и птичка превратилась в пыль.

Руди постучал себя по виску, потом отсалютовал Карлу согнутым пальцем. Карл ответил таким же салютом. Так происходило весь день — без тени улыбки. Карл отошел, его место занял Руди, — следующий винтик в безрадостной машине по уничтожению «птичек».

Настала очередь Карла взводить устройство. Когда они с Франклином менялись местами, Франклин хлопнул его по плечу и улыбнулся цинично. Франклин все вложил в этот хлопок и эту улыбку: отцы и сыновья, молодые мечты и старые мечты, боссы и работники, замерзшие ноги, скука и порох.

Для Франклина эта была сумасбродная выходка, — самое близкое к товариществу, что когда-либо происходило

между ним и Карлом. Он поступил так с отчаяния. Франклина требовалось знать, есть ли внутри Карла человеческое существо и, если да, то какое оно.

Карл чуть приоткрылся — едва-едва. Он показал, что способен краснеть. И на долю секунды показал, что есть кое-что, что ему хотелось бы Франклину объяснить.

Но все это быстро пропало. Он не улыбнулся в ответ.

— Готово, — сказал он.

— Тяни! — сказал Руди.

Вылетела птичка. Выстрелило ружье, и птичка превратилась в пыль.

— Надо найти что-нибудь посложнее для вас, ребята, и попроще для меня, — сказал Мерле. — На ружье грех жаловаться, чертова штуковина обошлась мне в шесть сотен. А нужно мне за шесть долларов и чтоб на него всегда можно было положиться.

— Солнце садится. Свет портится, — сказал Руди.

— Тогда, наверное, хватит, — сказал Мерле. — Кто чемпион среди стариков, Руди, и так ясно. Но мальчики идут голова к голове. Надо бы устроить соревнование.

— Могут попробовать с винтовкой, — сказал Руди.

Винтовка стояла прислоненная к плетню. У нее был телескопический прицел. Принадлежала она Мерле.

Мерле достал из кармана пустую пачку из-под сигарет и сорвал целлофановую обертку. Обертку он протянул Карлу.

— Повесьте-ка ее, ребята, в двухстах ярдах отсюда.

Франклин и Карл побрели вдоль плетня, побрели на двести ярдов. Они привыкли, что их вдвоем посылают с мелкими порученьями, с которыми легко бы справился один, привыкли представлять — ритуально — свое поколение в противоположность поколению отцов.

Оба молчали, пока обертка не была закреплена на столбе. А тогда, когда они отступили на шаг от мишени, Карл произнес что-то так робко, что Франклин не расслышал.

— Прости? — сказал Франклин.

— Я... я рад, что ты не переймешь фабрику, — сказал Карл. — Это хорошо... это прекрасно. Может, когда приедешь в наш город с гастрольями, я приду за кулисы тебя повидать. Можно? Ты меня не забудешь?

— Забуду тебя? — переспросил Франклин. — Вот те на, Карл!

На мгновение он показался себе актером, каким недолго мечтал стать.

— Выбирайся из-под своего старика, — сказал Карл. — Так и надо поступать. Мне просто хотелось тебе сказать... На случай, если ты подумал, будто я подумал что-то другое.

— Спасибо, Карл, — сказал Франклин. Он слабо тряхнул головой. — Но я не стану актером. Я возьму на себя фабрику, когда отец уйдет на покой. Я сказал ему вчера вечером.

— Почему? — спросил Карл. — Почему? — Он рассердился.

— Это сделает старика счастливым, а лучшей идеи у меня нет.

— Но ты же можешь, — сказал Карл. — Ты можешь уехать. Ты можешь стать кем угодно!

Франклин сложил ладони, потом открыл их — цветком фатализма.

— Любой может.

Глаза у Карла расширились.

— Я не могу, — сказал он. — Я не могу! У твоего отца есть не только ты. У него есть его большой успех. — Он отвернулся, чтобы Франклин не видел его лица. — А у моего старика есть только я.

— Да ладно, — сказал Франклин. — Эй, брось!

Карл повернулся к нему снова.

— Я — то, что он предпочел бы иметь вместо половины «Насосов Ваггонера», которую получил бы за две тысячи долларов! — сказал он. — Каждый день моей жизни он мне это говорил. Каждый день!

— Будь я проклят, Карл, — сказал Франклин, — у тебя же замечательные отношения с твоим отцом.

— С моим отцом? — недоверчиво переспросил Карл. — Нет, с твоим... с твоим. Это его мне полагается заставить меня любить. Он должен хотеть правую руку отдать ради сына вроде меня. Вот в чем смысл. — Он всплеснул руками. — Фургончик, дуэты, ружья, которые никогда не мажут, сын-идиот, натасканный слушаться сигналов, — все лишь бы твой отец хотел себе такого же.

Франклин был поражен.

— Ты все себе напридумывал, Карл. Твой собственный отец предпочел бы тебя вместо половины «Насосов Ваггонера» или еще чего!

— И я раньше так думал, — сказал Карл.

— Вспомни про пластинку и кубик, которые ты выточил, — сказал Франклин. — Ты подарил их моему отцу, но на самом деле это был подарок твоему. Это же идеальный подарок от сына! Я своему никогда ничего такого не дарил, ничего, во что вкладывал сердце и душу. Я не мог!

Карл покраснел и опять отвернулся.

— Я их не делал, — сказал он. Его била дрожь. — Я пытался! Как я пытался!

— Не понимаю.

— Моему отцу пришлось их изготовить! — горько сказал Карл. — А я обнаружил, что не важно, кто их сделал, если только твой отец думает, что их сделал я.

Франклин тихо и печально присвистнул.

— Когда мой старик их сделал, он меня носом тыкал в то, как это для него важно. — Карл и впрямь утер нос рукавом куртки.

— Но, Карл... — сказал Франклин.

— А провались оно, — устало сказал Карл. — Я его не виню. Извини, что не сдержался. Я в порядке... Я в порядке. Переживу. — Он щелкнул пальцем по обертке. — Я промахнусь, и пошло оно.

Больше ничего сказано не было. Оба побрели назад к своим отцам. Франклину казалось, они оставляют разговор позади, что поднимающийся ветер уносит их темные мыс-

ли. К тому времени, когда они вернулись на линию стрельбы, Франклин думал только про виски, стейк и раскаленную плитку.

Когда они с Карлом стреляли по обертке, Франклин задел уголок, Карл попал в середину. Руди постучал себя по виску, потом отсалютовал Карлу согнутым пальцем. Карл ответил таким же салютом.

После ужина Руди и Карл играли дуэтом на флейте и кларнете. Они играли без нот, замысловато и красиво. Франклин и Мерле могли только отбивать такт пальцами в надежде, что их постукивание по столу звучит как барабаны.

Франклин посмотрел на отца. Когда их взгляды встретились, они решили, что их дробь ни к чему. И постукивание прекратилось.

В это мирное мгновение Франклин к приятному своему недоумению обнаружил, что музыка говорит уже не только об одних Руди и Карле. Она говорила про всех отцов и сыновей. Она говорила то, что они сами говорили, запинаясь, иногда с болью, иногда с гневом, иногда с жестокостью, а иногда с любовью: что отцы и сыновья — одно.

А еще она говорила, что близится время расставания душ — не важно, как бы один ни был дорог другому, не важно, кто бы кого ни старался удержать.

НОЧЬ ДЛЯ ЛЮБВИ

Лунный свет — это для молодых. А уж что до женщин, так они его просто обожают. Но мужчина, чем он старше, тем обычно меньше нравится ему лунный свет. Слишком жиденький и холодный, неуютный какой-то. Терли Уайтмен именно так и считал. Терли стоял в пижаме у окна в спальне и ждал, когда его дочь Нэнси вернется домой.

Это был огромный добродушный и симпатичный мужчина. Из него получился бы замечательный король, но работал он копом, охранником автостоянки, что у главного офиса компании «Рейнбек Эбрейсивс». Его дубинка, револьвер, патроны и наручники валялись в кресле, у постели. Терли пребывал в растерянности и тревоге.

Жена Милли лежала в постели. Впервые со дня их медового месяца в 1936 Милли не накрутила волосы на бигуди. И теперь эти волосы рассыпались по подушке, отчего она сразу стала казаться моложе, мягче и как-то загадочней.

Милли уже давным-давно не выглядела загадочной в постели. Глаза ее были широко раскрыты, и смотрели они на луну.

Ее отношение к проблеме просто бесило Терли — Милли категорически отказывалась беспокоиться и думать, что

с Нэнси что-то могло случиться, там на улице, в лунном свете, поздней ночью. Милли незаметно для себя уснула, а потом проснулась и некоторое время смотрела на луну с таким видом, словно на уме у нее было нечто необыкновенно важное. И не говорила о том, что думает, а потом... потом опять уснула.

— Ты не спишь? — спросил жену Терли.

— А? — сонно откликнулась Милли.

— Решила не спать?

— Я не сплю, — мечтательным и дремотным, точно у молоденькой девушки, голоском откликнулась Милли.

— Небось, и задремала немножко, но как-то не заметила, — ответила она.

— Да ты целый час дрова пилила, — сказал Терли.

Он специально сказал жене гадость. Думал, что, может, это заставит ее окончательно проснуться. Он хотел, чтобы она проснулась и говорила с ним вместо того, чтобы пялиться на эту дурацкую луну. Никаких дров во сне она, разумеется, не пилила. Лежала себе тихо и спокойно, и была такая красивая...

Некогда его Милли считалась первой красоткой в городе. Теперь ее место заняла дочь.

— Знаешь, я тебе честно скажу. Я ужасно волнуюсь, — сказал Терли.

— Ах, милый, — протянула Милли, — да все с ними в порядке. Здравый смысл у них, слава богу, есть. Не какие-нибудь там полоумные подростки.

— Ты что же, хочешь тем самым сказать, что они не валяются сейчас где-нибудь в канаве, в разбитой машине?

Эти слова разом и окончательно пробудили Милли. Она села в постели, моргая и хмурясь.

— Ты что, и правда думаешь...

— Да, думаю! — рявкнул Терли. — Он дал мне честное благородное слово, что доставит девочку домой в целостности и сохранности. И произойти это должно было еще два часа тому назад!

Милли откинула одеяло, спустила босые ноги на пол.

— Ясно, — сказала она. — Теперь я окончательно проснулась. И тоже начала волноваться.

— Давно пора, — буркнул Терли. Демонстративно повернулся к жене спиной и снова уставился в окно, нервно постукивая большой ступней по радиатору.

— Так мы что же, просто будем ждать и волноваться? — спросила Милли.

— А что ты предлагаешь? — огрызнулся Терли. — Если хочешь позвонить в полицию и узнать, не было ли каких несчастных случаев, можешь не утруждаться. Я позаботился об этом, пока ты пилила дрова.

— И никаких несчастных случаев?.. — еле слышно спросила Милли.

— Никаких, насколько им известно, — ответил Терли.

— Что ж... тогда... это немного ободряет, верно?

— Может, тебя и ободряет, — сказал Терли, — а лично меня — нет. — И покосился на жену. И увидел, что она уже и думать забыла про сон и вполне в состоянии выслушать то, что он собирался ей сказать. — Ты уж извини, дорогая, за прямоту, но у меня сложилось впечатление, что ты относишься ко всей этой истории, как к развлечению или каникулам. И ведешь себя так, будто это тебя, а не Нэнси, вывозит на прогулку в своем авто мощностью в триста лошадиных сил этот богатенький смазливый щенок. Будто это неслыханная честь какая!..

Милли встала и смотрела обиженно и растерянно.

— Каникулы? — пролепетала она. — Я?..

— Думаешь, я ничего не замечаю? Специально распустила волосы, чтоб выглядеть моложе и симпатичнее. На тот случай, если он вдруг заглянет, когда, наконец, привезет нашу девочку домой.

Милли прикусила губу.

— Просто подумала, если он вдруг зайдет и начнется скандал, эти бигуди в волосах... будет еще неприличнее и хуже...

— А ты, конечно, считаешь, что обязательно должен быть скандал, да? — спросил Терли.

— Не знаю. Ты глава семьи, тебе видней. Поступай, как считаешь нужным. — Милли подошла к мужу, легонько дотронулась до его плеча. — Милый, — протянула она, — лично я тоже не вижу в том ничего хорошего. Нет, честно, нет. И тоже изо всех сил стараюсь сообразить, как сейчас лучше поступить и что сделать.

— К примеру? — спросил Терли.

— Почему бы тебе не позвонить его отцу? — сказала Милли. — Может, он знает, где они. Или какие у них были планы.

Это предложение подействовало на Терли самым странным образом. Он продолжал возвышаться над Милли, но уже словно бы не властвовал ни над домом, ни над своей маленькой босоногой женой.

— Да, замечательно, ничего не скажешь! — протянул он.

И, хотя произнес эти слова достаточно громко, прозвучали они глухо, точно рокот большого барабана.

— Почему нет? — не унималась Милли.

Терли был больше не в силах смотреть на жену. Поднес часы к окну, взглянул на циферблат.

— Просто замечательно, — повторил он, обращаясь к городку, утопавшему в лунном свете. — Вытащить самого Л. Ч. Рейнбека из постели! «Привет, Л. Ч. Это Т. У. Что, черт побери, делает до сих пор ваш сын с моей дочуркой, а?» — и Терли с горечью расхохотался.

Милли, похоже, не поняла мужа.

— Но ты имеешь полное право позвонить ему, как и любому другому человеку, если считаешь дело срочным и важным, разве нет? — спросила она. — Просто я хочу сказать, все люди свободны и равны в такой поздний час.

— Говори за себя! — огрызнулся Терли. — Может, это ты считаешь себя свободной и равной с великим Л. Ч. Рейнбеком, но лично я таковым себя никогда не считал! Более того, и не собираюсь.

— Просто я хотела сказать, что и он тоже человек, — продолжала гнуть свое Милли.

— Да, в этих вопросах ты у нас настоящий эксперт, — проворчал Терли. — Чего не скажешь обо мне. Уж он-то никогда не возил меня на танцы в загородный клуб.

— Меня тоже не возил, не волнуйся, — заметила Милли. — Он вообще не любит танцевать. — Она тут же поправилась: — Вернее, не любил.

— Пожалуйста, не засоряй мне голову всеми этими подробностями среди ночи! — взмолился Терли. — Получается, что он все-таки тебя вывозил, пусть даже не на танцы. И делал с тобой все, что ему вздумается. И уж кому, как не тебе, знать, на что он способен.

— Но дорогой, — жалобно возразила Милли, — он и вывозил меня всего-то один раз, поужинать, в «Голубую мельницу». Да, и еще раз, в кино. Помню, мы смотрели «Тонкого человека». Причем заметь, говорил только он, а я слушала. И ничего интересного или там романтического в его разговорах не было. Просто рассуждал вслух о том, что собирается превратить свою фабрику по производству абразивных материалов в фарфоровый завод. Что якобы сам собирается сделать все чертежи и расчеты. Но так и не сделал. И никакой я не эксперт по Луису Ч. Рейнбеку. — Она прижала ладонь к груди. — Я уж скорее эксперт по тебе.

Терли то ли хмыкнул, то ли хрюкнул нечто нечленораздельное.

— Что, милый? — спросила Милли.

— По мне? — раздраженно воскликнул Терли. — Стало быть, ты считаешь себя экспертом... по мне?

Милли беспомощно всплеснула руками. Терли не заметил этого жеста.

Он стоял, неподвижный и твердый, как скала, но все больше заводился. И внезапно сорвался с места и неуклюже, но стремительно бросился к телефону, что стоял на тумбочке возле постели.

— А почему действительно ему и не позвонить? — про-рычал он. — Почему бы и не позвонить?..

Толстыми негнушимися пальцами он листал телефонную книгу в поисках номера Рейнбека, а про себя думал: интересно, сколько людей из компании осмеливались под-нять своего босса с постели по ночам?

Начал набирать номер, повесил трубку, стал набирать снова. Похоже, храбрость его таяла с каждой секундой.

Милли была не в силах видеть это.

— Да не спит он, не спит, — сказала она, чтоб подбо-дрить мужа. — У них сегодня вечеринка.

— У них сегодня что? — рассеянно спросил Терли.

— У Рейнбеков сегодня вечеринка. Может, только что кончилась.

— Откуда тебе знать? — спросил Терли.

— Было напечатано в газете, в разделе светских ново-стей. Кроме того, — продолжила Милли, — можешь пойти на кухню и посмотреть сам. Горит у них в доме свет или нет.

— Так что же это получается? Выходит, дом Рейнбеков виден с нашей кухни? — спросил Терли.

— Конечно! — воскликнула Милли. — Только надо при-гнуться пониже и наклонить голову немного набок. И тогда в самом уголке окна будет виден дом Рейнбеков.

Терли как-то странно кивнул и задумчиво и изучающе уставился на жену. Потом опять набрал номер Рейнбеков, услышал два гудка и повесил трубку. Теперь он снова доми-нировал над женой, домом, всеми его комнатами.

Милли поняла, что допустила страшную ошибку. И го-това была проглотить свой болтливый язык.

— Так значит, ты всегда читаешь в газетах, что делают и чем занимаются эти самые Рейнбеки? — медленно начал Терли.

— Но дорогой, — возразила Милли, — все женщины чи-тают колонку светских новостей. И это ровным счетом ни-чего не значит. Согласна, глупое, пустое занятие. Но что еще читать, когда приходят газеты? Все женщины это делают.

— Конечно, — насмешливо протянул Терли. — Ясное дело. Но многие ли из них могут сказать себе: «А я проводила время с мистером Луисом Ч. Рейнбеком»?

Терли изо всех сил старался сохранять спокойствие. Говорил с Милли чуть ли не отеческим тоном, словно давая понять, что заранее готов простить жене все.

— Так тебя действительно волнует, что произошло с двумя ребяташками, затерявшимися неведомо где в свете луны? — спросил он. — Или хочешь и дальше притворяться, что этот инцидент — единственное, о чем думает сейчас каждый из нас?

Милли похолодела.

— Что-то я тебя не пойму... — пробормотала она.

— По сто раз на дню чуть ли не шею себе сворачиваешь, подглядывая из кухонного окна за тем, что творится в доме Рейнбеков, в их большом и красивом белом доме, и якобы не понимаешь, что я имею в виду? — взорвался Терли. — Наша девочка болтается неизвестно где. Ночью, с парнем, который в один прекрасный день станет хозяином этого самого дома, а ты якобы не понимаешь, что я хочу сказать? Распустила волосы, пялишься на луну, слышать не желаешь ни единого моего слова и делаешь вид, что не понимаешь? — Терли удрученно покачал большой величественной головой. — Нет, это просто ни в какие ворота не лезет!

В большом белом доме на холме зазвонил телефон. Издал два гудка — и снова умолк. Луис Ч. Рейнбек сидел в это время под светом луны, на лужайке, в белом металлическом кресле. И глядел на поле для гольфа с таким приятным глазу мягким уклоном, на открывающееся за ним пространство и город. Ни одно из окон в большом белом доме освещено не было. И он подумал, что его жена Натали уже спит.

Луис пил. Лично ему всегда казалось, что от лунного света мир не выглядит хоть сколько-нибудь лучше. Точно все вокруг вымерло, как на Луне.

Зазвонил телефон. Издал два гудка и смолк — что вполне соответствовало мыслям и настроению Луиса. Звонок те-

лефона был приятным штрихом — обозначал некое срочное дело, которое может и подождать.

— Лишь взбаламутил ночь, а потом, видите ли, повесил трубку. — Эти слова Луис Ч. Рейнбек произнес вслух.

Вместе с домом и компанией «Рейнбек Эбрейсивс» он унаследовал от отца и деда глубокое и приносящее удовлетворение ощущение, что он, Рейнбек, совершенно развращен коммерцией. И, подобно своим предкам, считал себя исключительным и тонким знатоком фарфора, человеком, способным создавать самые замечательные его образчики. Вот только не повезло — родился не в том месте и не в то время.

После двух прозвучавших в глубине дома звонков в дверях, словно по заказу, возникла жена Луиса. Натали была холодной и subtilной девушкой из Бостона. И ее роль сводилась к тому, чтобы не понимать мужа. И исполняла она эту роль, надо сказать, просто блестяще, разбирая на части и анализируя все перепады его настроения — точно опытный механик детали какого-нибудь механизма.

— Слышал телефонный звонок? — спросила она мужа.

— А?.. Ах, ну да. Ага, — ответил Луис.

— Позвонил, а потом перестал, — сказала Натали.

— Знаю, — ответил Луис. И глубоко вздохнул, как бы предупреждая тем самым жену, что вовсе не желает обсуждать с ней ни телефонный звонок, ни что-либо другое, творящееся в доме, как и подобает истинному янки.

Но Натали проигнорировала предупреждение.

— Интересно, — сказал Луис.

— Может, кто-то из гостей забыл что-нибудь? Ты ничего такого не заметил, никаких посторонних предметов?

— Нет, — ответил Луис.

— Сережку, что-нибудь еще в этом роде... — продолжала Натали. На ней был бледно-голубой, похожий на облако, пеньюар, подарок мужа. Однако появление ее в negligee не имело должного подтекста, поскольку она тащила за собой по лужайке тяжеленное металлическое кресло. Хоте-

ла посидеть рядом с мужем. Подлокотники кресел шелкнули, соприкоснувшись. Луис едва успел убрать пальцы.

Натали уселась.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил Луис.

— Какая луна, а?

— Ага, — буркнул Луис.

— Наверное, люди славно проводят время в такую ночь, — заметила Натали.

— Почем мне знать, — буркнул Луис. — К тому же лично мне так не кажется, — тем самым он как бы хотел подчеркнуть, что на сборищах, подобных сегодняшней вечеринке, он Л.Ч. Рейнбек всегда оказывался единственным художником и философом в душе. А все остальные были просто бизнесменами.

Натали было не привыкать. И она пропустила это его замечание мимо ушей.

— А во сколько приехал Чарли? — осведомилась она. Чарли был их единственным сыном, полностью именовался Луисом Чарльзом Рейнбеком-младшим.

— Не помню, — ответил муж. — Он мне не докладывается. Как и все остальные в доме.

Натали, доселе мирно любовавшаяся луной, с тревогой подалась вперед.

— Так его что, до сих пор еще нет? — спросила она.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Луис.

Натали вскочила.

И, щурясь, стала всматриваться в ночь, пытаясь разглядеть машину Чарли в тени гаража.

— А с кем он сегодня встречался? — спросила она.

— Он со мной не разговаривает, — напомнил муж.

— С кем? — не отставала Натали.

— Ну, если не сам с собой, то непременно с кем-то еще, кого ты, как всегда, не одобряешь, — сказал Луис.

Но жена уже не слышала его. Она бежала к дому. Снова зазвонил телефон, и трезвонил до тех пор, пока Натали не подошла.

Она протянула трубку мужу.

— Какой-то человек по имени Терли Уайтмен, — сказала она. — Говорит, что один из твоих охранников.

— На заводе что-то случилось? — сказал Луис и взялся за телефон. — Не иначе пожар?

— Да нет, — ответила Натали, — ничего такого серьезного. — По опыту Луис уже знал, что случилось нечто гораздо худшее. — Вроде бы наш сын повез куда-то дочку мистера Терли, и они должны были вернуться несколько часов тому назад. Ну и понятно, мистер Терли очень волнуется о своей дочери.

— Мистер Терли? — бросил Луис в телефонную трубку.

— Терли всего лишь мое имя, сэр, — ответил Терли. — А полностью я Терли Уайтмен.

— Пойду наверх и послушаю через второй аппарат, — шепнула Натали. И, подобрав пышные полы пеньюара, помчалась наверх крупными скачками на мужской манер.

— Вы, наверное, меня не помните, хотя видели, — сказал Терли. — Я охраняю автостоянку возле главного здания.

— Ну, конечно, помню, почему нет. И имя, и все прочее, — солгал Луис. — Так что там произошло с моим сыном и вашей дочерью?

Но Терли еще не был готов подойти к сути дела. Продолжал знакомить босса со своей семьей.

— А мою жену вы уж наверняка знаете куда лучше, чем меня, сэр, — добавил он.

В трубке послышался тихий и удивленный женский возглас.

Сперва Луис не понял, кто издал это жалобный вскрик — его жена или супруга Терли. Но когда услышал, что на другом конце линии, видимо, происходит борьба и кто-то пытается повесить трубку, понял, что это у Терли. И что, по всей видимости, жена этого самого Терли не хочет, чтоб в разговоре упоминалось ее имя.

Но Терли был настроен решительно и выиграл борьбу.

— Вы знали ее еще под девичьей фамилией, — сказал он. — Милли... Милли О'Ши.

Все протесты на том конце провода прекратились. И это стало для Луиса потрясением. Потрясение усугублялось еще и тем, что он вдруг вспомнил молоденькую хорошенькую и пылкую Милли О'Ши. Он не думал о ней вот уже много лет, понятия не имел, что с ней случилось.

Но стоило только упомянуть ее имя, и Луису показалось, что все это время он думал о ней постоянно — с того самого момента, когда они обменялись прощальным поцелуем в свете луны. А было это страшно давно.

— Да, да, конечно, — пробормотал Луис. — Да, я... я очень хорошо ее помню, — и ему вдруг захотелось плакать — по утраченной молодости, по всему тому, что некогда связывало молодых возлюбленных.

После упоминания имени Милли Терли повел разговор с великим Луисом Ч. Рейнбеком в нужном ему русле. Произошло чудо — равенство торжествовало. Терли и Луис беседовали, как мужчина с мужчиной, отец с отцом. И Луис даже бормотал какие-то невнятные извинения, когда речь заходила о его сыне.

Затем Луис поблагодарил Терли за то, что тот позвонил в полицию. На его месте он бы поступил в точности так же. Мало того, теперь он сам, лично, позвонит в полицию. И если что-то узнает, тут же перезвонит Терли. Обращаясь к Терли, Луис называл его «сэр».

Страшно возбужденный, Терли повесил трубку.

— Передает тебе большой привет, — сказал он Милли. Но, обернувшись, увидел, что говорит в пустоту. Босоногая Милли бесшумно выскользнула из комнаты.

Терли нашел ее на кухне. Она подогревала кофе на новой электроплите. Плита называла «Глобмастер». И у нее была очень сложная панель управления. Сбылась давнишняя и самая заветная мечта Милли — завести в доме плиту «Глобмастер». Далеко не все заветные мечты Милли о приобретении хороших вещей сбывались.

Кофе уже кипел, кофейник шипел и плевался. Милли, казалось, не замечала этого, хотя и смотрела на кофейник с видом крайнего сосредоточения. Вот кофейник плюнул кипятком и обжег ей руку. И тут вдруг Милли разрыдалась, поднесла руку ко рту. И увидела мужа.

Хотела было проскочить мимо него в коридор, но он крепко ухватил ее за плечо.

— Милая, — как-то заторможенно произнес он. И выключил свободной рукой «Глобмастер». — Милли...

Милли отчаянно старалась вырваться. Но Терли с легкостью удерживал ее, по-видимому, даже не осознавая, что причиняет жене боль. Наконец Милли утихла, ее славное личико покраснелось и было искажено гневом.

— Может, все-таки скажешь мне, дорогая, что не так? — спросил Терли.

— Обо мне не беспокойся, — отрезала Милли. — Лучше думай о людях, которые умирают в канавах.

Терли отпустил ее.

— Я сказал что-то не то? — похоже, растерянность его была ничуть не наигранной.

— Ах, Терли, Терли, — пробормотала Милли. — Вот уж не думала, не гадала, что ты можешь причинить мне боль. Мне больно! Очень больно!.. — И она сложила ладошки лодочкой, точно держала в них нечто страшно ценное. А потом разжала пальцы и выронила драгоценность из рук на пол.

Терли проследил взглядом за этим воображаемым предметом.

— Только потому, что я назвал ему твое имя? — спросил он.

— Когда... когда ты сказал ему мое имя... Это не просто имя, ты тем самым сказал гораздо больше. — Ей хотелось простить мужа, но это было выше ее сил. — Думаю, ты сам не понимаешь, что делаешь и говоришь. Не мог понять...

— Да я всего-то и сказал, как тебя зовут, вот и все, — пытался оправдаться Терли.

— Для Луиса Ч. Рейнбека это было более, чем достаточно! — пылко заметила жена. — И он тут же вообразил, что женщина, с которой он двадцать лет тому назад встречался пару раз, с тех пор ни о ком другом и думать не желает! И говорить — тоже. И что ее муж знает об этих двух дурацких свиданках и страшно ими гордится. Как она. Даже больше!

Милли пригнулась, склонила голову набок и выглянула из окна. И указала пальцем на яркие отблески белого света в самом уголке этого окна.

— Вот, посмотри, полюбуйся, — сказала она. — Великий Луис Ч. Рейнбек зажег в своем доме все огни. В знак того, что я любила его все эти годы, — огни в доме Рейнбеков тут же погасли. — А теперь погасил и сидит где-нибудь в свете луны. И думает о бедной маленькой женщине, и ее бедном маленьком муже, и их беспутной маленькой дочурке. — Милли содрогнулась. — Так вот! Никакие мы не бедные! Во всяком случае, не были ими до сих пор.

Великий Луис Ч. Рейнбек вернулся к своей выпивке и белому металлическому креслу на лужайке. Он позвонил в полицию, где ему сказали то же самое, что и Терли — ни о каких несчастных случаях или катастрофах им на данный момент ничего не известно.

Натали снова вышла и снова уселась рядом с мужем. Пыталась обратить на себя его внимание, хотела, чтоб он видел ее насмешливую и одновременно встревоженную покровительственную улыбку. Но Луис на нее не смотрел.

— Так ты знал... мать этой девочки? — спросила она.

— Знал, — буркнул муж.

— И вывозил ее на прогулки по ночам? Таким, как сегодня? Полная луна и все такое прочее, да?

— Давай откопаем в доме календарь двадцатилетней давности и посмотрим, какие в том году были фазы луны, — сухо ответил Луис. — Полнолуния, как тебе, наверное, известно, избежать нельзя. Оно случается раз в месяц.

— А какая была луна в день нашей свадьбы? — спросила Натали.

— Полной? — не слишком уверенно ответил Луис.

— А вот и нет, — сказала Натали. — Молодой. Молоденький такой, новорожденный месяц.

— Ну, женщины, они вообще как-то чувствительней к разным мелочам, — заметил Луис. — Обращают внимание на всякую там ерунду.

И сам себе удивился — до чего же сварливый, раздражительный у него голос. А уж что касается памяти, так она проделывала с ним самые странные шутки. Он ничего не помнил об их с Натали медовом месяце. Напрочь вылетело из головы.

Зато он прекрасно и в самых мельчайших подробностях помнил ту ночь, когда они с Милли О'Ши гуляли по полю для гольфа. И луна в ту ночь была особенно яркой и полной.

А Натали меж тем все говорила и говорила что-то. И когда наконец умолкла, Луис попросил ее повторить все, с самого начала. Ибо он не слышал ни слова.

— Я сказала: «На что это похоже?» — повторила Натали.

— Что на что похоже?

— Быть молодым горячим самцом с фамилией Рейнбек, когда кровь кипит в жилах, а сердце разрывается от желания. Когда ты сбегашь с холма рука об руку с самой хорошенькой в городе девушкой, гуляешь с ней под луной! — Она расхохоталась. — Должно быть, божественно ощущение.

— Да нет, — буркнул в ответ Луис.

— Значит, не божественное?

— Божественное? Да я сроду за всю свою жизнь ни разу не чувствовал себя так... по-человечески! — Луис отбросил пустой бокал, запустил им в темноту, в сторону поля для гольфа. И при этом ему страшно захотелось стать сильным и метким, и угодить бокалом в то самое место, где Милли наградила его прощальным поцелуем.

— Тогда будем надеяться от всей души, что наш Чарли жениться на этой крутой малышке из города, — сказала На-

тали. — Пусть на свете больше не будет холодных и бездушных жен Рейнбеков, вроде меня. — Она встала. — Давай смотреть правде в глаза. Ты был бы в тысячу раз счастливее, если б женился тогда на этой самой Милли О'Ши!

И она отправилась спать.

— К чему обманывать самих себя? — спросил Терли Уайтмен жену. — Ты была бы в миллион раз счастливее, если б вышла замуж за Луиса Рейнбека. — Он вернулся на свой пост, у окна в спальне. И снова смотрел в ночь, и снова нервно постукивал большой ступней по радиатору.

Милли присела на краешек кровати.

— Ни в миллион раз, ни даже в два раза, ни в тысячную долю раз, — возразила он. — И, пожалуйста, Терли, прекрати молоть чушь. Я просто больше не вынесу, это безумие какое-то!

— Ну да, как же! Только что, на кухне, ты называла вещи своими именами, — заметил Терли. — Закатила целый скандал из-за того, что я, видите ли, назвал твое имя самому великому Луису Рейнбеку! Позволь теперь и мне назвать вещи своими именами. И сказать, что ни один из нас не хочет, чтобы наша дочь повторила твою ошибку.

Милли подошла к мужу, обняла его.

— Терли, прошу тебя, пожалуйста, перестань! Ничего глупее и противнее в жизни от тебя не слышала!

Терли налился краской, набычился, стоял упрямо и не сдаваясь, как статую.

— Помню, сколько всего наобещал тебе тогда, Милли, — сказал он. — Помню всю эту болтовню. Ни один из нас тогда не считал, что работать охранником на автостоянке — это предел мечтаний, а не работа.

Милли затрясла мужа, но ничего тем самым не добилась.

— Мне плевать, какая у тебя работа! — воскликнула она.

— Я собирался сделать больше денег, чем у великого Л.Ч. Рейнбека, — сказал Терли. — Причем, заметь, собирался

сделать их сам, без чьей-то там помощи. Помнишь, Милли? Это тебя и подкупило, верно?..

Она тут же отдернула руки.

— Нет, — сказала она.

— Тогда что же? Моя непревзойденная красота? — спросил Терли.

— Вот это уже ближе к истине, — сказала Милли. В ту пору они считались самой эффектной парочкой в городе. — Но в основном, — продолжила она, — всему виной великий Луис Ч. Рейнбек. И еще луна.

Великий Луис Ч. Рейнбек находился в спальне. Жена лежала в постели, закутавшись с головой в одеяло. До чего же обманчиво уютна эта комната, создает иллюзию романтики и не умирающей любви — вне зависимости от того, что в ней происходит.

Правда, до сих пор все, что происходило в этой комнате, было относительно приятно. Теперь же вдруг выяснилось, что браку Луиса и Натали настал конец. Когда Луис все же решился и отдернул одеяло, ему открылось опухшее от слез лицо жены. И сразу стало ясно — это конец.

Луис чувствовал, что глубоко несчастен. Он был не в силах понять, как это все могло развалиться, разлететься в прах, причем столь стремительно и внезапно.

— Да я... я об этой Милли О'Ши лет двадцать как не вспоминал, — пробормотал он.

— Пожалуйста, не надо! Только не лги! Не надо ничего объяснять, — сказала Натали. — Я и без того все прекрасно понимаю.

— Клянусь, — сказал Луис, — я не видел ее двадцать лет.

— Верно, — кивнула Натали. — Но это и есть самое худшее. Лучше уж бы ты виделся с ней... встречался, когда захочется. Это было бы куда как лучше, чем все это... это, — она села в постели, судорожно подбирая нужное слово. — Чем все эти ужасные, пустые, болезненные и бесполезные сожаления и нытье!

И она снова рухнула на подушки.

— Сожаления о Милли? — спросил Луис.

— О Милли, обо мне, об этой дурацкой компании, обо всех тех вещах, которых ты хотел и не добился. О том, что получил, сам того не желая. А мы с Милли — всего лишь наглядный пример, который говорит обо всем!

— Но я... я не любил ее. Никогда не любил, — пробормотал Луис.

— Нет, все-таки она, должно быть, тебе нравилась. С ней ты первый и единственный раз в жизни почувствовал себя человеком, — не унималась Натали. — И то, что происходило между нами в лунном свете... короче, тебе с ней было хорошо. Куда как лучше, чем со мной.

Луис пришел в еще большее смятение. Нет, этот кошмар никогда не кончится! Потому что он знал: Натали говорит правду. В жизни ему не было так хорошо, как тогда, с Милли, под луной.

— Но между нами ничего такого не было, — жалобно пробормотал он. — Совершенно никакой основы для любви. Мы были абсолютно чуждыми людьми. И я совсем не знал ее. И до сих пор не знаю.

Мышцы губ подбородка у него свело, слова выходили с трудом — от сознания того, что вот сейчас он наконец скажет нечто страшно важное и самое главное.

— Я... мне кажется, она была лишь символом моего разочарования в самом себе. Всего того, чего я мог бы добиться и не сумел, — выдавил он.

А затем подошел к окну в спальне и мрачно взглянул на заходящую луну. Свет ее стал еще более плоским и тусклым, и отбрасывал длинные тени на поле для гольфа, зрительно увеличивая его. Обман зрения, игра в ошибочную географию. Он видел флажки, они развевались на ветру там и сям, но ровным счетом ничего не обозначали. Именно здесь разыгралась тогда величайшая любовная сцена в его жизни.

И тут вдруг он все понял.

— Лунный свет... — пробормотал Луис.

— Что? — не поняла Натали.

— Да, именно, должно быть, в нем все и дело! — И Луис рассмеялся, очень уж простым оказалось объяснение. — Нам просто ничего не оставалось, как влюбиться, под такой-то лунной! Таковы уж законы природы и этого мира. Во всем виновата луна.

Натали снова села в постели, похоже, она немного воспряла духом.

— Самый богатый юноша в городе, самая хорошенькая в городе девушка, — сказал Луис. — Мы ведь не могли подвести луну, верно?

И он опять засмеялся, и заставил жену подняться с постели, подойти к окну и взглянуть на луну вместе с ним. «И там я тогда подумал, что между мной и Милли что-то серьезное, но это было так давно... — Он покачал головой. — А на деле всего лишь красивый обман в лунном свете».

Он подвел жену к постели.

— Ты единственная в мире, кого я всегда любил и люблю. Час назад я этого еще не понимал. Зато теперь знаю.

И все у них с тех пор было замечательно.

— Не стану тебе лгать, — сказал Милли Уайтмен мужу. — Я любила великого Луиса Ч. Рейнбека. Но совсем недолго. Влюбиться там, на поле для гольфа, в свете луны... другого выхода просто не было. Можешь ты это понять или нет? Я была просто вынуждена влюбиться в него, пусть даже мы друг другу не так уж и нравились.

Терли силился представить, как это могло случиться. И понял жену. Но не почувствовал себя от этого счастливее.

— Мы и целовались-то всего один раз, — продолжила Милли. — И если бы он тогда поцеловал меня как следует, наверное, и правда, была бы я сейчас миссис Луис Ч. Рейнбек. — Она кивнула. — И говорю я тебе все это только потому, что мы сегодня договорились называть вещи своими именами. А как раз перед тем, как поцеловались на том поле для гольфа, я еще подумала: «До чего же несчастный бога-

тый мальчик! Насколько счастливее я смогу сделать его, чем любая холодная злобная кривляка, богатенькая девица из клуба!» А потом, когда он поцеловал меня, я поняла, что он меня не любит. Никогда и ни за что не полюбит. И тот поцелуй оказался прощальным.

— Вот в том-то и была твоя ошибка, — заметил Терли.

— Нет, — ответила Милли. — Потому что второй парень, с которым я целовалась, делал это как надо. Показал, что знает, что такое любовь. Пусть даже никакой луны тогда на небе не было. И с тех пор я жила с ним счастливо. До сегодняшнего дня. — Она крепко обняла мужа. — А теперь поцелуй меня скорей. Как тогда, в первый раз. И я снова буду счастлива.

Терли выполнил ее просьбу. Теперь и у них тоже все было хорошо.

Примерно минут через двадцать в обоих домах зазвонили телефоны. Смысл сообщений сводился к тому, что с Чарли Рейнбеком и Нэнси Уайтмен все в полном порядке. Однако эта парочка по-своему интерпретировала значение лунного света. Они решили, что Прекрасный Принц и Золушка имеют полное право жить вместе долго и счастливо. И поженились.

И вот образовалась новая семья. А все ли у них будет хорошо, мы еще посмотрим. Луна сделала свое дело и ушла за горизонт.

НАЙДИ МНЕ МЕЧТУ

Если коммунисты еще надеются побить демократический мир в производстве канализационных труб, им придется поднапрячься — всего лишь один завод в Креоне, штат Пенсильвания, производит труб вдвое больше, чем Россия и Китай вместе взятые. Это чудное предприятие называется Креонский завод и принадлежит Сталепрокатно-стелитейной компании.

Директор завода, Эрвин Бордерс, говорит всем инженерам-новичкам: «Если вам не нравятся канализационные трубы, вам не понравится у нас в Креоне». Сам Бордерс, сорокашестилетний холостяк, с гордостью носит прозвище Мистер Труба.

Креон — город труб. Футбольная команда местной школы зовется «Креонские трубники». Единственный загородный клуб в округе — гольф-клуб «Труба-сити».

В холле клуба действует постоянная экспозиция различных видов труб, а оркестрик, который по пятницам играет на танцах, называется «Энди Миддлтон и Креонские трубадуры».

В один из таких летних вечеров Энди Миддлтон оставил своих подчиненных на попечение клавишника и вышел на поле для гольфа — расслабиться и подышать воздухом. К

своему удивлению он обнаружил там плачущую молодую женщину. Энди не встречал ее раньше — а он тут родился и прожил двадцать пять лет.

Энди спросил, чем он может ей помочь.

— Спасибо, — сказала она. — Все нормально. Ничего страшного.

— Ага, — согласился Энди.

— Нет, правда, у меня постоянно глаза на мокром месте. Я могу расплакаться совсем без причины.

— Ваших близких, наверное, это не радует?

— И не говорите.

— Зато это может пригодиться на похоронах тех людей, которых вы не любили.

— В индустрии канализационных труб это точно не пригодится, — вздохнула она.

— А вы занимаетесь трубами? — спросил Энди.

— А разве не все в этом городе занимаются трубами?

— Я — нет.

— И как же вы добываете себе пропитание?

— Торчу на сцене со своим оркестром, даю уроки музыки и все в таком духе.

— О господи, музыкант, — всхлипнула она и отвернулась.

— Это плохо? — удивился он.

— Видеть вас не хочу, всех до единого!

— В таком случае закройте глаза, и я уйду от вас на цыпочках, — сказал он. Но не ушел.

— Это ваш оркестр сегодня играет? — спросила она.

Музыка была слышна на удивление ясно.

— Он самый.

— Можете остаться.

— Не понял.

— Вы — не музыкант, — заявила девушка. — У музыканта от такой музыки завяли бы уши и случился удар.

— Вы первая, кто в нее вслушался, — признался он.

— Я вам, наверно, поверю, — сказала она. — Эти люди не слышат ничего, кроме разговоров о своих трубах. Когда они танцуют, они хотя бы придерживаются ритма?

— Когда они что?

— Что — что? Танцуют.

— Да кто здесь танцует? — усмехнулся Энди. — Мужчины проводят весь вечер в раздевалке, пьют, играют в кости и говорят о канализационных трубах, а женщины сидят на террасе, обсуждают то, что подслушали из разговоров мужей о канализационных трубах, вещи, которые они купили на деньги от продажи труб, и вещи, которые они бы хотели купить на деньги от продажи труб.

Девушка снова заплакала.

— Опять ничего страшного? — спросил Энди. — Опять все нормально?

— Все нормально, — ответила она. В этот момент нестройный, фальшивый маленький бэнд в пустой танцевальной комнате издал серию хрипов и визгов. — Боже мой, за что же ваш оркестр так ненавидит музыку?

— Так было не всегда, — сказал он.

— А что случилось?

— Они поняли, что навсегда застряли в Креоне и что никто в Креоне не будет их слушать. Если бы сейчас я пошел и сказал им, что прекрасная девушка слушает их и плачет, то они попытались бы вспомнить кое-что из своих прежних талантов — и показать вам, на что способны.

— А вы на чем играете? — спросила она.

— На кларнете. А хотите, пока вы тут плачете в одиночестве, мы сыграем оттуда что-нибудь специально для вас?

— Нет, — сказала она. — Спасибо за предложение, но мне не хочется музыки.

— Транквилизаторы? Аспирин? Сигареты, жвачка, конфеты?

— Чего-нибудь выпить, — сказала она.

* * *

Протискиваясь через забитый бар, носивший гордое название «Веселый трубник», Энди получил массу полезной информации по трубному бизнесу. Оказывается, Кливленд закупил много дешевых труб производства другой компании, и через двадцать лет Кливленд об этом сильно пожалеет. Он узнал, что ВМФ не просто так одобрил креоновские трубы для всех видов зданий, и жалеть об этом никому не придется. Мало кто знает, услышал он, что весь мир просто-напросто потрясен достижениями американской трубопрокатной индустрии.

Еще он узнал, кем была та женщина. На танцы ее пригласил Эрвин Бордерс, директор Креонского завода. Он встретил ее в Нью-Йорке. Малоизвестная актриса, вдова джазового музыканта, мать двух совсем маленьких дочек.

Все это Энди узнал от бармена. В бар зашел Эрвин Бордерс, сам Мистер Труба. Он вытягивал шею и вертел головой, явно кого-то разыскивая. В руках он держал два стакана — лед в них успел растаять.

— Ее так нигде и не видно, мистер Бордерс, — крикнул ему бармен.

Бордерс огорченно кивнул и вышел.

— Кого нигде не видно? — спросил Энди у бармена.

И бармен выдал ему все, что знал про вдову. И шепотом добавил, что, по его мнению, в Илиуме, в штаб-квартире Сталепрокатно-сталелитейной компании, знают об этом романе и не очень его одобряют.

— Ну скажи на милость, — спросил бармен у Энди, — что молодой нью-йоркской актрисе делать у нас в Креоне?

Женщина называла себя сценическим псевдонимом, Хильди Мэтьюс. Бармен понятия не имел, кто был ее мужем.

Энди зашел в зал для танцев, чтобы попросить своих Трубадуrows играть немного приличнее — для плачущей женщины на поле для гольфа, — но застал там еще и Эрвина Бордерса. Бордерс, грузный, серьезный дядька, попросил группу сыграть «Индийский зов любви» как можно громче.

— Громче? — удивился Энди.

— Чтобы она услышала и пришла сюда, — сказал Бордерс. — Ума не приложу, куда она запропастилась. Оставил ее на террасе, с женщинами... всего на минуту! А она словно испарилась.

— Может, ей надоели разговоры о трубах? — спросил Энди.

— Трубы ее очень даже интересуют, — сказал Бордерс. — От женщины с такой внешностью трудно этого ожидать, но мои рассказы о заводе она может слушать часами. И ей никогда не бывает скучно.

— А «Зов любви» ее вернет?

Бордерс промямлил что-то неразборчивое.

— Прошу прощения?

Бордерс покраснел и насупился.

— Я сказал, — буркнул он, — что это наша мелодия.

— Понятно, — кивнул Энди.

— И зарубите себе на носу: я собираюсь на ней жениться, — сказал Бордерс. — Сегодня мы объявим о нашей помолвке.

Энди отвесил легкий поклон.

— Поздравляю. — Он поставил стаканы на стул и взял в руки кларнет. — «Индийский зов любви», ребята. И погромче!

Музыканты замешкались. Они не торопились играть, все пытались что-то сказать.

— Что случилось? — спросил Энди.

— Прежде чем мы начнем, — сказал клавишник, — тебе не мешало бы узнать, для кого мы играем, для чьей вдовы.

— И чьей?

— Я и не знал, что он так знаменит, — встрял Бордерс. — Упомянул его имя, и твои ребята чуть со стульев не попадали.

— Кто?

— Наркоман, алкоголик, избивавший жену, донжуан, которого в прошлом году застрелил ревнивый муж-рогоносец, — возмущенно сообщил Бордерс. — Не понимаю, что вы все так восхищаетесь этим типом?

И он назвал имя человека, который, наверное, был величайшим джазменом всех времен и народов.

— Я решила, что вы уже не придете, — сказала она, увидев Энди.

— Пришлось играть песню на заказ. Кое-кто попросил нас сыграть «Индийский зов любви», громко, во всю мочь.

— А! — сказала она.

— Вы слышали и не пришли?

— А что, от меня этого ждали?

— Он сказал, что это «ваша мелодия».

— Это он так считает. Думает, что это лучшая песня в мире.

— А как вы вообще познакомились? — спросил Энди.

— У меня совсем не было денег, я искала работу, все равно какую. В Нью-Йорке Сталепрокатно-сталелитейная компания отмечала юбилей. Им нужна была актриса для торжественного открытия. Роль получила я.

— И какую?

— Меня нарядили в золотую фольгу, дали корону из водопроводных тройников и представили, как Мисс Новые Возможности Трубопрокатного Бизнеса в Золотые Шестидесятые. На этом мероприятии присутствовал и Эрвин Бордерс.

Она залпом осушила стакан.

— Будем, — сказала она.

— Будем, — согласился он.

Она отобрала у него второй стакан.

— Извините, но мне надо выпить и это тоже.

— И еще десять стаканов?

— Если этот десяток стаканов даст мне силы вернуться к этим людям, этим огням, этим трубам, я выпью все десять. И даже больше.

— Что, так все плохо? — спросил он.

— Зачем я вышла сюда? — выдохнула она. — Лучше бы я оставалась там!

— Иногда самая большая ошибка, — сказал Энди, — это отойти в сторонку и задуматься. Очень легко потерять решимость.

— Ансамбль играет так тихо, что я почти не слышу музыки, — заметила она.

— Они знают, чья вдова их слушает, — сказал он, — и замолкли бы совсем, если бы могли.

— Вот как. Они знают. И вы знаете.

— Он... Он что, ничего вам не оставил?

— Долги. Двух дочерей, за которых я ему благодарна.

— А его труба?

— Похоронена вместе с ним. Вы могли бы принести мне еще выпить?

— Еще один стакан, и вы отправитесь к жениху ползком.

— Я вполне способна о себе позаботиться. И не надо меня опекать.

— Простите.

Женщина легонько, мелодично икнула.

— Как же не вовремя, а... Но это не от выпивки!

— Да, я вам верю.

— Не надо. Не верите, я знаю. Хотите, проведем тест? Что мне сделать? Пройти по прямой или сказать какое-нибудь заковыристое слово?

— Не нужно.

— Вы же не верите, что я люблю Эрвина Бордерса? — спросила она. — Так вот что я вам скажу: любить у меня получается лучше всего. Не притворяться, а любить, любить по-настоящему. Когда я кого-то люблю, я не сомневаюсь и не раздумываю. Я иду до конца — а сейчас я люблю Эрвина Бордерса.

— Каков счастливчик.

— Хотите скажу, как много я знаю о производстве труб?

— Ну, давайте.

— Я прочла целую книгу о том, как делаются трубы. Пошла в библиотеку и взяла книгу о трубах, только о них.

— И о чем в ней говорится?

С запада, от теннисных кортов, донеслось далекое воркование. Бордерс прочесывал окрестности клуба в поисках своей Хильди.

— Хильди-и-и-и! — кричал он. — Хильди?

— Мне крикнуть «ау»? — спросил Энди.

— Шш-ш, — зашипела она. И снова тихонько икнула.

Эрвин Бордерс повернул в сторону стоянки, его призывы стали тише, а потом смолкли совсем, утонув в окружающей темноте.

— Вы собирались рассказать мне про трубы, — напомнил Энди.

— Давайте лучше поговорим о вас.

— И что вы хотите узнать обо мне?

— А вас обязательно спрашивать или сами придумаете?

Он пожал плечами.

— Провинциальный музыкант. Холостяк. Были красивые мечты. Все впустую.

— Какие мечты?

— Стать музыкантом хотя бы наполовину таким, как ваш муж. Хотите слушать дальше?

— Я люблю слушать чужие мечты.

— Вот, к примеру — любовь.

— Вы никогда не любили?

— Думаю, я бы заметил.

— Можно задать вам нескромный вопрос?

— Про мои способности великого любовника?

— Нет. Это был бы очень глупый вопрос. Я уверена, что в молодости все мужчины — потенциально великие любовники. Просто нужен шанс.

— Задавайте свой нескромный вопрос, — напомнил Энди.

— Сколько вы зарабатываете?

Он ответил не сразу.

— Слишком нескромный, да? — спросила она.

— Да нет, думаю, не умру, если отвечу. — Он произвел в голове кое-какие расчеты и выдал ей честный отчет о своем финансовом положении.

— Ну, весьма неплохо, — сказала Хильди.

— Больше школьного учителя, меньше школьного уборщика, — пошутил он.

— Вы живете в квартире или где?

— В большом старом доме, унаследованном от родителей.

— Если так подумать, вы неплохо устроились, — сказала она. — А вы любите детей? Девочек?

— Вам не кажется, что пора возвращаться к жениху?

— Мои вопросы становятся все более и более нескромными. Ничего не могу поделать, моя жизнь тоже была нескромной. Дикие, очень нескромные вещи происходят со мной всю жизнь.

— Я думаю, нам лучше сменить тему.

Она не обратила внимания на его слова.

— Вот, например, когда я молюсь, чтобы в моей жизни появились определенные люди, они появляются. Когда я была совсем молодой, то молилась, чтобы в меня влюбился великий музыкант — так и случилось. И я тоже его любила, хотя он, наверно, был худшим из всех мужей, каких только можно представить. Вот как я умею любить.

— Аллилуйя, — пробормотал он.

— Потом, когда умер мой муж и мне нечего было есть, меня достали круглосуточные скандалы, я молилась о солидном, внимательном и богатом бизнесмене.

— Так и случилось, — сказал Энди.

— А теперь, когда я вышла сюда, убежала от людей, которые живут только трубами... знаете, о чем я молилась?

— Не-а.

— Чтобы мне принесли выпить. Только и всего. Клянись честью, больше ни о чем.

— И я принес вам два стакана.

— Но это не все, — сказала она.

— Да?

— Мне кажется, я могу в вас влюбиться, сильно-сильно.

— Боюсь, это не так-то легко.

— Только не для меня. Мне кажется, вы можете стать очень хорошим музыкантом, если вас кто-то вдохновит. А я могу подарить вам огромную и прекрасную любовь, в которой вы так нуждаетесь. Это я вам обещаю.

— Вы делаете мне предложение? — спросил он.

— Да. И если вы мне откажете, я... я не знаю, что сделаю. Заползу в кусты и умру. Я не могу вернуться к этим трубникам, а больше мне некуда деваться.

— И я должен сказать «да»?

— Если хотите сказать «да», скажите.

— Ладно. — Он помолчал, а потом сказал: — Да.

— Мы оба не пожалеем о том, что сейчас случилось, — сказала она.

— А как насчет Эрвина Бордерса?

— Мы окажем ему услугу.

— Seriously?

— О да. Там на террасе ко мне подошла женщина и прямо сказала, что, женившись на особе вроде меня, он скорее всего, погубит свою карьеру. Я думаю, она права.

— Из-за нее вы и прятались здесь, в темноте?

— Да. Мне совсем не хотелось портить кому-то карьеру.

— Вы очень заботливы.

— А с вами, — она взяла его под руку, — все по-другому. Я не представляю, как я могла бы навредить вашей жизни. Только наоборот. Вот увидите. Вы увидите.

БЕГЛЕЦЫ

Они оставили записку, в которой говорилось, что тинэйджеры точно так же способны на настоящую любовь, как и любой другой, а может, и получше любого другого. А потом они бежали в неизвестные края.

Они бежали на стареньком синем «форде» мальчика — детские башмачки свисают с зеркала заднего вида, кипа комиксов на порванном заднем сиденье.

Полиция тотчас же взялась за их поиски, их портреты появились в газетах и на телевидении. Но за двадцать четыре часа их так и не поймали. Они проделали весь путь до Чикаго. Патрульный засек их в супермаркете, их поймали за покупками пожизненного запаса сладостей, туалетных принадлежностей, безалкогольных напитков и замороженной пиццы.

Отец девочки вручил патрульному в награду двести долларов. Отец девочки был Джесс К. Саутхард, губернатор штата Индиана.

Вот почему дело и получило такую огласку. Какой скандал — малолетний преступник, побывавший в исправительном заведении, мальчишка, стригший газоны в губернаторском загородном клубе, сбежал с губернаторской дочкой.

Когда полиция штата Индиана доставила девочку в резиденцию губернатора в Индианаполисе, губернатор Саут-

хард объявил, что он незамедлительно примет все меры и добьется аннуляции. Непочтительный репортер указал ему, что вряд ли можно говорить об аннуляции, если не было бракосочетания.

Губернатор взъярился.

— Да мальчишка к ней и пальцем не прикоснулся, — орал он, — да она б ему такого просто не позволила! Морду набью любому, кто скажет иначе!

Репортеры, понятное дело, хотели поговорить с девочкой, и губернатор сказал, что она выступит с заявлением для прессы где-то через час. Это было уже не первое ее заявление о побеге. В Чикаго они с мальчиком просветили репортеров и полицию по вопросам любви, лицемерия, травли тинэйджеров, бесчувственности родителей и даже ракет, России и водородной бомбы.

Впрочем, когда девочка вышла со своим новым заявлением, она опровергла все, что говорила в Чикаго. Зачитывая трехстраничный машинописный текст, она сказала: приключение было ночным кошмаром, сказала: она не любит мальчика и никогда не любила его, сказала: она, должно быть, свихнулась, и сказала: она вообще не желает его больше видеть.

Сказала: единственные, кого она любит, — это ее родители, сказала: она не понимает, как могла доставить им столько неприятностей, сказала, что собирается как следует заняться учебой и поступить в колледж, и еще сказала — она не хочет позировать для снимков, потому что выглядит просто ужасно после столь сурового испытания.

Выглядела она не слишком ужасно, разве что перекрасилась в рыжий цвет, и мальчик, пытаясь изменить ее внешность, соорудил ей кошмарную прическу. И она немало поплакала. Она не выглядела усталой. Она выглядела юной, и дикой, и пойманной — вот и все.

Ее звали Энни — Энни Саутхард.

Когда репортеры удалились, когда они пошли показывать мальчику последнее заявление девочки, губернатор повернулся к дочери и сказал:

— Ладно, я и впрямь хочу тебя поблагодарить. Не представляю даже, как бы я мог отблагодарить тебя сполна.

— Ты благодарен мне за все это вранье? — сказала она.

— Я благодарен тебе за то, что ты хоть что-то сделала для возмещения причиненного ущерба, — сказал он.

— Мой родной отец, губернатор штата Индиана, — сказала Энни, — приказал мне врать. Этого я не забуду никогда.

— Я тебе еще много чего прикажу, — сказал он.

Энни промолчала, но для себя решила забыть на родителей. Отныне она им ничего уже не должна. Она будет холодна и безразлична с ними до конца дней. И начнет она прямо сейчас.

Мама Энни, Мэри, спустилась по винтовой лестнице. Сверху она слышала все это вранье.

— По-моему, ты все очень неплохо уладил, — сказала она мужу.

— Насколько это вообще возможно уладить в таких обстоятельствах, — сказал он.

— Я бы только хотела, чтобы мы могли прямо сказать то, что на самом деле надо сказать, — сказала мама Энни. — Если бы мы только могли прямо сказать, что мы не против любви и не против людей, у которых нет денег. — Она уже собралась было утешить, обнять дочь, но что-то в глазах Энни ее остановило. — Мы не бесчувственные снобы, милая, — и мы знаем, что такое любовь. Любовь — это лучшее, что есть на свете.

Губернатор отвернулся и уставился в окно.

— Мы *верим* в любовь, — сказала мама Энни. — Ты ведь знаешь, как крепко я люблю твоего отца и как крепко твой отец любит меня — и как крепко мы оба любим тебя.

— Если хочешь что-нибудь сказать напрямую, то давай говори, — сказал губернатор.

— Мне кажется, так надо.

— Поговори о деньгах, поговори о воспитании, поговори об образовании, поговори о друзьях, поговори об увлечениях, — сказал губернатор, — а потом, если хочешь, мо-

жешь вернуться к любви. — Он посмотрел на свою жену. — Ей-богу, ну хоть о счастье, — сказал он. — Встречайся с этим мальчишкой, давай, продолжай, выходи за него замуж, когда сможешь сделать это по закону, когда мы не сумеем тебе помешать, — сказал он Энни, — мало того, что ты станешь самой несчастной женщиной на свете, но и он тоже станет самым несчастным на свете мужчиной. Ты сможешь по-настоящему гордиться этим дерьмом, потому что будешь состоять в браке без соблюдения единственного условия счастливого брака — и под единственным условием я подразумеваю одно-единственное, то есть вообще одно.

— Как ты намерена решить вопрос с друзьями? — сказал он. — Его компания в бильярдной или твоя компания в загородном клубе? Ты начнешь с того, что купишь ему роскошный дом, и роскошную мебель, и роскошную машину — или подождешь, пока он все это купит сам, хотя скорее ад замерзнет, чем он сам все это оплатит? Ты и вправду так же любишь комиксы, как он? Ты любишь те же самые комиксы? — закричал губернатор.

— Кто ты по-твоему? — спросил он Энни. — По-твоему ты Ева, и Бог сотворил для тебя единственного Адама?

— Да, — сказала Энни, поднялась к себе комнату и захлопнула дверь. И тут же из комнаты донеслась музыка — Энни поставила пластинку.

Губернатор с женой стояли за дверью и прислушивались к словам песни. Вот эти слова:

Болтают, о любви ничего мы не знаем
Тра-ля-ля, ну, да, йе.
Но послание неба мы средь созвездий читаем,
Тра-ля-ля, ну, да, йе.
Так обними, обними меня крепче, бэби,
Сердце поет от голоса твоего.
Ведь то, что болтают о нас, бэби,
Мы-то знаем, не значит для нас ничего.*

---

* Перевод Н. Эристави.

* * *

В восьми милях отсюда, в восьми милях к югу, за центром города, на другой его окраине, репортеры толпились у дома отца мальчика, у террасы при входе.

Это было старое дешевое дощатое бунгало 1926 года. Парадные окна выходили в вечно сырой полумрак огромной террасы. Боковые — на окна соседей в десяти футах. Свет проникал внутрь через единственное заднее окошко. Волею судьбы окно пропускало свет в крохотную кладовку.

Мальчик, его отец и мать не слышали, как стучались репортеры.

Телевизор в гостиной и радио на кухне распинаясь вовсю, а семейство ссорилось в столовой, посередине между кухней и гостиной.

По сути, перепалка шла обо всем на свете, но в данный момент ее предметом служили усы мальчика. Он отращивал усы уже целый месяц и только что был пойман отцом, когда чернил их сапожной ваксой.

Мальчика звали Райс Brentner. Газеты писали правду — Райс действительно побывал в исправительном заведении. Это случилось три года назад. Его преступление, в тринадцать лет, состояло в уgone за одну неделю шестнадцати автомобилей. И с тех самых пор он — если не считать эскапады с Энни — не влипал ни в какие неприятности.

— Немедленно марш в ванную, — сказала мама, — и сбрей весь этот ужас.

Райс никуда не промаршировал. Он остался стоять где стоял.

— Ты слышал, что мать говорит, — сказал его отец.

Райс не двинулся с места, тогда отец попытался его уязвить.

— Надо думать, так он чувствует себя похожим на мужчину — огромного взрослого мужчину, — сказал он.

— И вовсе он не похож на мужчину, — сказала мать. — С этими усами он выглядит вообще как я-не-знаю-что.

— Вот именно, — сказал отец, — такой он и есть на самом деле — «я-не-знаю-что».

Найдя наконец хоть какой-то ярлык, отец слегка успокоился. Он был — как отметила сначала одна газета, а за ней и все остальные, — восьмидесяти-девяти-долларовым-и-шестидесяти-двух-центовым-недельного-жалованья клерком в главном офисе в системе государственных школ. У него была причина возмущаться скрупулезностью репортера, который раскопал эту цифру в публичных актах. Более всего его уязвили эти шестьдесят два цента.

— У восьмидесяти-девяти-долларового-и-шестидесяти-двух-ценового клерка не сын, а «я-не-знаю-что», — сказал он. — Семейство Брентнеров сегодня явно прославилось.

— Ты понимаешь, как тебе повезло, что ты не в тюрьме гниешь? — сказала мать Райса. — Если бы тебя отправили в тюрьму, там бы тебе не только усы сбрили, даже не спросив, — тебе обрили бы еще и голову.

Райс не особо прислушивался к их словам, так только, самую малость. На самом деле он думал о своей машине. Он купил ее на деньги, которые заработал сам, ни гроша не отобрал у семьи. Теперь Райс поклялся, что, если родители попробуют отнять у него машину, он уйдет из дома навсегда.

— Что такое тюрьма, он знает. Он уже побывал там, — сказал отец.

— Пусть оставляет усы, если ему так нравится, — сказала мать. — Я бы только хотела, чтобы он посмотрел на себя в зеркало и сам увидел, как по-дурацки он выглядит.

— Ладно — усы пусть оставляет, — сказал отец, — но заявляю: кое-что ему оставить не удастся, и клянусь, так оно и будет! Я про его автомобиль.

— Аминь, — сказала мать. — А теперь — шагом марш на площадку подержанных машин, продашь машину, затем — кругом и шагом марш в банк, положишь деньги на сберегательный счет, после этого марш домой и отдашь банковскую книжку нам.

Мать Райса по мере того, как произносила столь непростое напутствие, делалась все более и более воинственной и

наконец принялась маршировать на месте, как Джон Филипп Суза*.

— Вот это здорово сказано! — сказал ее муж.

И теперь, поскольку вопрос автомобиля был открыт, он стал самой главной и самой громкой темой. Для родителей Райса старенький синий «форд» был столь пугающим символом пагубной свободы, что они могли трепаться об этом до бесконечности.

Вот и теперь они трепались об этом до бесконечности.

— Ну все — от машины избавились, — сказала мать Райса, наконец-то переведя дух.

— С машиной покончено, — сказал отец Райса.

— И со мной тоже, — сказал Райс.

Он вышел через заднюю дверь, сел в машину, включил радио и уехал.

По радио играла музыка. В песне говорилось о двух тинэйджерах, которые убежали, чтобы пожениться, пусть даже и без гроша в кармане. Припев был такой:

Дом наш не сложен из каменных плит,
Льет в щели окон в дождливую осень, —
Но в доме нашем счастье царит,
Любовь — декоратор, что денег не просит!**

Райс вышел у телефонной будки в миле от резиденции губернатора. Он набрал номер домашнего телефона губернаторской семьи.

Он изменил голос, на пол-октавы ниже, и попросил позвать Энни.

Трубку взял дворецкий.

— Прошу прощения, сэр, — сказал дворецкий, — не уверен, что она сейчас будет отвечать на телефонные звонки. Вы не желаете представиться?

---

* Суза, Джон Филипп (1854—1932) — американский композитор и дирижер духовых оркестров, «король маршей».

** Перевод Н. Эривани.

— Скажите ей, что это Боб Кэнсел, — сказал Райс. Кэнсел был сыном человека, сколотившего огромный капитал на прачечных-автоматах. Он чуть ли не все время проводил в загородном клубе и был влюблен в Энни.

— Я вас не сразу узнал, мистер Кэнсел, — сказал дворецкий. — Пожалуйста, не вешайте трубку, сэр, если вас не затруднит.

И почти сразу же трубку взяла мать Энни. Она так отчаянно хотела верить, что звонивший — любезный, привлекательный и респектабельный Боб Кэнсел, что у нее не возникло ни тени подозрения. Она полностью завладела беседой, так что Райсу оставалось лишь бормотать время от времени нечто невнятное.

— Ах, Боб, Боб, Боб — дорогой мой мальчик, — сказала она. — Как мило, как жутко мило, что вы позвонили. Я об этом просто молилась! Ей непременно нужно поговорить со сверстником. О, и я, и ее отец, мы оба говорили с ней и, я надеюсь, были услышаны, но в наши дни между поколениями такая пропасть!

— То... то, что случилось с Энни, — сказала мать Энни, — это больше всего похоже на нервный срыв. Нет, это не был настоящий нервный срыв, но она сама не своя, то есть не та Энни, которую мы все знаем. Вы понимаете, что я пытаюсь сказать?

— Ага, — сказал Райс.

— Ах, она будет так рада услышать от вас, Боб... Узнать, что у нее по-прежнему есть старые друзья, настоящие друзья. Услышав ваш голос, — сказала жена губернатора, — наша Энни поймет, что все в порядке, все снова вернулось в норму.

Она пошла звать Энни — и далее последовали оживленные пререкания, которые Райс слышал в трубке. Энни заявила, что терпеть не может Боба Кэнсела, потому что он сопляк, напыщенное ничтожество и маменькин сынок. На этом кто-то догадался прикрыть телефонную трубку, а по-

тому Райс ничего больше не слышал до тех пор, пока Энни не подошла к телефону.

— Алло! — холодно сказала она.

— Ты ведь не против прокатиться, а, чтобы отвлечься как-то от всех этих заморочек? — сказал Райс.

— Что? — сказала Энни.

— Это Райс, — сказал он. — Скажи матери, что идешь в клуб поиграть в теннис со стариной Бобом Кэнселом. Встретимся на бензозаправке на углу Сорок шестой и Иллинойс.

И через полчаса они вновь удрали на стареньком синем «форде» мальчика, где на зеркале заднего вида болтались пинетки, а на пыльном заднем сиденье громоздились комиксы.

Когда Энни и Райс выезжали из города, радио в машине пело:

Бэби, бэби, мы у любви,
У рок-н-ролла мы счастья просим.
Глаза твои, поцелуи твои
Печальный блюз из сердец уносят...*

И снова началась пьянящая гонка.

Границу Огайо Энни и Райс пересекли по проселочной дороге, слушая по радио сообщение об их побеге под аккомпанемент гравия, бьющего по крыльям машины.

Они нетерпеливо выслушали новости о мятеже в Бангалоре, о столкновении самолетов в Ирландии, о человеке, который взорвал свою жену нитроглицерином в Западной Вирджинии. Главную новость диктор приберег напоследок: Энни и Райс, Джульетта и Ромео, снова играют в зайцев и гончих.

Диктор назвал Райса «Рик», так его еще никто не называл, и Райсу с Энни это понравилось.

— Теперь я буду звать тебя Рик, — сказала Энни.

— Принимается без возражений.

---

* Перевод Н. Эристави.

— Ты больше похож на Рика, чем на Райса, — сказала Энни. — Как получилось, что они называли тебя Райс?

— А я тебе разве еще не рассказывал?

— Если и рассказывал, — сказала она, — то я забыла.

А Райс ведь точно рассказывал ей не меньше десятка раз, почему его называли Райсом, но на самом-то деле она никогда его не слушала. Коли на то пошло, Райс тоже на самом-то деле никогда ее не слушал. Они оба сдохли б от скуки, если бы слушали друг друга, но они себя щадили.

Вот почему их разговоры являли чудеса неуместности. В обиходе было только два предмета — жалость к себе и нечто, называемое любовью.

— У моей матери был какой-то предок по имени Райс, — сказал Райс. — Он был врач, и вроде как довольно известный.

— Доктор Сайболт — единственный, кто хоть когда-то пытался меня понять как человека, — сказала Энни. Доктор Сайболт был их губернаторский семейный врач.

— А еще имеются и другие известные люди — с материнской стороны, — сказал Райс. — Не знаю, чем там они занимались, но это хороший род.

— Доктор Сайболт выслушал бы то, что я пытаюсь сказать, — сказала Энни. — У родителей никогда нет времени меня слушать.

— Вот почему мой старик всегда на меня ругался — во мне слишком много от матери, — сказал Райс. — Знаешь, я хочу делать что-то стоящее, и чтобы у меня были всякие вещи, и вообще хочу жить и рисковать, а со стороны отца совсем все не такие.

— Я могла бы говорить с доктором Сайболтом о любви — я могла бы говорить с ним о чем угодно, — сказала Энни. — С родителями ни о чем таком не поговоришь, приходится держать в себе.

— Безопасность прежде всего — вот их девиз, — сказал Райс. — Чудненько, только это не мой девиз. Они хотят от меня, чтобы я был таким же, как они, а я просто не такой человек.

— Это ведь кошмар — заставлять кого-то держать такое в себе, — сказала Энни. — Я все время плачу, и родители никогда не догадаются почему.

— Вот почему я угонял те машины, — сказал Райс. — Я просто вдруг в один прекрасный момент сдвинулся. Они хотели, чтобы я вел себя так же, как мой отец, а только не такой я человек. Они никогда меня не понимали. Они так меня и не понимают.

— Но хуже всего то, — сказала Энни, — что мой родной отец велел мне лгать. Вот тогда-то я и поняла: моих родителей вовсе не заботит правда. Их заботит только, что о них думают люди.

— Этим летом, — сказал Райс, — я и впрямь заработал больше денег, чем мой старик или любой из его братьев. Это его точно грызет. Он не может этого вынести.

— Мама заговорила со мной о любви, — сказала Энни, — и я едва сдерживалась, чтобы не закричать: «Ты не знаешь, что такое любовь! Ты никогда не знала, что это такое!»

— Мои мне постоянно талдычат, чтобы я вел себя как мужчина, — сказал Райс. — И что? Когда я на самом деле повел себя как мужчина, они прям-таки взбесились. Ну и что тут будешь делать?

— Даже если бы я закричала, она бы все равно не услышала. Она никогда не слушает. Она, наверное, просто боится слушать. Ты ведь понимаешь, о чем я?

— Мой старший брат был любимчиком в семье, — сказал Райс. — Он никогда не мог сделать ничего не того, я не мог сделать ничегошеньки как надо, то есть они так считали. Ты никогда моего брата не видела, а?

— Мой отец что-то во мне убил, когда велел мне лгать, — сказала Энни.

— Нам точно повезло, мы нашли друг друга, — сказал Райс.

— Что? — сказала Энни.

— Я сказал: нам точно повезло, что мы нашли друг друга, — сказал Райс.

Энни взяла его за руку.

— О да, да, да, — сказала она пылко. — Когда мы впервые встретились на поле для гольфа, я чуть не умерла, я сразу поняла, насколько мы друг для друга самое оно. Ты первый человек — после доктора Сайболта, — с которым я чувствую настоящую близость.

— Доктора? — сказал Райс. — А это кто?

В рабочем кабинете, в резиденции губернатора, губернатор Саутхард включил радио. Энн и Райса уже сцапали в двадцати милях к западу от Кливленда, и он хотел послушать, что скажут об этом новостные службы. Пока же передавали только музыку, и вот что он сейчас слушал:

Школа нынче уже отменяется,
О, счастье мое, радость моя!
Танцует народ, в лесах развлекается,
Счастье мое, голубка моя!*

— Да как они смеют пускать подобное в эфир? — сказал он. — Вся индустрия развлечений Америки только и делает, что втолковывает детям, как убить их родителей — и самих себя в придачу.

Он адресовал свой вопрос жене и Брентнерам, родителям мальчика, которые сидели с ним в кабинете.

Брентнеры мотали головами, показывая, что они не знают ответ на вопрос губернатора. Они были потрясены тем, что их позвали к самому губернатору. Они почти ничего не сказали — только несколько жалких, бессвязных, невразумительных извинений в самом начале. С тех пор они немо соглашались со всем, что губернатор имел им сказать.

Он же сказал более чем достаточно о том, борьбу с чем назвал самым трудным решением в своей жизни. Он пытался решить, в согласии с женой и Брентнерами, как сделать беглецов достаточно взрослыми, чтобы они могли осознать, что творят, как удержать их от новых и новых побегов.

---

* Перевод Н. Эристави.

— Есть предложения, мистер Brentner? — сказал он отцу Райса.

Отец Райса пожал плечами.

— Он меня вообще не слушается, — сказал он. — Если мне кто-нибудь подскажет, как сделать так, чтобы он слушался, я был бы рад попробовать, но... — и его сентенция безнадежно заглохла.

— Но — что? — сказал губернатор.

— Он уже почти взрослый мужчина, губернатор, — сказал отец Райса, — и управлять им так же просто, как и всяким другим мужчиной — а это не слишком легко. — Он пробормотал еще что-то, что губернатор не расслышал, и снова пожал плечами.

— Простите? — сказал губернатор.

Отец Райса повторил не намного громче, чем раньше.

— Я сказал — он меня не уважает.

— Да ей-богу, он будет вас уважать, если вы установите для него жесткие правила и заставите их придерживаться! — сказал губернатор с пылкостью праведника.

И тут мать Райса совершила самый бесстрашный поступок в своей жизни. Взъярившись от того, что вся вина ложится на ее сына, она дала отпор губернатору Индианы:

— Может, если мы воспитаем сына, как вы говорите, то и вы воспитаете так свою дочь, — сказала она, — и может, тогда у нас вообще не будет больше таких неприятностей, как сейчас.

Губернатор с ошарашенным видом сел за стол.

— Хорошо сказано, мадам, — сказал он и повернулся к жене: — Мы непременно должны поведать миру наши секреты воспитания детей.

— Энни неплохая девочка, — сказала его жена.

— Наш сын тоже неплохой мальчик, — сказала мать Райса, весьма прибодрившись от того, что ей удалось осадить губернатора.

— Я... я уверена, что он неплохой, — сказала жена губернатора.

— Он уже не плохой мальчик. Он уже взрослый, — выпалил отец Райса. И расхрабрившись по примеру жены, добавил кое-что еще. — И эта маленькая девочка вовсе не такая уж и маленькая, какой вы ее считаете, — сказал он.

— Вы бы советовали им пожениться? — скептически сказал губернатор.

— Да не знаю я, что бы я советовал, — сказал отец Райса. — Я вообще не из тех, кто дает советы. Но может, они и правда любят друг друга. Может, они и правда будут счастливы друг с другом до самой смерти, прямо вот с этой минуты, если мы им позволим. — Он развел руками. — Я не знаю! — сказал он. — А вы?

Энни и Райс общались с репортерами в казармах полиции штата за Кливлендом. Они ждали, пока их отташат обратно домой. Им полагалось быть несчастными, но оказалось, что они чудненько проводят время. Сейчас они вещали репортерам касательно денег.

— Люди слишком уж сильно заботятся о деньгах, — сказала Энни. — Что такое деньги, если действительно о них не думать?

— Мы не хотим денег от ее родителей, — сказал Райс. — Наверное, ее родители думают, что я гоняюсь за их деньгами. А мне нужна только их дочь.

— Ни капельки не расстроюсь, если они захотят лишить меня наследства, — сказала Энни. — Я достаточно насмотрелась на богатых, среди которых я выросла, деньги только делают людей беспокойными и несчастными. Люди с уймой денег настолько озабочены тем, как бы их не лишиться, что забывают жить.

— Я всегда могу заработать достаточно, чтобы иметь крышу над головой и с голоду не сдохнуть, — сказал Райс. — Я могу побольше заработать, чем мои старики. За мою машину полностью заплачено. Она вся моя и без всяких задолженностей.

— Я тоже могу зарабатывать деньги, — сказала Энни. — По мне, так гораздо лучше работать, чем заниматься тем, что хотят от меня родители: слоняться с кучей избалованных людей и в игры играть.

Тут как раз вошел патрульный сказать Энни, что звонит ее отец. Губернатор Индианы хочет с ней говорить.

— Ну и что это даст? — сказала Энни. — Их поколение не понимает наше, и никогда не поймет. Я не желаю с ним говорить.

Патрульный ушел. Через несколько минут он вернулся.

— Он все еще на линии? — сказала Энни.

— Нет, мэм, — сказал патрульный. — Он передал для вас сообщение.

— От блин, — сказала Энни. — Так-то оно лучше.

— Это сообщение и от твоих родителей, — сказал он Райсу.

— Жду не дождусь поскорее услышать, — сказал Райс.

— Сообщение такое, — сказал патрульный, приняв официальный вид: — Вы возвращаетесь домой в своей машине, если уж она вам так нравится. Когда вы вернетесь, они хотят, чтобы вы поженились и стали счастливы, чем быстрее, тем лучше.

Энни и Райс тащились домой на стареньком синем «форде», с детскими башмачками на зеркале заднего вида, с кучей комиксов на пыльном заднем сиденье. Они ехали домой по крупным магистралям. Никто больше их не искал.

Радио было включено, и каждая новостная программа сообщала миру потрясающую новость: Энни и Райс немедленно поженятся. Настоящая любовь одержала еще одну ошеломительную победу.

К тому времени, когда влюбленные достигли границы Индианы, они выслушали сообщение об их неописуемом счастье раз десять. Они уже ощущали себя, как продавцы универмага в канун Рождества: оглушенные и вымотанные этими непрекращающимися вестями о великой радости.

Райс выключил радио. У Энн вырвался непроизвольный вздох облегчения. Они не очень-то много разговаривали на пути к дому. Непохоже, чтобы им было, о чем говорить: все было так определенно — все было так, как говорят деловые люди, окончательно оформлено.

Энни и Райс попали в пробку и Индианаполисе, и от светофора к светофору ползли за машиной, в которой орал младенец. Родители младенца были совсем молоденькие. Жена отчитывала мужа, и муж, похоже, уже готов был выдрать с корнем руль и размозжить этим рулем ей голову.

Райс опять включил радио, и вот о чем говорилось в песне по радио:

Мы их накололи, —
Тех, кто не верит в силу любви.
Навеки, что ли, —
Мы вместе, мы — пламя в алой крови.*

Почти обезумев от нервной привычки Энни все крутить, Райс менял станции снова и снова. Каждая станция кричала или о победах, или о травле тинэйджеровской любви. И об этом-то как раз радио и надрывалось, когда старый синенький «форд» остановился прямо у ворот во внутренний двор Губернаторского Дома.

Только один человек вышел приветствовать их, и это был полицейский, охранявший вход.

— Мои поздравления, сэр... мадам, — любезно сказал он.

— Спасибо, — сказал Райс и выключил зажигание. Последняя иллюзия приключения умерла, когда погасли лампы приемника и остыл мотор.

Полицейский открыл дверцу со стороны Энни. Дверца издала ржавый скрежет. Две потерянные горошинки «железных бобов» выкатились из машины и упали на безупречный асфальт.

Энни, не выходя из машины, посмотрела вниз на горошинки. Одна была зеленая. Другая белая. К ним прилипли кусочки пуха.

---

* Перевод Н. Эристави.

— Райс? — сказала она.

— У? — сказал он.

— Извини, — сказала она. — Я не могу довести это до конца.

Райс издал звук, напоминавший отдаленный гудок то-варняка. Он был благодарен за избавление.

— Мы могли бы поговорить наедине? — сказала Энни полицейскому.

— Прошу прощения, — сказал полицейский, удаляясь.

— А что, радио выключилось? — спросила Энни.

Райс пожал плечами:

— Ну, ненадолго...

— Знаешь что? — сказала Энни.

— Что? — сказал Райс.

— Мы еще слишком молоды, — сказала Энни.

— Не слишком молоды, чтобы влюбиться, — сказал Райс.

— Нет, — сказала Энни, — не слишком молоды, чтобы влюбиться. Просто мы слишком молоды для всего остального, что сопутствует любви. — Она поцеловала его. — Пока, Райс. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она вышла, и Райс уехал.

Когда он поехал, заработало радио. Сейчас оно играло старую песню, и слова были такие:

Настало время забыть и прощать —

Ведь этого быть не могло.

Клятвы забудь — не сумели сдержать,

От нас волшебство ушло.

Любовь защищать — любовь убивать,

Опасность сосет ее силу.

Любовь оставить — ее спасать.

Прощай, чужой мне, но милый.*

---

* Перевод Н. Эристави.

2BRO2B

У вас проблемы?

Наберите наш номер.

Мы предлагаем универсальное решение — раз и навсегда!

Все было просто здорово.

Никаких тюрем, трущоб, сумасшедших домов, никаких калек и нищих, никаких войн.

Люди победили все болезни. И старость.

Смерть, не считая несчастных случаев, стала добровольным выбором.

Население Соединенных Штатов ограничило сорока миллионами душ.

В это солнечное утро человек по имени Эдвард К. Уэлинг-младший сидел в Чикагском роддоме и ждал, когда его жена разрешится от бремени. Других отцов там не было — роды стали редким событием.

Уэлингу было пятьдесят шесть — просто юноша по меркам общества, средний возраст которого составлял сто двадцать девять лет.

Рентген показал, что у его жены будет тройня. Его первенцы.

Молодой человек сгорбился в своем кресле, обхватив голову руками. Он был бледен, взъерошен и сидел так непод-

вижно, что сливался с окружающей обстановкой. Тем более, что в приемном покое тоже царили хаос и раздрай: кресла и пепельницы стоят в беспорядке, пол накрыт заляпанной пленкой и тканью.

В комнате шел ремонт. Она должна была превратиться в памятник людям, пожелавшим уйти из жизни.

Саркастичный старик, лет двухсот от роду, сидел на стремянке и рисовал фреску, которая ему не нравилась. Во времена, когда люди еще старели, ему можно было бы дать лет тридцать пять. Столько ему исполнилось, когда изобрели лекарство от старости.

Фреска изображала аккуратный садик. Мужчины и женщины в белом — доктора и медсестры — копали ямы, сажали деревья, травили паразитов, разбрасывали удобрения.

Мужчины и женщины в сиреневой форме пропалывали сорняки, выкорчевывали старые и больные деревья, сгребали опавшую листву и сжигали ее в специальных печах.

Никогда и нигде — даже в средневековой Голландии или древней Японии — не было столь ухоженного, столь безупречного сада. Каждому растению доставалось ровно столько земли, света, воды, воздуха и внимания, сколько ему требовалось.

По коридору шел санитар, напевавший под нос популярную песенку:

Моя красатуля ко мне охладела,
Ну да, так бывает, житейское дело.
Лить по ней слезы не собираюсь
С дамой в лиловом я повстречаюсь.
Чем вечно грустить, что сбежала невеста,
Прощай, злобный мир, я сдаю свое место!
Пусть вместо меня тут родится ребенок,
И пусть повезет ему с самых пеленок.

Санитар осмотрел фреску и самого художника.

— Ты глянь, как взаправду, — сказал он. — Так и представляю, как я там стою, в этом садике.

— А кто сказал, что тебя там нет? — с улыбкой спросил художник. — Картина ведь называется «Счастливый сад жизни», всем места хватит.

— Доктор Хитц замечательно получился, — отметил санитар.

Он говорил про одного из мужчин в белом, главного акушера родильного дома. Хитц был ослепительным красавцем.

— Тут еще работать и работать. Вон сколько еще пустых лиц. — Санитар имел в виду, что у многих людей на фреске вместо лиц были лакуны. Их следовало заполнить портретами важных людей, сотрудников самого роддома или Чикагского управления Федерального бюро завершения цикла.

— Классно, наверное, уметь рисовать, — сказал санитар.

Художник помрачнел.

— Думаешь, я горжусь этой мазней? — с кривой усмешкой спросил он. — Думаешь, так я себе представляю настоящую жизнь?

— А как ты ее представляешь? — поинтересовался санитар.

Художник показал на грязную подстилку, защищавшую пол от краски.

— Вот тебе образец. Вставь ее в раму, и картина получится намного честнее, чем все, что я тут намалевал.

— Старый ворчун, вот ты кто.

— Это преступление?

Санитар пожал плечами.

— Дедуль, если не нравится... — дальше он произнес номер телефона, который набирали люди, не желавшие жить дальше.

Вот этот номер: 2BRO2B*.

Он принадлежал заведению, которое успело приобрести массу забавных прозвищ:

«Автомат»,

«Дихлофос»,

---

* Если произнести номер вслух, он будет звучать «To be or not to be»: «Быть или не быть?».

«Пока, мама»,
«Веселый хулиган»,
«Душегубка»,
«Хватит слез»,
«Вечный сон»,
«Всем пока»,
«И чего париться?»,
«Давай по-быстрому».

Этот номер принадлежал муниципальному управлению газовых камер при Федеральном бюро завершения цикла.

Художник навис над санитаром:

— Когда я решу, что мне пора, — прорычал он, — то не стану звонить в «Душегубку».

— Ага, ты у нас самодельщик, — не унимался санитар. — Грязное это дело, дедуль. Ты бы подумал о людях, которым потом за тобой прибираться.

Художник выразил свое отношение к неприятностям оставшегося человечества весьма неприличным жестом.

— По мне, так миру бы не помешала хорошая порция грязи.

Санитар засмеялся и пошел по своим делам.

Уэлинг, будущий отец, что-то пробормотал, не поднимая головы, и снова затих.

Цокая высокими каблучками, в приемный покой вплыла необъятная дама с грубыми чертами лица. Ее туфли, чулки, пальто, сумочка, форменная пилотка — все было фиолетовым. Этот оттенок художник именовал «цветом винограда в Судный день».

На ее фиолетовой сумочке красовался герб Отдела ритуальных услуг Федерального бюро завершения цикла: орел, сидящий на турникете.

На лице женщины присутствовала довольно заметная растительность — сказать по правде, у нее были самые настоящие усы. Почему-то такая беда постоянно творилась с заведующими газовыми камерами: какими бы симпатичными и женственными ни были женщины, занимающие этот пост, лет через пять трудового стажа у всех пробивались усики.

— Скажите, мне к вам обратиться? — спросила она у художника.

— Зависит от того, что вам нужно, — ответил он. — Рожать, как я понимаю, вы не собираетесь?

— Мне сказали, что нужно позировать для картины. Я Леора Траверс. — Она замолчала, выжидая.

— И вы травите людей.

— Что?

— Нет, ничего.

— Какая замечательная картина, — сказала она. — Просто рай на земле или что-то вроде.

— Что-то вроде, — буркнул художник. Он вынул из кармана листок со списком. — Траверс, Траверс, Траверс. Ага, вот и вы. Да, вам уготовано бессмертие. К какому безлици-му телу мне прилепить вашу голову? Выбор уже невелик.

Дама растерянно оглядела фреску.

— Ой... Они какие-то все одинаковые. Я в этом искусстве ничегошеньки не понимаю.

— Тело есть тело, разве нет? Ну ладно. Как автор шедевра я рекомендую вам эту тушку. — Художник ткнул в безликую фигуру женщины, тащившей к мусоросжигателю охапку сухих стеблей.

— Но, — возразила Леора Траверс, — это, скорее, отдел уборки? А я работаю в ритуалах. Мы уборкой не занимаемся.

Художник заплодировал в деланном восторге.

— Что же вы говорите, что не разбираетесь в искусстве, если знаете его законы лучше меня?! Разумеется, заведующей не пристало таскать ботву. Обрезчик, вот, кто вам подойдет! — Он ткнул пальцем в фигуру, срезавшую отмершую яблоневую ветку. — Как вам? Нравится?

— Ох, — выдохнула она, покраснев и смутившись. — Это же я... я буду стоять рядом с доктором Хитцем.

— Вы против?

— Господи, нет, конечно! Это... это такая честь.

— Вы им восхищаетесь?

— Разве можно не восхищаться таким человеком? — удивилась дама, не отрывая взгляда от портрета доктора Хитца. На картине он был загорелым, седовласым, всемогущим Зевсом. Ему было двести сорок лет. — Им все восхищаются, все... Благодаря ему в Чикаго открылась первая газовая камера.

— Для меня это огромное удовольствие: поместить вас бок о бок на веки вечные, — сказал художник. — Отпиливание конечности — по-моему, весьма подходящий символ?

— Да, чем-то подобным я и занимаюсь. — Она ничуть не смущалась своей профессией. Она просто делала свою работу: помогала людям уйти из жизни спокойно и с удовольствием.

Леора Траверс еще позировала для портрета, когда в комнату вошел сам доктор Хитц. В нем было больше двух метров роста, и каждый сантиметр из этих двух с лишним метров излучал важность, успех и удовольствие от жизни.

— Мисс Траверс, милая мисс Траверс! Что вы здесь делаете? Люди тут не уходят, они тут появляются! — пошутил он.

— Мы с вами будем рядом на этой картине, — смущенно сказала она.

— Замечательно! — улыбнулся доктор Хитц. — И как вам такой расклад?

— Для меня большая честь попасть на одну фреску с вами, — ответила дама.

— Нет, это я должен быть польщен! Без таких, как вы, этого чудесного мира просто не было бы.

Он в шутку отдал ей честь и пошел в сторону родильного отделения.

— Слышали новость?

— Нет.

— У нас тройня!

— Тройня?! — воскликнула она.

Рождение тройни имело далеко идущие последствия.

Закон гласил, что новорожденного можно оставить в живых только в случае, если родители найдут желающего

уйти из жизни. А для того, чтобы выжили все дети из тройни, нужны целых три добровольца.

— И что? У них есть три кандидата? — спросила Леора Траверс.

— Насколько я знаю, только один, — ответил доктор Хитц. — А теперь они пытаются найти еще двоих.

— Вряд ли у них что-то получится. К нам тройной заявки не поступало. Только одиночки... ну, если кто-то не обратился в бюро с тех пор, как я ушла. Как их зовут?

— Уэлинг, — сказал сидящий отец. Он выпрямился, и все увидели его мятую одежду и красные глаза. — Их отца зовут Эдвард К. Уэлинг-младший.

Он поднял правую руку, устался на стену перед собой и издал хриплый, горький смешок.

— Здесь.

— О, мистер Уэлинг, — удивился доктор Хитц. — Я вас не заметил.

— Человек-невидимка, — произнес Уэлинг.

— Мне только что позвонили, ваша жена разродилась тройняшками. Они здоровы, прекрасно себя чувствуют, как и мать. Я как раз собирался их навестить.

— Аллилуйя, — опустошенно выдохнул Уэлинг.

— Вы как будто не рады? — спросил доктор Хитц.

— Разве можно не радоваться в моей ситуации? — ответил Уэлинг, вздевая руки к небу. — Мне всего-то нужно решить, кого из трех малюток оставить в живых, потом отвезти в Дюшегубку своего деда и вернуться сюда с квитанцией.

Взбешенный доктор Хитц навис над Уэлингом.

— Мистер Уэлинг, вы сомневаетесь в необходимости регулирования численности населения?

— Нет, даже не думал.

— Вы хотели бы вернуться к старым добрым временам, когда Землю населяло двадцать миллиардов — и должно было стать сорок миллиардов, потом восемьдесят, потом сто шестьдесят миллиардов? Вам знакомо выражение «как сельди в бочке»?

— Да, — буркнул Уэлинг.

— Так вот. Без контроля численности населения люди сейчас толпились бы на поверхности этой планеты, как сельдь в бочке. Подумайте об этом!

Уэлинг продолжал таращиться в одну точку на стене.

— К 2000-му году, — не унимался доктор Хитц, — до того, как ученые предложили новый закон, человечество уже умирало от жажды, из еды остались только морские водоросли — и тем не менее люди настаивали на своем праве размножаться как кролики. И на праве жить вечно, если получится.

— Я люблю этих детишек, — прошептал Уэлинг. — Люблю всех троих.

— Никто не спорит, — согласился доктор Хитц. — Мы все, по-человечески, вас понимаем.

— И я не хочу, чтобы умер мой дед.

— Мало кому нравится сдавать родственников в «Дихлофос», — понимающе кивнул доктор Хитц.

— Вот зачем люди выдумывают эти гадкие названия? — сказала Леора Траверс.

— Что?

— Не люблю, когда наше заведение называют «Дихлофосом» и другими нехорошими словами, — объяснила она. — Это создает неправильное впечатление.

— Вы совершенно правы, я приношу свои извинения, — доктор Хитц поспешил употребить другое, официальное название муниципальных газовых камер, которое никто не употреблял в обычных разговорах. — Мне следовало сказать «Салон этичного суицида».

— Да, так намного лучше, — согласилась Леора Траверс.

— Этот ваш ребенок — кого бы вы ни выбрали, мистер Уэлинг — будет жить на счастливой, просторной, чистой и богатой планете, и все это — благодаря контролю численности населения. Он будет жить в саду, похожем на изображенный на этой фреске. — Доктор Хитц покачал головой. — Двести лет назад, когда я был еще молод, на Земле царил ад, и никто не надеялся, что человечество сможет про-

тянуть еще хотя бы два века. Сейчас же мы видим в будущем тысячелетия спокойствия и изобилия, и только сила воображения ограничивает эту перспективу.

Его лицо осветила улыбка.

Но он перестал улыбаться, когда увидел револьвер в руках Уэлинга.

Уэлинг застрелил Хитца.

— Вот место для одного человека, — сказал он.

Потом он убил Леору Траверс.

— Это ведь только смерть, — произнес он, когда ее тело коснулось пола. — Зато теперь места хватит двоим.

Потом он выстрелил себе в висок, обеспечив место всем своим троим.

Никто не ворвался в комнату. Казалось, никто не слышал выстрелов.

Художник сидел на верхней ступеньке своей стремянки и молча смотрел на скорбную картину внизу.

Он задумался над пугающей загадкой жизни, которая требовала от своих созданий рождаться и, родившись, плодиться... Размножаться и жить как можно дольше — на крошечной планетке, которой придется это все терпеть.

Все решения, приходившие ему в голову, были весьма невеселыми. Они были мрачнее, чем «Дихлофос», «Веселый Хулиган» и «Давай по-быстрому». Он думал о войне. О чуме. О голодоморах.

Он знал, что никогда больше не будет писать. Выпустил из рук кисть, которая шлепнулась на тряпки внизу. Потом решил, что хватит с него жизни в Счастливом саду жизни. Медленно спустился с лестницы и подобрал пистолет Уэлинга.

Художник был полон уверенности покончить с собой.

Он не смог.

Тогда он вспомнил о таксофоне в углу. Он зашел в будку и набрал номер, который трудно забыть: 2BR02B.

— Федеральное бюро завершения цикла, — сказал мягкий голос на другом конце провода.

— Когда вы сможете меня принять? — спросил он осторожно.

— Скорее всего во второй половине дня, — ответила женщина из бюро. — Может быть, раньше, если от кого-то придет отказ.

— Хорошо, — сказал художник. — Запишите меня, пожалуйста.

Он очень отчетливо, по буквам, продиктовал ей свое имя.

— Спасибо, сэр. Город благодарит вас, страна благодарит вас, планета благодарит вас. Но самую глубокую благодарность к вам испытывают будущие поколения.

АНОНИМНЫЕ ВОЗДЫХАТЕЛИ

Герб Уайт ведет счета множества фирм по всему городу и заполняет налоговые декларации чуть ли не всех его жителей. Город зовется Северным Кроуфордом и расположен в Нью-Гемпшире. Герб не учился в колледже, хотя способностями бог его не обидел. Бухгалтерию и налоговое законодательство Герб Уайт изучил на заочных курсах. Воевал в Корее, вернулся на родину героем. Женился на Шейле Хинкли, симпатичной и умной девушке. Все мои сверстники мужского пола были бы не прочь оказаться на его месте. Сейчас моим сверстникам — кому тридцать три, кому — тридцать четыре, кому — тридцать пять.

В день, когда Шейла выходила замуж, нам было по двадцать один, двадцать два, двадцать три года. Вечером того достопамятного дня мы все отправились в местную пивную, чтобы надраться с горя. Один бедняга поднялся со своего места и сказал:

— Джентльмены, друзья, братья. Уверен, все мы желаем молодоженам крепкого семейного счастья. Но в то же время в моем сердце зияет рана, которая не заживет никогда. Мне больно и горько. Я предлагаю основать «Братство вечных страдальцев». Мы будем держаться друг друга и помогать друг другу чем сможем, потому что бог знает, до чего может нас довести такая боль.

Собравшимся эта идея пришлась по вкусу.

Хей Бойден, который позже занялся сносом и перемещением домов, заявил, что нам следует назваться «Братством недоумков, которые не доперли, что Шейла Хинкли может хотеть стать мужниной женой и домохозяйкой». Хей был пьян и невнятен, но его слова не были лишены логики. Шейла была самой умной из всех старшекласниц, она из всех сил рвалась поступить в Вермонтский университет. И мы все были уверены, что, пока она не окончит колледж, о серьезном уходе за ней не может быть и речи.

А потом, в середине учебного года, она вдруг бросила школу и вышла за Герба.

— Брат Бойден, — откликнулся один умник из нашей изрядно подпитой компании, — я думаю, это блестящее предложение. Но при всем уважении, я предлагаю иное название для нашего братства. Название, уступающее твоему во всем, кроме легкости произнесения. Джентльмены, друзья, братья, я предлагаю назвать наше братство «Анонимными воздыхателями».

Предложение приняли единогласно. Тем умником был я.

Как и многие другие странные обычаи, которых обычно всегда хватает в маленьких старомодных городках, «Анонимные воздыхатели» укоренились и прижились. Когда несколько человек из братства оказывались в одном месте, кто-то непременно говорил: «Анонимные воздыхатели, кворум есть?» Тем, кому в любви не везет, в городе до сих пор в шутку советуют вступить в «АВ». Только... поймите меня правильно. Никто в «АВ» больше не сохнет по Шейле. Почти все члены братства давно уже обзавелись своими собственными Шейлами. Мне кажется, мы думаем о ней чуть больше, чем о других бывших подружках, только из-за нашего безумного братства. Просто, как метко сказал Уилл Баттола, сантехник: «Шейла Хинкли стала сахарной вишенкой на торте моей мечты».

Где-то с месяц назад моя благоверная принесла на хвосте порцию городских сплетен и скормила их мне вместе с

кофе и миндальным печеньем. Герб и Шейла, по ее словам, перестали разговаривать друг с другом.

— С чего это ты занялась распространением каких-то дурацких слухов? — спросил я.

— Я решила, что тебе-то уж надо знать, — ответила она. — Ты же вроде как генеральный влюбленный в этом вашем братстве.

— Да ладно, я просто присутствовал при основании братства, и было это много лет назад, ты прекрасно знаешь.

— Тогда, может быть, пора его распустить, — сказала жена.

— Слушай, в этом мире не так много верных примет, но вот одна из них: люди, замыслившие развод, не заказывают алюминиевые рамы и ставни для окон дома на пятнадцать комнат.

Это мой бизнес: я продаю алюминиевые рамы и ставни, иногда — душевые кабинки. И я не соврал, Герб как раз купил для своего пятнадцатикомнатного ковра, который он зовет домом, тридцать семь оконных комплектов «Флитвуд», а это люксовая модель — лучшая из тех, что мы продаем.

— Если муж и жена едят по отдельности, это как раз верный признак, что семья распадается, — не сдавалась жена.

— С каких пор ты стала экспертом по их гастрономическим привычкам? — удивился я.

— Это вышло случайно. Вчера я собирала деньги на благотворительность. — Вчера было воскресенье. — Зашла к ним, а Шейла и девочки как раз обедали. Без Герба.

— Так, может, его просто не было дома? Может, у человека дела?

— Я так и подумала. Но потом, по дороге в следующий дом, я прошла мимо их старого сарая. Ну, знаешь, где они хранят дрова и садовый инвентарь.

— Ну и?

— И там сидел Герб. На каком-то ящике. На коробке побольше стояла его тарелка, он обедал, понимаешь? Обедал в сарае один. Я в жизни не видела человека несчастнее.

На следующий день Кеннард Пелк, заслуженный деятель «АВ» и шеф нашей полиции, зашел ко мне — посетовать на дешевые зимние рамы, которые он покупал у другой компании. Эта компания уже давно прекратила свое существование.

— Створки заклинило напрочь, а ставни совсем проржавели, — сказал он. — Алюминий покрылся какой-то синей дрянью вроде сиропа.

— Да, приятного мало, — посочувствовал я.

— Вот я к тебе и пришел. Больше вроде бы некуда.

— С твоими-то связями? Ты мог бы запросто выяснить, в какой тюрьме сидят жулики, всучившие тебе эти рамы.

Я согласился зайти к нему и посмотреть, что можно сделать, но только после того, как мы с ним договорились, что моя фирма не отвечает за всю оконную индустрию.

— Я отвечаю только за те окна, которые продаю сам.

А потом он рассказал мне о странном случае, произошедшем прошлой ночью. Было два часа ночи. Кеннард уже ехал домой на своей полицейской машине. И тут он заметил, что в сарае у Герба Уайта горит свеча.

— Ты ж понимаешь, у них дом на пятнадцать комнат, не считая сарая, — рассказывал Кеннард, — а живут они там вчетвером, ну... впятером, если считать собаку. И какой нормальный человек будет торчать в сарае в такое время? Я и подумал, может, там воры?

— Да там красть-то нечего, кроме флитвудовских окон.

— Я полицейский, — резко проговорил Кеннард. — И должен следить за порядком. Это мой долг. В общем, подкрадываюсь я к окну, заглядываю внутрь и вижу такую картину: Герб лежит на полу на матрасе. Рядом — бутылка ликера, стакан и свеча в пустой бутылке. И Герб читает журнал при свече.

— Сразу видно — суперсыщик...

— Он меня заметил, поэтому я подошел ближе, чтобы он меня узнал. Окно было открыто, я сказал ему, что хотел выяснить, кто в сарае. Он ответил: «Робинзон Крузо».

— Робинзон Крузо?

— Да. Это такой сарказм, — сказал Кеннард. — Он вообще был не рад меня видеть. Еще спросил, всех ли «Анонимных дыхателей» я привел с собой. Я сказал, что не всех. Потом он спросил, правда ли, что дом человека — его крепость, или, по мнению полиции, это уже устаревшая информация.

— А ты что сказал, Кеннард?

— А что я мог сказать? Застегнул кобуру и поехал домой.

Сразу после ухода Кеннарда ко мне в офис явился Герб Уайт собственной персоной. У него был цветущий, счастливый вид, который иной раз встречается у людей с двусторонней пневмонией.

— Хочу купить еще три флитвудовских окна, — сказал он.

— Понимаю. Флитвудовские окна нравятся всем, — ответил я. — Но ты, по-моему, переходишь границы разумного. Ты и так по уши в этих окнах.

— Они мне нужны для сарая.

— Герб, с тобой все в порядке? — спросил я. — У тебя в половине комнат даже мебели нет. Ты хорошо себя чувствуешь? Может быть, у тебя жар?

— Нет, я просто честно и пристально посмотрел на свою жизнь, — ответил он. — Так ты продаешь окна или нет?

— Продажа стеклопакетов — бизнес, основанный на здравом смысле, и я планирую продолжать в том же духе. Твой сарай... К нему лет пятьдесят никто не притрагивался. В стенах щели, в крыше — дыры, фундамент продувается насквозь. С тем же успехом ты можешь установить окна в большой куче хвороста.

— Я его как раз ремонтирую.

— Шейла беременна?

Он помрачнел.

— От всей души надеюсь, что нет. Не нужно ей этого. Ни ей, ни мне, ни самому ребенку.

* * *

В тот день я обедал в кафе при аптеке. В рабочие дни там обедает половина «Анонимных воздыхателей». Едва я сел за столик, как Сельма Дил, кассирша, спросила:

— Ну что, великий воздыхатель, кворум в наличии. Какая будет повестка дня?

Хей Бойден, перевозчик и разрушитель домов, повернулся ко мне:

— Есть новости, мистер президент?

— Слушайте, перестаньте уже называть меня президентом! — огрызнулся я. — Моя семейная жизнь никогда не была идеальной, и я не удивлюсь, если окажется, что это дурацкое звание и было той пресловутой ложкой дегтя.

— Кстати, насчет идеальных семей, — вклинился Уилл Баттола, сантехник. — Скажи, пожалуйста, Герб Уайт у тебя не заказывал новые окна в последнее время?

— Откуда ты знаешь?

— А вот догадался, — ответил он. — Мы тут обменялись информацией, и, как выяснилось, Герб сделал по небольшому заказу у всех членов «АВ».

— Совпадение.

— Я бы тоже так думал, — продолжил Уилл, — если б был хоть один человек, кто не состоит в братстве и при этом получил заказ.

Мы сверили свои данные, подсчитали, и вышло, что Герб собирается вбухать в сарай около шести тысяч долларов. Немалые деньги в его ситуации.

— Ремонт вышел бы ему в два раза дешевле, если бы Герб не намеревался устроить в сарае еще и кухню с туалетом, — сказал Уилл. — Не понимаю. В доме ведь есть и туалет, и кухня... всего в двух шагах.

— Согласно чертежам, которые Герб притащил мне сегодня утром, между сараем и домом вообще не будет никакого прохода. Там будет сплошная стена с полудюймовым слоем штукатурки и изоляцией из минеральной ваты, — встрял Эл Тедлер, плотник.

— Как это сплошная? — удивился я.

— Герб хочет хорошую звукоизоляцию.

— И как его брненное тело собирается перемещаться из дома в сарай?

— Телу придется выйти во двор, футов этак шестьдесят прогуляться по травке и войти в сарай через наружную дверь.

— Не самая приятная прогулка для зимней ночи, — сказал я. — Особенно босиком.

В этот момент в аптеку вошла Шейла Хинкли Уайт.

Вы, наверно, нередко слышите о той или иной женщине, что она «хорошо сохранилась». В большинстве случаев эта дама оказывается тощей особой, которая красится розовой помадой и выглядит так, будто ее выварили в ланолине. Но Шейла действительно хорошо сохранилась. В тот день ей никто не дал бы больше двадцати двух.

— Черт возьми, — выдохнул Эл Тедлер, — если бы мне готовила еду такая женщина, я ни за что бы не стал заводить вторую кухню.

Обычно, когда Шейла заходила куда-нибудь, где сидели несколько членов «АВ», мы пытались как-то привлечь ее внимание, а она в ответ делала брови домиком или подмигивала нам. Без всякой задней мысли.

Но в этот раз мы не издали ни звука, а она даже не взглянула на нас. Она была занята. В руках у Шейлы была здоровенная красная книга размером со шлакобетонный блок. Шейла поставила книгу на полку в библиотечном отделе, расплатилась и вышла.

— Интересно, о чем эта книга, — сказал Хей.

— Красная, — отозвался я. — Наверное, о пожарных машинах.

Этой шутке было уже много лет — она родилась из подписи, которую Шейла сделала под своей фотографией в выпускном альбоме. Мы там писали, чем хотели бы заниматься в своей взрослой жизни. Шейла написала, что она откроет новую планету, или станет первой женщиной в со-

ставе Верховного суда, или возглавит компанию, выпускающую пожарные машины.

Конечно, это была шутка, но все, включая и саму Шейлу, понимали: для нее нет недостижимых высот, достаточно только захотеть.

Помнится, на их с Гербом свадьбе я спросил Шейлу:

— И что теперь будет с индустрией пожарных машин?

Она рассмеялась в ответ:

— Придется ей как-то справляться без меня. У меня теперь есть работа в тысячу раз важнее — заботиться о здоровье и счастье мужа и воспитывать наших детей.

— А как насчет должности в Верховном суде?

— Самая почетная для меня должность... и для любой другой женщины... это уютная кухня с детишками, копошащимися у ног.

— Шейла, и ты спокойно позволишь, чтобы кто-то другой открыл ту планету?

— Планеты — лишь камни, мертвые камни. Я хочу открыть своего мужа и через него — самое себя. А кто-то другой пусть занимается камнями.

Когда Шейла ушла, я подошел к книжным полкам и посмотрел, что за книгу она читала. «Женщина: Пустая трата прекрасного пола, или Обманчивые ценности домохозяйства».

Я заглянул в оглавление — книга состояла из пяти частей:

I. 5 000 000 до н.э. — 1865 г н.э. Принудительное рабство.

II. 1866—1919. Рабство на пьедестале.

III. 1920—1945. Фиктивное равенство — от кисейной барышни до Клепальщицы Розы.

IV. 1946—1963. Добровольное рабство — от подгузников до космических спутников.

V. Взрыв и Утопия.

Рива Оули, продавщица из отдела косметики и по совместительству библиотекарь, спросила, может ли она мне чем-то помочь.

— Конечно, можете, — отозвался я. — Вы мне очень можете, если выкинете эту дрянь в ближайшую канаву.

— Это очень популярная книга, — сказала она.

— Возможно. Виски и многозарядные карабины тоже были очень популярны у краснокожих. А если хотите, чтобы в вашу аптеку народ валил валом, установите прилавок с гашишем и героином для подростков.

— А вы сами ее читали?

— Мне хватило оглавления.

— Значит, вы хотя бы ее открыли, — вздохнула Рива. — Никто из остальных «Анонимных воздыхателей» даже на это не сподобился за последние десять лет.

— К вашему сведению, я очень много читаю, — возмутился я.

— Я и не знала, что о стеклопакетах пишут так много книг. — Рива была очень неглупой вдовой.

— А вы, оказывается, умеете язвить...

— Такое бывает, когда узнаешь, во что мужчины превратили наш мир, — сказала она.

Выбора у меня не оставалось — я прочел эту книгу.

О, это была та еще *книжица*! Я одолел ее за полторы недели, и чем больше я читал, тем сильнее мне казалось, что под одеждой у меня колючая власяница.

Как-то ко мне в офис зашел Герб Уайт. Он заметил, что я читаю.

— Просвещаешься? — спросил он.

— Может быть, но уж точно не благодаря этой гадости. Сам-то читал?

— Да уж, имел удовольствие. Ты на чем сейчас остановился?

— Я только что пролистал худшие пять миллионов лет, какие только можно представить. И отдельные мужчины наконец заметили, что жизнь у женщин не самая приятная.

— Теодор Паркер?

— Ага. — Паркер был проповедником в Бостоне во время Гражданской войны.

— Напомни, — попросил Герб.

Я прочел вслух:

— «Возможности женщины не ограничиваются домашним трудом. Заставлять половину человечества тратить свою энергию на обязанности домохозяйки, жены и матери — чудовищно расточительная потеря самого драгоценного материала, который только создавал Господь».

Пока я цитировал преподобного, Герб закрыл глаза. Не открывая их, он произнес:

— Ты представляешь, каким ударом были для меня эти слова — при моей-то жене?

— Мы все уже поняли, что тебя чем-то стукнуло. Но никто пока не догадался, чем конкретно.

— Эта книга валялась у нас дома несколько недель, — начал он. — Ее читала Шейла, я поначалу не обращал внимания. Как-то вечером мы смотрели «Второй канал». Это бостонский научно-популярный телеканал, если ты не в курсе. Там в передаче два каких-то профессора спорили о разных теориях происхождения Солнечной системы. И тут, ни с того ни с сего, Шейла вдруг разрыдалась, сказала, что ее мозги превратились в жижу, и что она уже ничего не знает и не понимает.

Герб открыл глаза.

— Что я мог ей сказать? Как успокоить? Она пошла спать. На столе лежала эта книга. Я открыл ее и попал на ту самую цитату, которую ты сейчас мне прочел.

— Герб, — сказал я. — Это, конечно, не мое дело, но...

— Это твое дело, — перебил он. — Ты же у нас президент «АВ»?

— Не думаю, что существует такая организация.

— Насколько я знаю, «Анонимные воздыхатели» также реальны, как «Ветераны заграничных войн». Как бы тебе самому понравился клуб, который ставит единственной целью следить, чтобы ты хорошо обращался со своей женой?

— Герб, клянусь честью...

Он не дал мне закончить.

— Теперь я понимаю... только теперь, с десятилетним опозданием... что я разрушил жизнь этой прекрасной женщины, что я заставил ее потратить весь ее ум, весь талант... И на что? — Герб пожал плечами. — На уборку дома провинциального бухгалтера, который даже не удосужился окончить школу, который за десять лет, что прошли после свадьбы, ничего не добился и не достиг.

Герб хлопнул себя по лбу — не знаю, то ли хотел наказать себя, то ли вправить себе мозги.

— Так вот, — сказал он. — Я прошу всех анонимных воздыхателей мне помочь. Помочь все исправить. Конечно, вернуть ей десять потерянных лет я не смогу. Но когда мы приведем в порядок сарай, я хотя бы не буду болтаться у нее под ногами, избавлю от необходимости готовить мне, обшивать и делать тысячи других мелких глупостей, которыми мужья озадачивают своих жен. У меня будет собственный домик, я сам себе буду домохозяйка. Если Шейла захочет, она всегда сможет постучать в мою дверь и узнать, что я все еще люблю ее. Она сможет взяться за книги и стать океанографом или кем-то еще. Всю мужскую работу в ее большом доме будет делать умелец-сосед, то есть я.

С очень тяжелым сердцем я отправился к дому Герба, чтобы замерить окна сарая. Герб был на работе, девочки-двойняшки еще в школе. Шейлы тоже не было видно. Я постучал в дверь кухни, но откликнулась только стиральная машина.

Хлюп, гррр, бам, пшш...

Тогда я, раз уж пришел, решил посмотреть, как себя «чувствуют» уже установленные «Флитвуды». Волей-неволей пришлось заглянуть в окно гостиной. Шейла лежала на диване, вокруг нее на полу были разбросаны книги. Она плакала.

Добравшись до сарая, я убедился, что Герб устроил там импровизированное жилище. На поленице, рядом с батареей кухонной посуды и консервов, стоял примус.

Посреди сарая стояло кресло, над ним Герб подвесил бензиновый фонарь, а рядом с креслом — на большой плахе для рубки дров — разложил свои трубки, табак и журналы. Матрас лежал прямо на полу, но постель была аккуратно застелена. С простыней, одеялом, все как полагается. Стены были увешаны фотографиями: Герб в армии, Герб в школьной баскетбольной команде. И еще там висела большая репродукция «Битвы с индейцами».

Дверь между сараем и домом была закрыта, и я решил, что если влезу через окно, это не будет считаться незаконным вторжением. Меня интересовало состояние старых рам и особенно — коробки окна. Усевшись в кресло, я принялся записывать размеры.

Потом откинулся на спинку и закурил сигарету. Кресло очень... располагало. В результате я не услышал, как вошла Шейла.

— Удобно, правда? — спросила она. — По-моему, все люди твоего возраста просто обязаны обзавестись вот таким вот убежищем. Герб заказал новые окна для своей Шангри-Ла?

— «Флитвуды», — кивнул я.

— Хорошо, — сказала Шейла. — «Флитвуды», разумеется, самые лучшие. — Она подняла взгляд. Прогнившую крышу пронзали тонкие солнечные лучики. — Как я понимаю, происходящее между мной и Гербом уже перестало быть тайной.

Я не знал, что ответить.

— Ты, пожалуйста, передай «Анонимным воздыхателям» и их языкастым женушками, что мы с Гербом еще никогда не были так счастливы.

Мне опять нечего было сказать. По-моему, переезд Герба в сарай был как раз настоящей трагедией.

— И скажи им, — продолжала она, — что Герб осознал это первым. У нас случилась дурацкая перепалка насчет состояния моих мозгов. Я поднялась в спальню и ждала Герба, но он не пришел. Утром я увидела, что он притащил сюда матрас и спит как младенец. Я увидела его безмятежное

лицо, увидела, какой он спокойный и счастливый... и расплакалась. Я поняла, что всю жизнь он был рабом. Занимался ненавистной ему работой — ради матери, ради меня, потом ради детей. В ту ночь в сарае он, может быть, в первый раз в жизни засыпал с мыслями о том, кем мог бы стать... кем он может стать, если захочет.

— Я думаю, многие несовершенства нашего мира объясняются тем, что все вполне искренне полагают, будто они стараются для других, — сказал я. — Герб уверен, что эта затея с сараем необходима тебе.

— Все, что делает его счастливым, необходимо и мне.

— Я прочел ту дурацкую красную книгу. То есть... я ее еще читаю.

— Карьера домохозяйки — это унизительно, если женщина может добиться большего.

— Ты хочешь добиться большего, Шейла?

— Да. — У нее, оказывается, был целый план: поступить на заочное отделение Даремского университета, потом стать вольной слушательницей, ездить в Дарем на сессии — и уже через два года получить диплом. И стать учительницей.

— Мне бы такое и в голову не пришло, — призналась она, — если бы Герб не воспринял мою показную истерику так серьезно. Иногда женщины — жуткие притворщицы.

— Я начала учиться, — добавила она, помолчав. — Ты видел, как я рыдала над всеми этими книгами.

— Я надеялся, что ты меня не заметила. Поверь, я не пытаюсь совать нос в ваши дела. Просто мы с Кеннардом Пелком по долгу службы вынуждены заглядывать в чужие окна.

— Я плакала, потому что поняла, какой фальшивкой я была в школе. Тогда я только притворялась, что мне интересно то, что я учила. А теперь все по-честному. Вот поэтому я и плакала. Эти слезы сильно запоздали, но это были хорошие слезы. Я плакала от новизны, от ощущения взрослости.

Должен признать, Шейла и Герб придумали очень оригинальный способ изменить свою жизнь. Меня беспокоила

только одна вещь, но я понятия не имел, как про такое спросить.

Шейла сама ответила на мой невысказанный вопрос.

— От любви на замок не закрыться, — сказала она.

Где-то неделю спустя я принес книгу «Женщина: Пустая трата прекрасного пола, или Обманчивые ценности домохозяйства» на обеденный сбор «АВ» в аптеку. Теперь я готов был вернуть книгу обратно на полку.

— Ты ведь не разрешил жене это читать? — осведомился Хей Бойден.

— Наоборот, — ответил я.

— Теперь она бросит тебя с детьми и станет контр-адмиралом!

— Не дождешься.

— Прочитав книжицу вроде этой, — добавил Эл Тедлер, — твоя жена не успокоится до конца жизни.

— Вообще не обязательно, — возразил я. — Я действительно дал почитать эту книгу жене, но присовокупил волшебную закладку. Эта закладка удержала мою благоверную от скоропалительных выводов.

Все тут же стали выпрашивать, что за волшебная закладка.

— Я подсунул ей табель с ее школьными оценками, — сказал я.

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА ХЭЛА ИРВИНА

Хэл Ирвин соорудил волшебную лампу летом 1929 года в подвале своего дома в Индианаполисе. Он хотел сделать что-то похожее на лампу Аладдина и взял за основу старый жестяной чайник, с куском ваты в носике вместо фитиля. В боку посуды Хэл проковырял отверстие для кнопки от дверного звонка, а внутри закрепил пару батареек и сам звонок. Как и у многих примерных мужей в те времена, у Хэла в подвале была целая мастерская.

Он решил, что будет забавно вызывать таким образом прислугу. Потрешь чайник, словно это волшебная лампа, и незаметно нажмешь на кнопку. Зазвенит звонок, придет слуга — ну, если у тебя есть слуга, — и спросит, чего тебе нужно.

Своей прислуги у Хэла не было, но он собирался одолжить служанку у друга. Хэл Ирвин работал агентом в брокерской фирме, и дело свое знал досконально. Срубив на бирже пол-миллиона долларов, он никому не сказал. Даже жене.

Волшебная лампа должна была стать для жены сюрпризом. Хэл собирался сказать ей, что эта штука и вправду волшебная, а потом потереть лампу и пожелать новый большой дом. И доказать, что волшебство состоялось, потому что все желания исполняются.

Hal Irwins Magic Lamp

© Перевод. А. Аракелов, 2010.

Пока Хэл занимался лампой, специалисты по интерьеру завершали отделку нового «французского замка» на Норт-Меридиан-стрит.

Пока лампа еще не была готова, Хэл с Мэри жили в закопченном бараке на углу Семнадцатой и Иллинойс-стрит. За два года, прошедших с их свадьбы, они выбирались в город в кино или на танцы всего пять-шесть раз. Хэл не был скрягой, нет, ни в коем случае! Он просто копил деньги, чтобы купить жене вагон счастья — и еще маленькую тележку, — и собирался вывалить его перед ней все и сразу, одним большим комом.

Он был старше Мэри на десять лет, поэтому легко мог запудрить ей мозги во многих вопросах, в том числе — и в денежном. Он не говорил с ней о деньгах, не показывал счета и чеки, никогда не сообщал, сколько денег заработал и на что их потратит. Мэри видела лишь жалкие крохи, которые он выделял на домашнее хозяйство, из чего следовал вывод, что они бедны, как церковные мыши.

Мэри это не беспокоило. Она была терпеливой и кроткой, и к тому же глубоко религиозной. Жизнь в бедности давала ей простор для служения вере. Если в конце месяца у них оставалось достаточно денег, чтобы нормально питаться, и ей не приходилось выпрашивать у мужа дополнительные гроши на расходы, она чувствовала себя маленькой белой овечкой. Мэри считала, что и Хэл тоже счастлив, несмотря на бедность, ведь она дарила ему свою любовь, а это стоит миллионов.

Единственное, что беспокоило Мэри в связи с их бедностью — это уверенность Хэла, что его жена мечтает о богатстве. И она изо всех сил старалась его разубедить.

Когда Хэл заводил разговор о роскошной жизни — о загородных клубах для богачей и катании на яхтах, — Мэри неизменно вспоминала о миллионах несчастных китайцев, у которых нет ни еды, ни крыши над головой.

— Моя зивет осень холосо для китайсы, — ответил Хэл в один прекрасный день.

— Ты живешь хорошо и для американца, и для всех остальных, — мягко возмутилась Мэри и обняла мужа, чтобы он почувствовал себя гордым, сильным и счастливым.

— Так вот, у твоего успешного китайца есть для тебя хорошая новость, — продолжал Хэл. — Завтра мы найдем кухарку. Я отправил заказ в бюро по трудоустройству.

Вообще-то женщина, которая должна была к ним прийти — ее звали Элла Райс, — придет вовсе не для того, чтобы готовить еду. И прислало ее отнюдь не бюро по трудоустройству. Элла работала у приятеля Хэла, с которым Мэри не была знакома. Тот дал Элле выходной, чтобы она пришла к Хэлу и сыграла роль джинна. Вернее, джиннии.

Хэл отрепетировал с ней все диалоги и обещал хорошо заплатить. А лишние деньги Элле явно не помешали бы: по ее расчетам, она должна была родить через шесть недель. Да и работа была непыльная. Всего-то и нужно, что надеть тюрбан, войти в комнату в нужный момент — когда Хэл покажет Мэри волшебную лампу, потрет ее и нажмет на кнопку — и сказать:

— Я джинния, раба лампы. Чего пожелает мой добрый спаситель?

После этого Хэл станет заказывать всякие роскошества, которые он уже купил, но Мэри еще не показывал. Первым желанием будет лимузин фирмы «Мармон». К тому моменту он уже должен стоять перед домом. Каждый раз, как Хэл загадывает желание, Элла Райс должна говорить:

— Слушаю и повинуюсь.

Но это будет завтра, а мы говорим про сегодня. Мэри решила, что Хэлу не нравится ее стряпня — а готовила она отменно.

— Дорогой, — сказала Мэри, — тебе не нравится, как я готовлю?

— Ты прекрасно готовишь. Мне не на что жаловаться.

— Тогда зачем нам кухарка?

Хэл посмотрел на жену так, словно та была глухой, слепой и тупой одновременно.

— Думаешь, у меня совсем нет гордости? — спросил он, и тут же прижал палец к ее губам. — Солнышко, только не надо опять вспоминать о китайцах, которыедохнут как мухи. Я тот, кто я есть, и живу там, где живу. И у меня есть своя гордость.

Мэри хотелось заплакать. Она думала, что утешает и ободряет Хэла, а оказалось, она только все портила.

— Ты представь, что я чувствую, когда вижу, как Би Мюллер или Нэнси Госсет ходят по дорогим магазинам в своих роскошных шубах? — не унимался Хэл. — Я сразу думаю о тебе... как ты сидишь в этой халупе. Я думаю: «Какого черта?! Ведь когда-то я был президентом студенческого братства, в котором состояли их мужья! Какого черта, разве мы с Харвом Мюллером и Джорджем Госсетом не составляли Великий Триумvirат?!» Так нас троих называли в колледже. Великий Триумvirат! Мы правили колледжем, я не вру! Мы основали Совиный клуб, и я был его президентом! И посмотри, как все обернулось. Где они, а где мы? Мы тоже должны жить в богатом районе, на Пятьдесят Седьмой и Норт-Меридиан! И у нас должен быть коттедж на озере Максинакки! Избавить жену от работы на кухне — это меньшее, что я могу сделать.

На следующий день, как и было задумано, в три часа пополудни Элла Райс постучалась в их дверь. В руках у нее был бумажный пакет с тюрбаном, который ей дал Хэл. Самого Хэла еще не было дома. Предполагалось, что Элла будет изображать новую кухарку и «превратится» в джиннию, когда он придет с работы, в половине четвертого.

Хэл, однако, не предусмотрел, что Элла понравится Мэри, что Мэри примется ее жалеть и отнесется к ней не как к пришедшей кухарке, а как к человеческому существу, которое переживает нелегкие времена и нуждается в участии и поддержке. Он думал, что женщины отправятся на кухню — поболтать о своем, о женском, обсудить гастрономические пристрастия самого Хэла и все такое. Но Мэри спросила Эллу о ее беременности, которая сразу бросалась в глаза. Элла врать

не умела, да и не видела смысла. Она просто-напросто разрыдалась. В итоге две женщины — одна белая, другая черная — вместо того, чтобы уйти на кухню, уселись в гостиной и затеяли беседу по душам.

Элла была не замужем. Отец ребенка, узнав о ее беременности, избил ее и растворился в туманных далах. У нее все болело и кололо, у нее не было родственников, и она не знала, сколько еще времени сможет работать прислугой. Она повторила то, что говорила Хэлу: что до родов осталось еще, кажется, месяца полтора. Мэри сказала, что очень хочет иметь детей, но не может. Это было слабое утешение.

Когда Хэл подъехал к дому в своем новом «Мармоне», обе женщины находились не в лучшем расположении духа для участия в его представлении. Да они просто ревели в голос! Но ему показалось, что волшебная лампа поднимет им настроение. Он сходил на второй этаж, где был спрятан заветный чайник, вернулся в гостиную и воскликнул:

— Невероятно! Смотрите, что я нашел! Мне кажется, это волшебная лампа! Может быть, если ее потерять, то появится джинн? Или джинния? Да! Появится джинния и исполнит все наши желания!

Хэл и не думал нанимать на роль джинна чернокожего мужчину. Он вообще побаивался негрsv.

Элла Райс услышала условную фразу и встала с дивана, чтобы приступить к выполнению бредового поручения, за которое ей платил белый. Все, что угодно, за ваши деньги. После получаса на мягком диване, вставать было больно. Даже Хэл заметил, как Элла невольно поморщилась.

Хэл пожелал «Мармон», и джинния ответила:

— Слушаю и повинуюсь.

Они вышли на улицу, Хэл велел женщинам сесть в машину — в его машину, полностью оплаченную, до последнего цента. Женщины расположились на заднем сиденье, и Мэри сказала Элле, не Хэлу:

— Большое спасибо. Это просто чудесно. Кажется, я схожу с ума.

Хэл завернул на Норт-Меридиан-стрит и принялся указывать на богатые дома по обе стороны улицы. Каждый раз, как он показывал пальцем на какой-то дом, Мэри заявляла, что дом ей не нравится, и вообще было бы намного лучше, если бы он выкинул свою «волшебную» лампу в окно. Ее разозлило мужнино унижительное обращение с ее новой подругой Эллой.

Хэл затормозил перед «французским замком», который как раз докрашивали маляры. Он заглушил мотор, потеряв лампу, звякнул звонком и произнес:

— Джинния, я хочу новый дом на Норт-Меридиан-стрит, 5644.

— Ты не обязана его слушаться. Не отвечай ему, — сказала Элле Мэри.

Теперь Элла разозлилась на Мэри.

— Он мне платит! — Элла добавила еще несколько фраз на языке, характерном для человека ее расы, класса и уровня образования. Потом она застонала. У нее начались схватки.

Ирвины отвезли Эллу Райс в городскую больницу, единственную в городе, где лечили негров. Элла родила здорового мальчика, Хэл все оплатил.

Хэл и Мэри забрали ее с ребенком к себе. Старый дом выставили на продажу. Мэри, которая не могла иметь детей, выделила матери и ребенку одну из семи спален, обставила ее красивой мебелью, оклеила симпатичными обоями и завалила игрушками, для которых мальчик был еще слишком мал. Вдобавок в распоряжении матери и ребенка была отдельная ванная.

Ребенка окрестили в негритянской церкви, Мэри присутствовала на церемонии. Хэл не пошел. Они с Мэри почти не разговаривали. Элла назвала сына Ирвином, в честь людей, которые ей помогли. Фамилия ему досталась материнская. Он стал Ирвином Райсом.

Мэри никогда не любила Хэла, хотя очень старалась. Это была ее работа. В те времена у женщины не было особых возможностей зарабатывать самой, а получить наследство

ей было не от кого — разве что только от Хэла, если бы тот умер. Хэл был не глупее других ее знакомых мужчин. И она не хотела остаться одна. У них появился чернокожий дворник и чернокожая прачка, плюс еще белая служанка из Ирландии — она жила во флигеле. Мэри настояла, что готовить будет она сама. Элла вызвалась помочь, хотела готовить еду хотя бы для себя, но Мэри категорически не желала подпускать кого-то к плите.

Она так ненавидела новый дом, громадную машину, которая ее смущала, что ее неприязнь перекинулась и на Хэла. Раньше он хотя бы ей нравился, а теперь — нет. Для Хэла это был сильный удар, сами понимаете. Женщина, на которой он был женат, не только не согревала его любовью или хотя бы суррогатом любви, она отдавала всю свою любовь чужому ребенку, черному, как пиковый туз!

Он никому не рассказывал о своих семейных проблемах, опасаясь, что сослуживцы посчитают его слабым. Даже ирландская служанка обращалась с ним как со слабым, словно главой семьи была Мэри. И, наверное, считала его идиотом.

Разумеется, Элла Райс сама заправляла свою постель и прибиралась у себя в комнате. Ей тоже не нравилась вся эта ситуация, но что она могла сделать? Она кормила грудью, это была ее единственная работа. Элла не ела внизу вместе с Ирвинами. Даже Мэри не допускала подобной мысли. Элла не ела с прислугой на кухне. Она приносила еду, приготовленную Мэри специально для нее, в свою комнату и ела там в одиночестве.

Зато дела на работе у Хэла шли лучше, чем когда бы то ни было. Помимо обычной торговли акциями и облигациями клиентов, он вкладывал много собственных денег в покупку ценных бумаг с маржей. «Покупать с маржей» означало, что он оплачивал только часть стоимости этих акций, остальные деньги давала взаймы его брокерская контора. Когда из-за большого спроса акции дорожали, Хэл их прода-

вал. После расчетов с конторой у него на руках оставался неплохой навар.

И он мог покупать с маржей еще больше акций.

Через три месяца после спектакля с волшебной лампой биржа рухнула. Акции, купленные Хэлом, обесценились. Все вдруг решили, что эти акции не стоят бумаги, на которой напечатаны. Получилось, что Хэл теперь должен своей конторе — а та, в свою очередь, должна банку, — намного больше, чем он мог заплатить, даже если бы продал все, что у него есть: новый дом, еще не проданный старый дом, мебель, машина... Вплоть до последней рубашки.

Хэл Ирвин, которого и в лучшие времена не окружали особой любовью в кругу семьи, вышел в окно седьмого этажа, не надев парашют. По всей стране нелюбимые женами мужчины его профессии выходили в окна без парашютов. Банк забрал оба дома и автомобиль. А потом лопнул и сам банк, и все, кто держали там деньги, остались без денег.

Мэри пришлось переехать в другой дом — на ферму ее овдовевшего отца, недалеко от Крауфордсвилля. Элле Райс некуда было идти, кроме той самой церкви, где крестили ее младенца. Мэри проводила ее туда. В церкви давали приют матерям с грудничками и детьми постарше, старикам, калекам и даже вполне здоровым молодым людям. Там было где спать. Там раздавали еду. Мэри не спрашивала, откуда она взялась. Мэри знала, что видит Эллу и Ирвина Райса в последний раз. Но Элла будет хоть как-то питаться, а значит, сможет кормить малыша.

Когда Мэри добралась до отцовской фермы, оказалось, что там отключено электричество и дождь протекает сквозь крышу. Но отец принял ее. А как же иначе? Она рассказала ему о бездомных в негритянской церкви. Она спросила, что с ними станет в эти ужасные времена.

— Бедные позаботятся о бедных, — ответил он.

КОДА К МОЕЙ КАРЬЕРЕ ПИСАТЕЛЯ ДЛЯ ПЕРИОДИКИ

Некоторые из этих рассказов мне пришлось отредактировать — провести, так сказать, косметический или же капитальный ремонт, который мы с редакторами почему-то не сделали перед первой публикацией. А три рассказа я просто-напросто переписал заново, потому что задумка была хороша, но ее воплощение было настолько убогим, что я даже расстроился, когда перечитывал этот маразм. В общем, я их переделал полностью. Вот эти рассказы: «Нежно-голубой дракон», «Юный женоненавистник» и «Волшебная лампа Хэла Ирвина». В качестве ископаемых останков они не имеют вообще никакой исторической ценности: это фальшивые кости пилтдаунского человека, примитивного полу-человека полуорангутанга, которым я был когда-то.

Да, будучи начинающим автором, я писал, прямо скажем, топорно. Однако всегда находились журналы, которые печатали таких незадачливых орангутангов. Правда, были и другие журналы, которые, к их чести, не прикоснулись бы к моим тогдашним «произведениям» даже в резиновых перчатках. Меня это не обижало. Я все понимал. И я никогда не страдал завышенным самомнением. Мне вспоминается одна давняя карикатура, которую я как-то видел в жур-

нале. Психиатр говорит пациенту: «У вас нет комплекса неполноценности. Вы неполноценны без всяких комплексов». Но если пациент смог позволить себе прием у психиатра, значит, он все-таки где-то работает и хорошо зарабатывает, несмотря на всю свою неполноценность. Это был как раз мой случай. И смею надеяться, что с годами я стал писать лучше.

Благодаря популярным журналам, я приобщился к писательскому ремеслу и прошел хорошую школу. Подобные учебные курсы (за которые тебе еще платят и при этом практически не смотрят на качество твоей писанины) давно канули в Лету. Для меня работа в журналах стала отличной возможностью познать себя. В этом-то и заключается преимущество авторов, пишущих для публикаций: они уже знают, на что способны и что они собой представляют — независимо от опыта или таланта.

В настоящее время в Америке появилось просто невероятное количество молодых авторов, увлеченных процессом самопознания через литературное творчество. Они пишут, стараются, выкладываются по полной — а там будь что будет! Двадцать лет я читаю лекции по основам писательского мастерства в восьми колледжах и университетах ежегодно. В половине из этих ста шестидесяти вузов курс писательского мастерства стоит в программе как отдельная дисциплина. Когда я уходил из «General Electric» и собирался вплотную заняться писательством, подобные курсы существовали только в Университете Айовы и в Стэнфордском университете, где сейчас учится дочь нашего президента.

Если принять во внимание, что заработать на жизнь сочинительством рассказов в наше время уже невозможно, а шансы, что твой роман будет иметь успех, ничтожно малы (один к тысяче, в лучшем случае), курсы писательского мастерства можно рассматривать как мошенничество и надувательство — ну, примерно как курсы продавцов-фармацевтов в стране, где в принципе нет аптек. И тем не менее сами студенты потребовали себе курсы писательского мастерства

в числе прочих требований, которые они выдвигали — пылко, неистово и без разбора — во время войны во Вьетнаме.

Чего хотели студенты, когда выступали за общедоступные курсы писательского мастерства? Что они получили? Я вам отвечу: они получили дешевый способ выразить то, что волнует их больше всего, спроецировать свой внутренний мир вовне, понять, что они собой представляют и кем могут стать. Слово «дешевый» я употребил вовсе не в уничижительном смысле. Просто, чтобы снять фильм или какое-нибудь телешоу, нужна куча денег. Не говоря уж о том, что по ходу работы вам волей-неволей придется общаться с весьма неприятными, а иногда и вообще омерзительными людьми.

Кроме того, во многих колледжах и университетах существуют свои еженедельные или ежемесячные газеты, где публикуют рассказы студентов, но гонорары платить не могут. Ну, и черт с ним, с гонораром! Писательство — это не способ зарабатывать деньги. Это простор для духовного роста.

Bon voyage.

Я до сих пор иногда пишу для журналов, но не рассказы, а только статьи — и только, если меня попросят. Я давно не тот энергичный юноша, каким был когда-то, и мне уже неинтересно повсюду лезть со своей инициативой. Не далее как месяц назад ко мне обратились из журнала «XUVQ», превосходного альтернативного издания, с просьбой бесплатно написать для них статью по теме: «Что значит быть уроженцем Среднего Запада». Вот что я им ответил:

«Кто не гордится родиной своей, кто не сказал себе: «Мне края нет родней», — тот мертв душой!»

Если убрать всю ура-патриотическую романтику, смысл этих строк знаменитого шотландца сэра Вальтера Скотта (1771—1832) сводится лишь к одному: у людей точно так же, как у волков или у пчел, очень развит инстинкт принадлежности к своей территории. Еще недавно считалось, что человек, которому вздумалось уехать подальше от своих родных мест, совершает самоубийство, поскольку он непременно погибнет, как это обычно случается с животными, отбившимися от стаи.

Этот страх переступить географическую границу до сих пор не изжил себя во многих частях света, например, в бывшей Югославии в Европе или в Руанде в Африке. Однако в Северной Америке этот территориальный инстинкт уже потихонечку отмирает — и слава богу! В этой стране он доживает свой век, как это бывает со многими устаревающими инстинктами выживания, в виде странностей поведения, которые, как правило, вполне безобидны, а подчас так и вовсе смешны.

Взять хотя бы меня самого и еще несколько миллионов таких же, как я. Мы с такой гордостью говорим незнакомцам, что мы родом со Среднего Запада, как будто в том есть наша личная заслуга! В наше оправдание могу сказать только одно: техасцы и бруклинцы, они еще более напыщенны и нелепы в своем территориальном тщеславии.

Причем бессчетные фильмы о техасцах и бруклинцах лишь закрепляют шаблонное поведение этих людей. Почему, интересно, никто не снимает фильмов о якобы типичных уроженцах Среднего Запада, которые служили бы нам образцом для подражания?

А то у меня только и есть, что вызывающе гундосый акцент.

Кстати, насчет моего акцента. Когда я служил в армии во время Второй мировой войны, один белый южанин однажды спросил у меня: «А тебе обязательно так гнусавить?»

Я мог бы ответить: «Ну, да. Я гнусавый. Зато мои предки не были рабовладельцами», — но мне показалось, что учебный стрелковый полигон в Форт-Брагге, штат Северная Каролина, все же не самое подходящее место для подобных разборок.

Еще я мог бы добавить, что среди величайших слов, изреченных за всю историю Америки, было и несколько произнесенных точно такими же гундосыми тягучими голосами, в том числе Геттисбергское послание Авраама Линкольна из Иллинойса и вот такие слова Юджина Дебса из Терре-Хота, штат Индиана: «Пока существует низший класс —

я к нему отношусь, пока есть преступники — я один из них, пока хоть одна душа томится в тюрьме — я не свободен».

Но кое о чем я бы все-таки умолчал. О том, например, что штат Индиана известен не только как место рождения Юджина Дебса. Когда я был маленьким, в Индиане находилась штаб-квартира Ку-клукс-клана.

В Иллинойсе были Карл Сэндберг и Аль Капоне.

Да, и та штука, что укрывает дом сверху и защищает нас от непогоды, называется «кровля», а то, что течет и журчит во дворе за домом — это «поточина», а никакой не «ручей».

На Среднем Западе живут люди всех рас и подрас, которые смешиваются друг с другом в самых разных вариантах. И все они — коренные жители здешних мест. Вот я, например, чистокровный фриц. У нас у всех разные предки. Мы все ни капельки не похожи. Мой гнусавый выговор — это единственное, что есть во мне от типичного белого американца, который родился и вырос к северу от бывшей Конфедерации. Когда я сел писать эту статью, у меня было стойкое ощущение, что я взялся за совершенно бессмысленную работу, потому что не знаю, как описать нас всех вместе, кроме как через сравнение и отрицание. Мы не техасцы, не бруклинцы, не калифорнийцы, не южане и т.д.

Для того чтобы уже окончательно убедиться в полном отсутствии каких-либо явных характерных признаков, по которым нас можно было бы отделить от всех остальных американцев, я представил себе толпу на Пятой авеню в Нью-Йорке, где живу сейчас, и другую толпу — на Стейт-стрит в Чикаго, где я учился в университете и работал репортером полвека назад. Да, я был прав: те же самые лица, та же одежда, те же самые настроения. Никакой разницы.

Но чем больше я думал о людях Чикаго, тем больше осознавал, что там есть нечто огромное и удивительное. Это было почти как музыка — музыка, которая не слышна ни в Нью-Йорке, ни в Бостоне, ни в Сан-Франциско, ни в Новом Орлеане.

Озеро Мичиган — океан пресной воды, самого ценного вещества на Земле.

Больше нигде во всем северном полушарии нет такой необъятной массы пресной воды, как в наших Великих озерах — нигде, кроме Азии, где находится озеро Байкал. Но оно там одно. Значит, у нас, уроженцев среднего Запада, все-таки есть общая отличительная черта. Вот вам, пожалуйста: мы родились в окружении пресной воды. Она здесь буквально повсюду — в озерах, реках, ручьях, дождевых каплях и снежных сугробах. А соленой воды, непригодной для питья, у нас нет и в помине!

В этом смысле даже мои вкусовые рецепторы настроены на волну Среднего Запада. Когда я купаюсь в океане — в Атлантическом или Тихом, без разницы, — вкус воды кажется мне совершенно неправильным, хотя если ее не глотать, она, в общем-то, и не такая противная. Не противнее куриного бульона.

А еще мы родились в окружении необозримых пространств плодородной земли, ровной, как бильярдный стол, и жирной, как шоколадный торт. Средний Запад — не голая пустошь.

Я родился в 1922 году, через сто с небольшим лет после того, как Индиана стала девятнадцатым штатом Союза. Уже тогда на Среднем Западе было достаточно больших городов со своими симфоническими оркестрами, библиотеками и музеями, высшими учебными заведениями, музыкальными и художественными школами — и все это напоминало Австро-венгерскую империю незадолго до Первой мировой войны. Можно сказать, что Чикаго был нашей Веной, Индианаполис — нашей Прагой, Цинциннати — нашим Будапештом, а Кливленд — нашим Бухарестом.

Когда ты с самого детства живешь в таком городе, то подобные культурно-просветительные учреждения воспринимаются так же обыденно, как полицейские участки или пожарные станции. Не удивительно, что в таком окружении молодые ребята мечтали о том, что, когда они вырастут, они обязательно станут художниками или интеллек-

туалами — если уж не пожарными и полицейскими. Я тоже об этом мечтал.

Эти провинциальные столицы, как их тогда называли в Европе, были восхитительно самодостаточны в отношении изящных искусств. Иногда к нам на ужин приходил дирижер Индианаполисского симфонического оркестра. У нас часто бывали и местные знаменитости: писатели, художники и архитекторы — сослуживцы отца.

Играть на кларнете меня учил первый кларнетист нашего симфонического оркестра. Помню, на одном из концертов, когда оркестр исполнял торжественную увертюру Чайковского «1812 год», полицейский за сценой стрелял холостыми патронами в пустой мусорный бак — изображал пушечную канонаду. Я знал этого полицейского. Он иногда регулировал движение у пешеходного перехода напротив школы № 43, мой родной школы, школы имени Джеймса Уиткома Райли.

Поэтому не удивительно, что со Среднего Запада вышло столько художников самого разного калибра: от мастеров с мировым именем до обычных умельцев. В свое время так было и с провинциальными городами Европы.

Это действительно очень приятно, и я не вижу причин, по которым подобное положение дел не сохранилось бы и в обозримом будущем, разве что у нас вдруг прекратят финансировать преподавание и популяризацию изящных искусств, и особенно — в системе бесплатного среднего образования.

Скоро настанет 2000 год, и в преддверии нового тысячелетия уже стало понятно, что занятие искусством — не отмирающее ремесло, не просто еще один способ заработать на жизнь. Занятие искусством, по своей сути, не имеет вообще ничего общего с необходимостью зарабатывать деньги. Далеко не всякий художник добивается богатства и славы, в чем на собственном опыте могли убедиться многие выходцы со Среднего Запада. Но богатство и слава — это не самое главное. Ценность искусства заключается в том, что оно открывает просторы для роста души.

Однако ни один художник на свете — даже Шекспир, даже Бетховен, даже Джеймс Уитком Райли — не сумел изменить жизнь такого огромного количества людей в целом мире, как это сделали четверо самых обыкновенных парней из Огайо. Двое жили в Дейтоне, двое — в Акроне. Жалко, что Дейтон и Акрон находятся в другом штате. Вот бы заполучить их в Индиану! А Огайо пусть забирает Кокомо и Гэри.

В 1903 году дейтонцы Орвилл и Уилбер Райт изобрели аэроплан.

В 1935 году доктор Роберт Холбрук Смит и Уильям Гриффит Уилсон придумали программу «Двенадцать шагов к трезвости» и основали в Акроне первое в США Общество анонимных алкоголиков. По сравнению со Смитом и Уилсоном, Зигмунд Фрейд был просто-напросто дилетантом в деле вправления разладившихся мозгов и починки разбитых жизней.

Вот так, получите! Весь остальной мир нервно курит в углу. А ведь есть еще Хоуги Кармайл и Кол Портер, Фрэнк Ллойд Райт и Луис Салливен, Твайла Тарп и Боб Фосс, Эрнест Хемингуэй и Сол Беллоу, Майк Николс и Элейн Мэй. Тони Моррисон!

Лари Берд!

У Нью-Йорка, Бостона и других портовых городов на побережье Атлантики есть довольно влиятельный, но часто назойливый сосед — Европа. На Среднем Западе этого нет. Вот почему многие здешние жители европейского происхождения так мало знают о прошлом своих семей в Старом Свете и о тамошней культуре. Наше наследие — чисто американское. Когда во время Второй мировой войны я попал в плен к немцам, один из них спросил у меня: «Почему ты воюешь против своих братьев?». А я искренне не понимал, о чем он говорит.

Англоамериканцы и афроамериканцы, чьи предки переселились на Средний Запад откуда-то с Юга, как правило, знают значительно больше о своей прежней родине, чем

знаю я — речь идет, разумеется, о «Земле Дикси», а не об Африке или Британских островах.

Помимо обилия пресной воды и плодородной почвы, у жителей Среднего Запада есть еще одно великолепное сокровище, которое дарит нам наша земля, если мы соглашаемся принять этот дар: благоговейный восторг перед этим бескрайним цветущим континентом, распростершимся от горизонта до горизонта.

Наполняющим радостью сердце. Пробуждающим веру в душе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	5
Танасфера. <i>Перевод А. Аракелова</i>	19
Мнемотехника. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	36
Любое разумное предложение. <i>Перевод С. Бавина</i>	42
Упаковка. <i>Перевод С. Бавина</i>	56
Бездарь. <i>Перевод А. Комаринец</i>	76
Бедный маленький богатый город. <i>Перевод</i> <i>М. Гальпериной и К. Россинского</i>	89
Сувенир. <i>Перевод Т. Кухта</i>	105
Плавание «Веселого Роджера». <i>Перевод Т. Кухта</i>	117
Невеста на заказ. <i>Перевод Н. Рейн</i>	129
Второкурсник с амбициями. <i>Перевод Н. Рейн</i>	147
Табакерка из Багомбо. <i>Перевод Н. Рейн</i>	164
Нежно-голубой дракон. <i>Перевод К. Сошинской</i>	180
Подарочек Святому Большому Нику. <i>Перевод</i> <i>Н. Эристави</i>	193
Бесплатный консультант. <i>Перевод А. Аракелова</i>	208
Der arme Dolmetscher. <i>Перевод Д. Шкаева</i>	222
Юный женоненавистник. <i>Н. Эристави</i>	228
Этот сын мой. <i>Перевод А. Комаринец</i>	246

Ночь для любви. <i>Перевод Н. Рейн</i>	263
Найди мне мечту. <i>Перевод А. Аракелова</i>	282
Беглецы. <i>Перевод Е. Барзовой и Г. Мурадян</i>	292
2BRO2B. <i>Перевод А. Аракелова</i>	309
Анонимные воздыхатели. <i>Перевод А. Аракелова</i>	319
Волшебная лампа Хэла Ирвина. <i>Перевод А. Аракелова</i>	333
Кода к моей карьере писателя для периодики. <i>Перевод</i> <i>Т. Покидаевой</i>	341

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Воннегут Курт
Табакерка из Багомбо

Рассказы

Ответственные редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippss.ru, e-mail: zakaz@ippss.ru

Курт ВОННЕГУТ

Курт Воннегут — уникальная фигура в современной американской литературе. Трагикомические произведения писателя, проникнутые едкой иронией и незаурядным юмором, романы, в которых фантастика и гротеск неотличимо переплетены с реальностью, сделали Воннегута одним из самых известных прозаиков XX века.

Ранние рассказы великого Воннегута.

Рассказы, в которых он — тогда молодой, начинающий литератор — еще только нащупывает свой уникальный стиль.

Уже подлинно «воннегутовский» юмор — летящий, саркастичный, почти сюрреалистичный.

Однако сюжеты и стиль этих рассказов все еще относятся к классической «нью-йоркской школе», столь любимой интеллектуальными читателями середины прошлого века — и сохранившей свое непосредственное и тонкое обаяние до сих пор.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-065513-7

9 785170 655137